

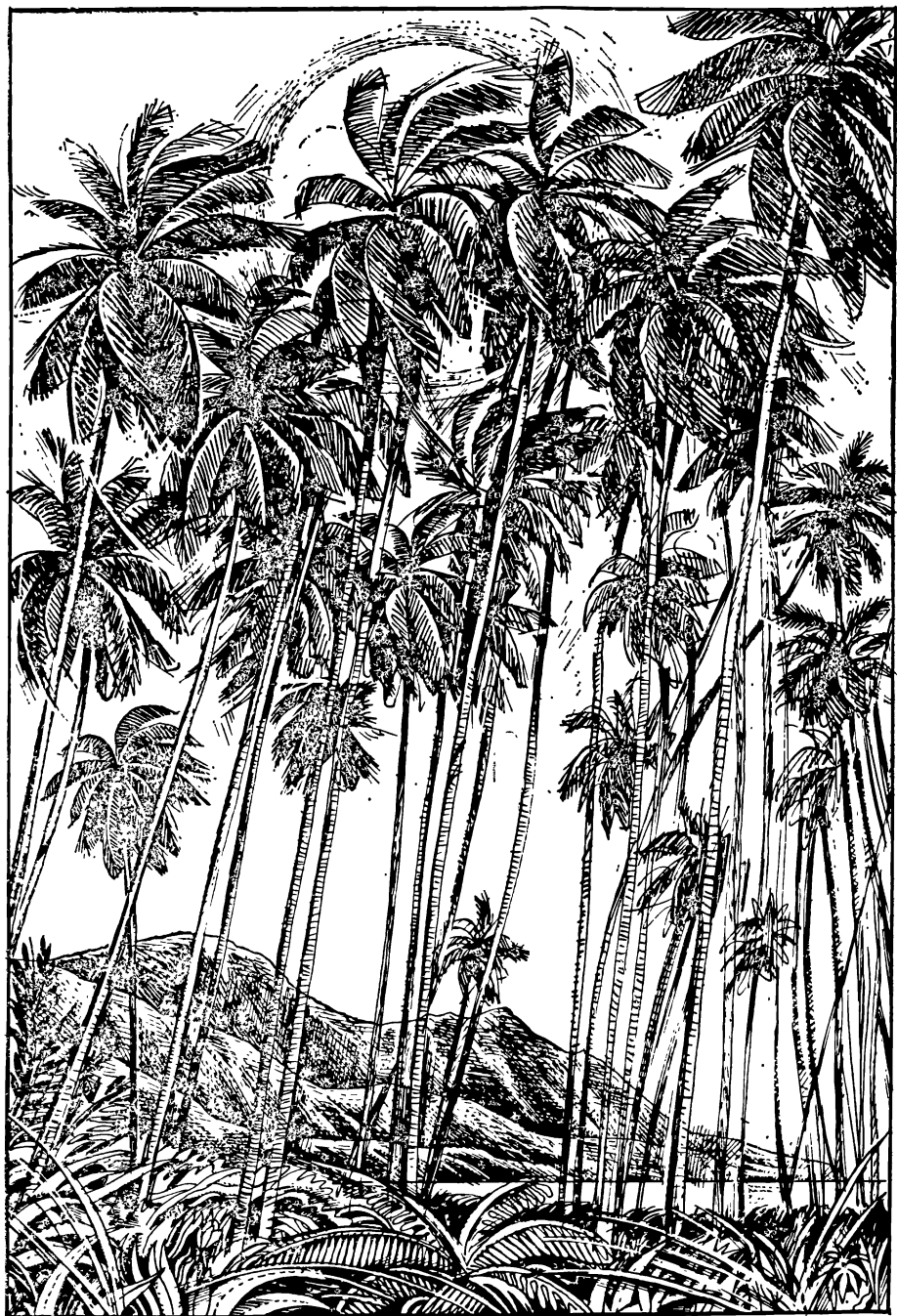
Е. М. Сузюмов
ТИХООКЕАНСКИМ
МАРШРУТОМ

Е. М. Сузюмов
ТИХООКЕАНСКИМ
МАРШРУТОМ

Е. М. Сузюмов

**ТИХООКЕАНСКИМ
МАРШРУТОМ**

Москва «Мысль» 1980

91 (И9)
С 89

Scan+DjVu: AlVaKo
10/02/2024

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
В. В. СУРИКОВА

С $\frac{20901-035}{004(01)-80}$ 166-80 1905020000

© Издательство «Мысль», 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тихий океан... Такой далекий и близкий. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы убедиться, какая огромная площадь нашей планеты занята Тихим океаном и его морями, какую великую роль играет он в формировании природных процессов Земли, какие неисчислимые минеральные, биологические и энергетические ресурсы таит он, какое множество народов живет на материках и островах, омываемых водами Тихого океана. Вот почему еще в древние времена человечество стремилось проложить по нему пути кораблей, использовать его щедрое богатство, открыть новые земли, познать его тайны. Немалый вклад внесли в это дело русские. Стоит только перечислить многочисленные исторические рейсы прославленных парусных кораблей Российского флота в первой половине XIX столетия, назвать имена Шелехова и Головнина, Крузенштерна и Лисянского, Беллинсгаузена и Лазарева, Васильева и Шишмарева и многих других. Во второй половине XIX столетия прославили свои имена важными исследованиями в Тихом океане С. О. Макаров и Н. Н. Миклухо-Маклай, и оба на кораблях, носящих имя «Витязь».

Но только в пятидесятые годы XX столетия началось организованное и научно обоснованное наступление на тайны Тихого океана. Переломным этапом в этом деле явились Международный геофизический год (МГГ) и Международное геофизическое сотрудничество (МГС) (1957—1959 гг.), когда по единому плану ученые десятков стран провели на морских судах и береговых обсерваториях широкий комплекс наблюдений. Один из главных участников этого международного мероприятия — Советский Союз. Именно в связи с МГГ и МГС вышел в дальние рейсы в Тихом океане флагман советского экспедиционного флота «Витязь».

«Витязь» был тогда одним из немногих советских кораблей науки, проникавших в самые отдаленные и малоизвестные районы Тихого океана, ибо ходил он по непроторенным путям, пролегающим вдали от маршрутов транспортных и рыболовных судов. Во многих портах и на островах Тихого океана «Витязь» был первым посланцем Советской страны, и участников его рейсов встречали обычно как дорогих гостей.

Четверть века минуло с того времени. За этот короткий промежуток советская морская наука совершила огромный скачок вперед и по праву находится сейчас в первом ряду мировой океанологии. Эти успехи во многом зависели от интенсивной экспедиционной деятельности в Тихом океане, проведенной за истекшие годы. В советском экспедиционном флоте появились современные корабли науки серийной постройки, богато оснащенные исследовательской техникой. Один из таких кораблей — «Дмитрий Менделеев» стал флагманом советской морской науки на Дальнем Востоке.

На необъятных синих просторах Тихого океана рассыпаны тысячи островов, обозначенных на картах как Океания. Общая площадь островов составляет около 2% от занимаемой океаном площади, причем 85% суши Океании занимают Новая Гвинея и Новая Зеландия. На все остальные тысячи островов приходится всего лишь 15%, или только 177 тыс. квадратных километров суши. Океания разделяется на три большие географические области. В основе этого деления лежат не физико-географические, а этнографические и культурно-географические признаки: общность происхождения, язык, культура и обычаи народов, заселяющих каждую область. Юго-западную часть Океании занимает Меланезия, северо-западную — Микронезия, а центральную часть Тихого океана — Полинезия. Некоторые географы вполне обоснованно выделяют в отдельную область Новую Зеландию, хотя ее коренное население — маори — относится к полинезийцам. Только небольшое число островов Тихого океана лежит вне этих трех географических зон.

Автору этих строк посчастливилось принять участие в нескольких экспедициях в Тихий океан на кораблях науки «Обь», «Витязь» и «Дмитрий Менделеев» и посетить ряд островов. Сделанные во время этих посещений путевые записки легли в основу данной книги. Автор не ставил перед собой цель рассказать о каждом из посещенных островов — их было много. Более целесообразно, по нашему мнению, маршрут повествования по островам Тихого океана проложить последовательно через географические зоны: тропическую, субтропическую, умеренную и субантарктическую.

Начнем мы с островов Полинезии. Острова Полинезии (от греческих слов *poly* — «много» и *nesos* — «остров»), или «островная пыль», как часто их называют, за исключением Новой Зеландии, расположены в западном полушарии в тропической зоне океана внутри гигантского треугольника: на севере — Гавайские острова, на юге — Новая Зеландия, на западе — остров Пасхи.

Подавляющее большинство островов Полинезии, как и всей Океании, сгруппированы в архипелаги, расположенные в опре-

деленной системе — тремя концентрическими дугами. Такое их расположение связано с геологическим строением дна Тихого океана и процессами, совершающимися в земной коре под океаном. По существу это вершины подводных хребтов, возникших десять — двадцать пять миллионов лет назад вследствие мощных излияний базальтовых лав по линии разломов дна океана: таковы острова Гавайские, Маркизские, Общества, Самоа и др. Острова, как, например, Табуаи, созданы разобщенными вулканами, поднявшимися из глубин океана. В Восточной Полинезии встречаются одиночные или небольшие группы вулканических островов. Большинство островов Полинезии окружено коралловыми рифами или являются самостоятельными коралловыми постройками, поднимающимися над вершинами подводных вулканических гор. Область распространения кораллов определяется гидрологическими условиями: они хорошо развиваются при температуре воды около 25°C и гибнут, если она снижается до 18°C .

Полинезия славится необыкновенно живописной природой островов и здоровым климатом. Мореплавателей поражают причудливые очертания возникающих из океанских глубин зеленых гористых островов с устремленными к небу вершинами потухших вулканов или вид атоллов, поросших стройными пальмами, с тихой водной гладью лагун внутри кораллового кольца. Для вулканических островов характерен резко выраженный горный рельеф: крутые и пологие склоны гор, обильно занятые растительностью влажных тропиков, неширокие уютные зеленые долины у подножий гор, узкая прибрежная полоса, пляжи в вершинах бухт, покрытые бело-серым коралловым или черным вулканическим песком. Подавляющая часть населения островов живет на узкой ровной полосе океанского берега.

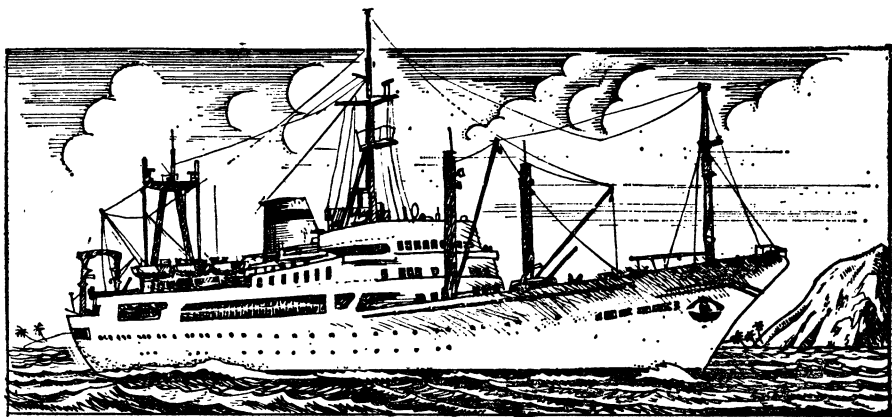
О красоте островов Полинезии много написано в книгах путешественников XIX века и наших современников, известных ученых и мореплавателей Тура Хейердала и Бенгта Даниельссона. И нам, участникам экспедиции в тропическую зону Тихого океана, не забыть те волнующие мгновения, когда все свободные от вахт люди собирались на палубе, любясь как сказочным видением проплывающими мимо борта судна причудливыми очертаниями высокого острова или коралловым атоллом.

Полинезия лежит в зоне северо-восточного и юго-восточного пассатов и круглый год находится под их воздействием. В центральной части Полинезии часто зарождаются циклоны, вызывающие сильнейшие ураганы, которые сметают все живое.

Другое бедствие, наносящее урон островам, — мощные волны цунами, возникающие в глубинах океана и достигающие высоты более 20 метров.

Трагична история населения Океании начиная с появления на ее островах европейцев. Многие народы и народности островов Тихого океана еще живут в условиях колониального и полуколониального режимов, а империализм США действует в этих районах особенно разнузданно и жестоко. По существу Океания является последним оплотом колониализма в этой половине нашей планеты, и населению Океании предстоит еще упорная и длительная борьба за свою национальную независимость.

РОЖДЕННЫЕ ВУЛКАНАМИ

АЛОХА

Август 1961 года. «Витязь» держит путь к Гавайским островам.

При подходе к Гонолулу прежде всего бросается в глаза высокая светлая четырехгранная башня с часами и крупной надписью «АЛОНА» (Алоха), что на гавайском языке означает: при встречах — «привет», «добро пожаловать», а при расставании — «до свидания», «в добрый путь». Гостей встречают здесь по старинному гавайскому обычаю: звонкие звуки гитар и мелодичные песни и танец хула девушек-гаваянок в национальных костюмах.

Из делового мира современной цивилизации путешественник попадает в мир экзотики. Но надо пожить здесь некоторое время, чтобы суметь разобраться в будничной и показной сторонах жизни на Гавайских островах.

Космонавтам, пролетающим над Тихим океаном, Гавайские острова с высоты сотен километров кажутся, вероятно, гирляндой раковин, выброшенных из недр океана. Они действительно выросли миллионы лет назад из океанских глубин под действием мощных вулканических сил. Геологи считают, что острова архипелага возникли над поверхностью океана 10—25 млн. лет назад. «Чудеснейший флот из островов, поставленных на якорь, какого нет ни в одном другом океане» — так отзывался о них Марк Твен. Действительно, острова очень живописны. Они имеют поэтическую историю, украшенную красивыми легендами. Эпилог

этой истории трагичен, как и повсюду на островах Полинезии. Гавайскому народу пришлось выдержать особенно сильный натиск «цивилизованного» колониализма прежде всего из-за важного стратегического положения островов в Тихом океане между Старым и Новым Светом.

Полинезийцы поселились на Гавайских островах около 1200 года н. э. В начале XVI века острова, возможно, посещались испанскими, голландскими и японскими мореплавателями, но официальное открытие Гавайских островов в 1778 году принадлежит английскому мореплавателю Джеймсу Куку. Он назвал их островами Сандвича, по фамилии патрона его экспедиции.

Как только Кук открыл путь на Гавайские острова, европейцы и американцы стали там частыми гостями. «Ловцы удачи» направляли сюда свои корабли и беззастенчиво грабили природные богатства островов. Так, уже в двадцатых годах XIX века бесследно исчезли обширные леса ценного сандалового дерева. Процесс колонизации островов шел быстрыми темпами, и над гавайцами нависла реальная угроза обнищания и физического уничтожения. Дорогу для колонизаторов расчистили монахи-миссионеры. Они не только строили церкви и школы, но и подрывали национальное единство гавайцев, готовили из них послушных слуг белых господ, выступали посредниками между гавайскими королями и знатью и колонизаторами, умело использовали межплеменные распри.

За овладение островами шла борьба между колониальными державами. Победителями вышли американцы. Они захватили лучшие плодородные земли в долинах и заняли их под сахарные и ананасовые плантации. К концу XIX века американцы перешли от экономической экспансии к захвату государственной власти. В 1887 году США подписали договор с королем Калакуа и получили в аренду на острове Оаху гавань Пирл-Харбор, ставшую их главной военной базой в Тихом океане. В 1898 году США аннексировали архипелаг, а в 1900 году наименовали его Территорией, то есть превратили и фактически и формально в колонию.

Первая половина XX столетия отмечена полным подчинением всей экономики Гавайских островов монополиям США, быстрым ростом населения за счет иммиграции из Азии дешевой рабочей силы и одновременно продолжением падения численности коренного населения, окончательным крушением его патриархальной жизни, перестройкой на американский лад всего уклада жизни гавайского народа. И как логическое завершение процесса американизации Гавайских островов, 18 марта 1959 года президент США Эйзенхауэр подписал билл о новом статусе Гавайских островов: они были включены в состав США в качестве 50-го штата. Новый штат получил название — State of Hawaii

(Штат Гавайи) и одновременно второе название — The Aloha State (Штат Алоха). Для нового штата были установлены его символы: флаг, печать, девиз, гимн и т. д.

Как и любой штат США, Гавайские острова имеют официальные эмблемы. Так, State bird, или птицей штата, является гавайский гусь, утвержденный законодательным актом от 7 мая 1957 года, цветком штата — пятилепестковый ярко-красный хибискус, самый распространенный цветок не только на Гавайских островах, но, пожалуй, и во всей Полинезии.

Столица штата — город Гонолулу, в переводе это означает «тихая гавань», «прекрасная гавань», «закрытая гавань» и т. п.

В 1790 году английский парусник «Баттервот», промысляющий торговлей мехами, искал на Гавайских островах пристанища, чтобы пополнить запасы воды и пищи. Следуя вдоль южного берега острова Оаху, моряки неожиданно обнаружили уютную зеленую бухту. Капитан корабля Браун узнал от живущих здесь островитян, что они называют ее Гонолулу. Под этим названием он и отметил ее на карте, но у моряков она еще долгое время слыла как гавань Брауна. С тех пор в гавани Гонолулу стали часто появляться суда под разноцветными флагами морских держав, нередко там развевался и голубой Андреевский флаг Российского флота.

Гонолулу стал столицей Гавайских островов в 1845 году, в расцвет китобойного промысла, когда в его бухте отсаивались китобойные суда многих стран. Из маленького поселка он вырос в большой благоустроенный город, могущий соперничать с любым европейским или американским большим городом.

Гонолулу раскинул свои дома и улицы в юго-западной части острова Оаху на довольно узкой прибрежной полосе от лагуны Кихи до пляжа Кахала, но по мере роста населения улицы устремились к северу, к горам. Когда знакомишься с жизнью Гавайской столицы, то в глаза бросаются две характерные черты: американский образ в деловой жизни и искусственное подержание национальной гавайской культуры и обычаев. И первое, и второе нужны для бизнеса, только одно — для деловых кругов, а другое — для туристов. Первое остается в тени, второе выставляется напоказ. Конечно, есть на Гавайях большая категория людей, которые стараются бережно сохранять остатки гавайской национальной культуры, но не они определяют лицо Гавайских островов и не они диктуют ритм жизни в Гонолулу. В 50-м штате США, как и во всех остальных 49 штатах, людей держит в руках власть доллара. И только люди со средствами могут позволить себе приехать на отдых в Гонолулу, пожить в его комфортабельных отелях, искупаться на всемирно известном пляже Вайкики, совершить воздушные или морские путешествия по островам архипелага. Для этого надо иметь не просто доллары, а много

долларов. Туристы требуют щекочущих нервы плясок «туземцев» под рокочущие звуки барабанов, хотят почувствовать себя оторванными от привычной им обстановки, испытать гостеприимство «древних» гавайцев и даже пожить их жизнью. И вот десятки тысяч людей заняты тем, чтобы создавать для туристов иллюзию экзотики.

Уже не найти здесь тех гавайских деревень, какие были описаны Лисянским и Коцебу более ста лет назад. Современные гавайцы живут в каменных или деревянных домах с электричеством, водопроводом, радио, телевизором и гаражом. Но для туристов «гавайские деревни» существуют, а один из фешенебельных и самых дорогих отелей Гонолулу так и называется — Hawaiian Village («гавайская деревня»).

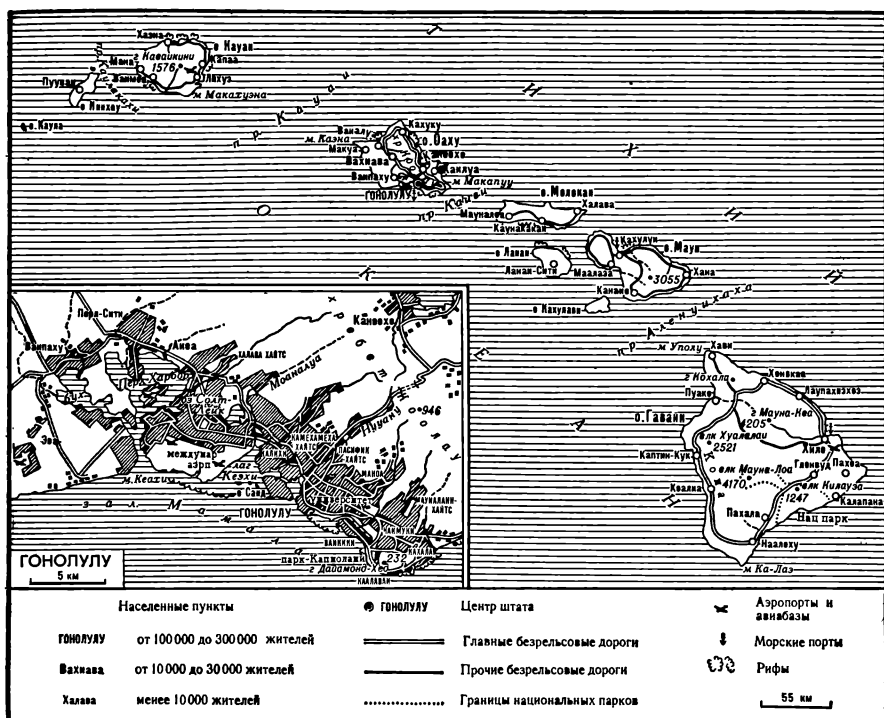
Гавайская хула перестала быть народным танцем. Ее танцуют по вечерам в ресторанах и барах девушки-гавайянки из профессиональных ансамблей. Хулу танцуют на пляже Вайкики под голубым небом и тенью кокосовых пальм, на причалах порта при швартовке пассажирских лайнеров, в аэропорту при посадке самолетов, и везде это профессиональные ансамбли, оплачиваемые пароходными и авиационными компаниями.

Гавайская музыка американизирована, в магазинах широким спросом пользуются патефонные пластинки с гавайскими песнями на английском языке на модернизированный мотив.

Чтобы ошеломить туристов обилием показательной экзотики, каскадом удовольствий, на каждый день разработаны специальные программы увеселений, о них широко рекламируют газеты, афиши, проспекты. Каждый день новый праздник — такую задачу ставят перед собой те, кто наживает прибыли на туризме. И они стараются. Туристам не дают опомниться от одних красочных зрелищ, как уже надо спешить на другие. В программе увеселений видное место занимают фестивали — их много, они посвящены разным темам, и самым главным из них является Aloha Week Festival («фестивальная неделя Алоха»), проводимая в октябре, когда начинается спад туристского сезона. Фестивалю предшествуют выборы «короля» и «королевы»; облачась в маскарадные царственные одежды, они в сопровождении маскарадной свиты торжественно возглавляют все фестивальные зрелища.

Слово «алоха» широко эксплуатируется в коммерческих целях. Им названы межостровные авиационные и пароходные линии, торговые фирмы. Оно пестреет на сувенирах, одежде, обуви. «Алоха, алоха, алоха...» — читаем на каждом шагу. «Алоха, алоха, алоха» — звучит постоянно в ушах.

Отдельные районы города носят гавайские названия, большинство улиц Гонолулу тоже называются по-гавайски. Так, параллельно берегу от порта до Вайкики тянется одна из самых длинных улиц города и главная его магистраль — Ала-Моана, ее

Гавайские острова

пересекают десятки улиц с певучими гавайскими названиями. На Вайкики Ала-Моана вливается в местную главную магистраль курортного центра — Калакуа-авеню. На улицах плакаты и витрины с изображением первого монарха Гавайев могущественного короля Камеамеа I в красной накидке ахуула и в мехиоле — шлеме с гребнем. Это рекламы туристской компании «Hawaii Visitors Bureau». С других реклам на вас задумчиво глядит портрет симпатичной женщины средних лет с явными полинезийскими чертами лица, но одетой в европейское платье. Это миссис Мэри Робинсон, потомок королевской фамилии, ныне президент и директор-распорядитель компании «Robinson's Hawaiian Tours». Такие уже пришли времена, что имена умерших королей и их ныне здравствующих потомков на Гавайях призваны служить всемогущему американскому бизнесу.

Интересно сложилась судьба последней представительницы рода Камеамеа — принцессы Пауахи: она стала женой предприимчивого богатого американца, уроженца Нью-Йорка, Чарльза Рида Бишопа. В справочнике о Гавайских островах имя

Ч. Р. Бишоп стоит на первом месте, впереди монархов династий Камеамеа и Калакауа и даже сахарных и банановых «королей» Диллинхэмов и Доулей. Ч. Бишоп прожил на Гавайях 50 лет, основал «Нейшэнал Банк оф Гавайи», а в 1889 году создал музей и назвал его в память своей жены «Бернис Пауахи Бишоп-музей». В нем собраны бесценные сокровища гавайской культуры и истории народов Океании, очень полно представлены флора и фауна островов Полинезии и Тихого океана, богатства недр островов, а главное — наглядно показана история полинезийского народа, экспонируются его жилища, одежда, утварь, оружие, предметы самобытного творчества, искусство. Только в Музее Бишоп нам были показаны песни и танцы древних полинезийцев, очищенные от налета профессионального модернизма. Когдаходишь в главный зал Бишоп-музея, то внимание привлекает огромная картосхема: история и пути расселения полинезийцев по островам Тихого океана. Существует несколько гипотез о происхождении народов Океании и о путях заселения ими островов. Многие разделяют гипотезу «азиатского» происхождения полинезийского народа, наиболее полно разработанную Те Ранги Хироа*, но есть и другие. Так, Тур Хейердал в результате путешествия на плоту «Кон-Тики» и экспедиции на остров Пасхи возродил гипотезу «американского» происхождения полинезийцев.

Те Ранги Хироа предложил свою гипотезу заселения островов. Предки полинезийцев, народ европейской расы, жили в Индонезии, откуда были вытеснены пришельцами, вероятно, малайцами. Полинезийцы устремились на восток через острова Микронезии и достигли архипелага Таити — это произошло приблизительно в V веке н. э. Острова группы Таити явились очагом полинезийской культуры и тем исходным плацдармом, откуда направлялись полинезийцы дальше — на другие острова. На схеме в Бишоп-музее показаны восемь стрелок направления движения полинезийцев: на севере они достигли Гавайских островов, на юге — Новой Зеландии, на востоке — острова Пасхи. На каждой группе островов полинезийцы приспосабливались к окружающей среде, изменяя свой быт и обычаи. В преданиях полинезийцев говорится о древней легендарной стране Гаваике, прапраодине полинезийских племен. О местонахождении Гаваики столько же мнений, сколько о месте затонувшей Атлантиды. Разные исследователи Гаваикой называют остров Яву, Новую Зеландию, остров Самоа и другие острова, а по мнению Те Ранги Хироа, Гаваика — это остров Раиатеа, входящий в архипелаг Общества (близ острова Таити). В пользу азиатского происхождения по-

---

* Те Ранги Хироа, или Питер Бак (1880—1951), родился от матери маорийки и отца ирландца, выдающийся историк и этнограф Полинезии, в течение 15 лет был директором Бишоп-музея.

линезийцев говорит их язык, входящий в малайско-полинезийскую языковую семью, и целый ряд элементов материальной и духовной культуры. Дискуссия еще не окончена.

Но как уже говорилось выше, к моменту «открытия» Полинезии испанцами, голландцами, англичанами, французами и русскими эти острова уже в течение веков населяли народы со сложившейся культурой, языком, общественным устройством. Общение с иностранцами дорого обошлось полинезийцам. К концу XVIII столетия на всех островах Полинезии насчитывалось 1100 тыс. жителей, через сто лет их население сократилось до 180 тыс. человек. На островах появились европейцы, американцы, японцы, индийцы, китайцы, филиппинцы и другие пришлые народы; перед их натиском отдельные племена полинезийцев исчезли с лица Земли либо смешались с пришельцами, образовав большую группу метисного населения.

Ныне к гавайцам относят всех, кто имеет в своей крови хотя бы $\frac{1}{16}$ гавайской крови. В Гонолулу действуют несколько школ для гавайцев, носящих имена либо королей, королев и членов королевской фамилии, либо меценатов и покровителей. Для гавайцев существуют льготы и при поступлении в университет.

Экономика Гавайских островов — типичный образец монокультурного колониального хозяйства, приспособленного к экономике метрополии. Только две культуры — сахарный тростник и ананасы — занимают львиную долю в сельском хозяйстве, остальные отрасли имеют ничтожно малый удельный вес. С Гавайских островов кроме США сахар экспортируется также в страны Ближнего Востока и Латинской Америки. Самые крупные сахарные плантации находятся на островах Гавайи, Мауи, Оаху и Кауаи.

Ананасы создали славу Гавайским островам. В любом рекламном проспекте непременно красуется ананас, чаще всего в руках улыбающейся миловидной девушки. При подходе к Гонолулу слева от города показываются серые корпуса и высокие трубы завода по переработке ананасов, а на фоне голубого неба четко выделяется огромная модель ананаса. При короле Камеа-меа I (на рубеже XVIII—XIX веков он объединил под своей властью все Гавайские острова и считается основателем гавайской королевской династии) состоял в ранге советника испанец дон Франциско Пауль Марин. История приписывает ему заслугу насаждения многих культурных растений, в том числе посадки первых ананасов. Но промышленные плантации ананасов появились в начале восьмидесятых годов прошлого столетия, когда с острова Ямайка американцы завезли сорта сладкого ананаса и засадили им большие площади самых лучших земель. В 1901 году уроженец Бостона и потомок миссионеров Джемс Доул сосредоточил в своих руках монополию на производство, пере-

работку и сбыт ананасов, а организованная им «Гавайн пинэйпл компани» вскоре захватила монополию и на мировом рынке.

Гавайские острова — излюбленное место туристов. Воздушные и морские пассажирские компании ведут между собой ожесточенную конкуренцию, и в этой борьбе все чаще одерживают верх воздушные пути сообщения; у туристов почти при той же плате за билеты до минимума сокращается время в пути и больше дней остается для путешествия по островам.

В бюджете Гавайских островов туризм с каждым годом играет все более важную роль и, можно сказать, завоевал уже главенствующее положение. Если бы внезапно прекратился поток туристов, это было бы величайшим бедствием для 50-го штата: разорились бы пароходные и авиационные компании, отели и рестораны, торговые фирмы и владельцы магазинов, особенно торгующие сувенирами, станции обслуживания, автобусные и автомобильные компании, а десятки тысяч людей, заработок которых зависит от обслуживания туристов, оказались бы без работы. Сотни гавайских девушек-танцовщиц и музыкантов остались бы без слушателей и зрителей.

Таким образом, вот три кита, на которых держится благосостояние экономики Гавайских островов: туристы, сахар и ананасы. И первый из них — туризм все больше занимает главенствующее положение. Во всяком случае этот вид бизнеса кормит больше всего людей, и он определяет внешний облик и ритм жизни в Гонолулу.

Как сообщила гонолульская курортная газета «Гаваиан холидей», по отчету Тихоокеанского туристского союза, Гавайские острова вышли на первое место как наиболее популярный тихоокеанский курорт, а Япония и Гонконг заняли второе и третье.

Трудно поверить, но основные продукты питания на эти острова, богатые урожайными землями и сочными пастбищами, завозятся извне. Как-то незадолго до выхода «Витязя» из Гонолулу меня встретил на палубе помощник капитана Ф. И. Жигула и, хитро улыбаясь, спросил:

— Хотите видеть наглядный урок политэкономии? — Он повел меня в третий трюм, где находятся продовольственные кладовые. — Вот, смотрите, что мы закупили здесь...

Пожалуй, только одни ананасы были местного происхождения. На ящиках с яблоками, апельсинами и курами, на мешках с картофелем, луком, морковью были марки различных калифорнийских фирм. Оказывается, Гавайские острова прокормить свое население не в состоянии, основные продукты питания завозятся извне, преимущественно из Калифорнии. В справочнике о портах Гавайских островов написано: «Большая часть того, чем питается основной житель Гавайев, что он носит, материалы, из которых он строит свой дом, мебель для этого дома, автомобили,

которыми он управляет, бензин, на котором работают эти автомобили, книги и журналы, которые он читает, кинокартины, которые он смотрит,— все это должно им доставляться...» Такова еще одна черта оборотной стороны медали «процветающего» 50-го штата США.

Гавайский университет создан только в 1919 году на базе существовавшего с 1907 года колледжа сельского хозяйства и механики. Его многочисленные корпуса разбросаны на большой площади среди кокосовых пальм и вечно цветущих декоративных деревьев и кустарников на северо-восточной окраине города, в долине между склонами холмов. Много архитектурного искусства и вкуса вложено в его прямоугольные, простые по форме, но удивительно легкие и насквозь пронизанные светом корпуса. Мы смогли достаточно хорошо ознакомиться с университетом — заседания Х Тихоокеанского конгресса проходили в его аудиториях. Правительство США принимает меры к превращению Гавайского университета в центр по подготовке специалистов для всей области Тихого океана. Университет состоит из 7 колледжей и имеет целый ряд исследовательских лабораторий и станций.

Днем на улицах Гонолулу кипит деловая жизнь обычного американского города, только в курортном районе Вайкики люди беззаботно нежатся на горячем белом коралловом песке. На площади перед портом, у выходов с причала, где высятся многоэтажная белая громада пассажирского корабля, только что пересекшего океан от берегов Калифорнии или Японии, столпились уличные торговцы, преимущественно японцы. Они предлагают туристам длинные ожерелья — lei из душистых цветов или ракушек, вырезанные из дерева фигурки Тики — полинезийских богов, мелкие сувениры с видами Гонолулу и обязательной надписью «Алоха». Большинство сувениров, что продают уличные торговцы или красуются на прилавках солидных магазинов, привезены из Японии. Но покупатели уже потом увидят на обратной стороне мелкую надпись «Сделано в Японии».

На улицах Гонолулу особенно много встречаешь японцев. Японцы — самая крупная национальная прослойка населения 50-го штата США. Первые японские переселенцы появились здесь во второй половине XIX столетия, а ныне на Гавайских островах почти треть населения составляют японцы. Японским фирмам принадлежат крупные магазины, они владеют ресторанами, кафе, мелкими лавочками, кинотеатрами, посредническими конторами. Японцы и японки работают продавцами в магазинах, служат в отелях и прислугой в частных домах, агентами по поручениям, клерками, бухгалтерами. Основная сфера их деятельности — коммерция. Но среди японцев также есть представители интеллигенции: инженеры, адвокаты, врачи, научные

работники, преподаватели. Если политическая власть и руководство в монополиях находятся в руках американцев, то японцы крепко держат в своих руках среднее звено капиталистической экономики.

Прямо от портовой площади, где висится башня Алоха, протянулась фешенебельная улица Бишоп. Неподалеку от нее находится так называемый азиатский район. Здесь небольшие серые двухэтажные дома, нижние этажи заняты мелкими лавочками. Торговля ведется до полуночи, и ту же вещь, что за дорогую цену выставлена в блестящем универмаге на улице Бишоп, здесь можно купить за полцены. Жизнь здесь кипит круглые сутки. Здесь тоже царство бизнеса, но самого мелкого. Пожилые японки сидят на улице у порогов своих жилищ и нанизывают на длинные нити белые, бледно-желтые и красные цветы с толстыми мясистыми ароматными лепестками — сегодня приходит туристский лайнер, надо продать побольше лей туристам. Мелкие ремесленники — сапожники, паяльщики. Кого только тут нет! Вот выход из комнаты прямо на тротуар, вместо двери кусок цветной ткани, перед порогом сидит старуха-зазывала и предлагает морякам по дешевке любовь, что скрывается за цветной занавеской. В кафе и барах здесь продают самую дешевую пищу, доступную карманам бедняков. На узких улицах ни дерева, ни чахлого кустика — пыль и камень. Мы приходили иногда в японские кварталы, чтобы увидеть контрасты Гонолулу, заходили в чистенькие кафе под заманчивой вывеской «Семь морей». Хозяйка — быстрая и молчаливая японка — доставала из холодильника жестяные банки, ловко вскрывала их, и мы пили самый божественный из фруктовых напитков — сок тропического плода гуавы, что носит совершенно справедливое название — «гуава-нектар».

Ну а гавайцы? Они растворились, ассимилировались в потоке чужеземцев, обосновавшихся на их островах. Гавайская знать породнилась с завоевателями, их дети и внуки составляют верхушку местной аристократии. Среди современных гавайцев есть небольшая прослойка интеллигенции — это научные работники, преподаватели университета, колледжей и школ, лица свободных профессий, искусства. Из гавайцев состоят профессиональные ансамбли танцоров и музыкантов. Остальные же, а их большинство, будничным трудом зарабатывают себе на жизнь: официанты в ресторанах и барах, мелкие уличные торговцы сувенирами, шоферы, рабочие на плантациях, на сахарных и ананасовых заводах, дорожные рабочие, матросы, персонал станций обслуживания, полицейские, рассыльные, чернорабочие и еще представители разных трудовых профессий, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. Слишком мало сейчас осталось на островах гавайцев, чтобы могли они делать погоду.

На набережной в любое время, днем и вечером, всегда можно видеть одну картину: молчаливых японцев, реже гавайцев, сидящих целыми семьями тут же на камнях с удочками, заброшенными в воду. Почти около каждого стоит транзистор, и вокруг разносятся звуки музыки, то медленной и ритмичной, то какофония звуков. Среди рыболовов особенно много женщин, от седых старух до вихрастых девочек.

В один из первых вечеров, когда ушли с «Витязя» последние гости и полицейский водрузил перед входом на пирс табличку «No visitors» *, мы отправились побродить по вечернему Гонолулу. Бишоп-стрит и соседние улицы, где сосредоточены блестящие универмаги и где днем движутся непрерывные потоки пешеходов, были пустынно и молчаливы. Мы шли параллельно берегу залива по широкой и совершенно безлюдной Ала-Моана — ни единого прохожего, и только по ее широкой магистрали с притушенными фарами, сверкая свежим лаком от уличных фонарей, мчались в сторону Вайкики вереницы автомобилей. Свернули на параллельную улицу Капиолани — тоже ни одного прохожего, и только единичные, быстрые как метеор автомашины. Справа и слева тянулись обширные открытые площадки с гирляндами разноцветных электрических лампочек, освещавших установленные тесными рядами автомобили. На каждой площадке сотни автомобилей — они выставлены на продажу. Здесь со скидкой продаются автомашины устаревших марок: год-два назад они были модными, теперь же появились другие, а большой бизнес требует показной стороны, чтобы все было только модерн. Машина вошла прочно в быт жителей 50-го штата, и поэтому не случайно пешеходов можно встретить на улицах лишь около торговых и деловых центров да в курортной части.

Деловую часть города отделяет от Вайкики канал, впадающий в бухту Ала-Вай. Два узких длинных пирса вдаются в бухту, и к ним пришвартованы кормой десятки небольших судов: белоснежные парусные и моторные яхты, двухкорпусные катamarаны. Чуть покачиваясь на легкой волне, корабли отдыхают в тихой бухте после многодневного плавания. Паруса свернуты и безжизненно покоятся на палубах, оголенные стройные мачты дерзко смотрят в голубое небо. Здесь пристань для частных прогулочных яхт. Из каких только портов мира ни приплыли они сюда! Об этом можно прочитать на корме каждого судна: «Лос-Анджелес», «Сан-Диего», «Сан-Франциско», «Сидней», «Ванкувер», «Манила», «Сан-Барбара»... Надо быть очень смелыми и опытными моряками, чтобы на таком хрупком суденышке пуститься в плавание на десятки тысяч миль в безбрежные дали

---

* Прием экскурсантов окончен.

океана, который далеко не всегда оправдывает свое название Тихий. Романтика повестей Джека Лондона сходит здесь со страниц книг и воплощается в реальность.

Кто не побывал на Вайкики, тот вообще не знает, что такое Гонолулу. Вайкики* — главная приманка туристов. Виды Вайкики обязательно встретите на любой рекламе. Вайкики считается лучшим в мире пляжем (я усомнился в этом, когда искался там: множество мелких и крупных обломков кораллов, торчащих из песка, требуют предельной осторожности и купания обязательно в обуви). На Вайкики находится большинство отелей. Там самые веселые развлечения, вечный праздник. В дневные часы разноголосая и разноязычная людская масса сосредоточена на узкой полосе побережья океана. Пляж разделен на участки, отели обычно имеют свои собственные пляжи. Вечером вся эта людская волна разливается широко по кварталам, улицам и паркам небольшого района города, стиснутого между каналом Ала-Вай и пляжем Вайкики, заполняет отели, рестораны, танцевальные площадки, непрерывно широким гудящим и грохочущим потоком льется по главной улице района — Калакуа-авеню.

Ярким светом залиты витрины магазинов, над фасадами кинотеатров бешено крутятся электрические шары реклам, свет полной луны меркнет в заревах искусственного огня. На смену дневной нестерпимой жаре приходит теплый вечер, легкий ветерок приносит запахи океана и вечный шум прибоя. Над улицами и площадками зажигаются тысячи цветных электрических лампочек и фонарей, перед входами в рестораны и бары пылают неровным красноватым коптящим пламенем смоляные факелы, и от них пляшут на стенах домов в живых изгородях фантастические тени. Но самое большое оживление на небольшом пятачке под названием «Международный базар». В центре его — громадное многостовольное дерево, увитое цветными электрическими гирляндами, вершина могучего дерева сливается с темным небом. Вся площадка занята множеством мелких лавочек и баров с непременными пылающими факелами перед входом. В этих лавочках товар на виду, разложен весь на прилавках. Здесь можно купить все, чем богат Тихий океан и его острова: ветвистые окаменевшие кусты белых кораллов, огромные розовые раковины и еще десятки других видов раковин со всех островов Полинезии, каменные и деревянные изваяния гавайских богов, большие, как тарелка, перламутровые раковины, корабли из раковин, дерева и пластмассы, скульптуры, картины, сосуды всех времен и народов, гавайские рубашки с яркими экзотическими

---

* Состоит из двух слов: wai — «вода», kiki — «струя», а все вместе — Waikiki, или «струящаяся вода».

рисунками или изображениями короля Кameamea I, гавайские длинные женские платья, шелковые японские кимоно, ожерелья из раковин и цветов, ананасы, бананы, манго, апельсины, груши и многое, многое другое, что производит Старый и Новый Свет и что можно продать и купить за доллары. Жизнь здесь бьет ключом до рассвета. Кажется, здесь справляется каждый вечер веселый, стремительный, брызжащий весельем, музыкой и танцами карнавал.

Когда я ходил по порту и набережной Гонолулу, по веселым вечерним улицам Вайкики, невольно в голове вертелась неотвязная мысль: «Все это так знакомо. Где же я мог увидеть это раньше?» И вдруг осенило: да ведь это тот самый выдуманный город Лисс, а может быть, и Зурбаган или Гель-Гью, что описал в своих книгах Александр Грин. Ну точно, вот у этого причала в бухте Ала-Вай стояла шхуна «Бегущая по волнам», а в том магазине капитан Грэй покупал рулоны алого шелка для парусов своего корабля «Секрет». Нет, Грин не выдумал свои города. Такой город мы видели, и называется он Гонолулу. Внешняя жизнь этого города похожа на феерическое зрелище, на искусно разыгрываемое ревью, поставленное опытным режиссером, неистощимым мастером на эффектные выдумки.

В Гонолулу, где десятки конкурирующих фирм стараются завлечь к себе туристов и выкачать из них побольше денег, сервис поставлен блестяще. Сервис неразрывно связан с бизнесом. Сервис — это тоже бизнес, он дает средства к жизни десяткам тысяч людей. И уже как бесплатное приложение к нему дается то, что нельзя оценить на доллары: внимание, предупредительность, улыбка. Сервис всегда делается с улыбкой — разве это плохо? Может быть, улыбка и вежливость — это та невесомая добавка, что привлекает клиентов больше к одной конкурирующей фирме, чем к другой.

Мы имели возможность познакомиться с островом Оаху. Остров небольшой, всего 82 километра в длину и 52 километра в ширину, занимает менее одной десятой (9,4%) площади архипелага, но живет на нем почти $\frac{4}{5}$ населения 50-го штата США. Горный хребет Коолау с характерными округлыми вулканическими вершинами пересекает весь остров. Между хребтом и южным берегом океана и находится город Гонолулу. Горы оберегают Гонолулу, служат заслоном от холодных потоков северного ветра, задерживают своими вершинами дождевые тучи, и над городом всегда безмятежно сияет солнце. Вдруг с ясного неба на город неожиданно начинают сыпаться мелкие дождевые капли — это верхние струйные течения захватили из туч и понесли на город водяные брызги.

Автобус быстро выносит нас по Нууану-авеню на северные окраины Гонолулу. Едем по долине Нууану мимо небольших,

окруженных цветами, зеленью и редкими высокими пальмами домиков, выезжаем на широкое асфальтированное шоссе Пали.

Начинается подъем в гору. Резко меняется климат. Солнце закрывается тучами, в стекла брызжет дождь. Нырнем в черную дыру тоннеля — и, когда вновь вырываемся на дневной свет, первая горная преграда уже позади. Подъезжаем к горному перевалу Пали. Здесь, на высоте 1207 метров, устроена широкая асфальтированная смотровая площадка. Отсюда открывается великолепный вид на панораму зеленых долин и голубых горных хребтов, на лазурные воды Тихого океана и Гонолулу. А под ногами отвесная почти километровая стена, уходящая в бездонную пропасть: в давние времена гавайские воины сбрасывали с этой отвесной скалы своих пленных врагов. Ветер с ураганной силой вырывается сюда из ущелья, трудно удержаться на ногах. Порывы ветра срывают все, что приколото к костюму, выворачивают карманы и мгновенно уносят в пропасть свою добычу. Замелькали в воздухе, понеслись в вихревом потоке зеленые таблички делегатов конгресса, цветы, носовые платки, авто-ручки...

На острове Оаху почти не осталось девственной природы. Только в самом северо-западном углу острова, куда еще не было доведено асфальтированное шоссе и где горы подступают к самому океану, сохранились участки диких зарослей акации коа и других лиственных деревьев вперемежку с угрюмыми серо-зелеными колючими кактусами. А во всех остальных местах к каждому метру земли, к каждому дереву и кусту приложена рука человека. Красивые экзотические пейзажи кажутся устроенными человеком-художником с целью ласкать взор приезжающих туристов.

Аккуратные асфальтированные дороги, смотровые площадки, придорожные отели и рестораны, все атрибуты сервиса невольно напоминают о бизнесе, царящем за горной грядой в Гонолулу: все для туристов! И это не случайно, ибо остров Оаху только в одном 1960 году посетило 296,5 тыс. туристов, которые оставили в кассах туристских бюро и отелей почти 120 млн. долларов, в то время как сахарные и ананасовые плантации острова дали доход — 87,7 млн. долларов. Ради этого стоит насаждать экзотику руками человека. И все это так удачно маскирует ту трагедию, что пережил на зеленых экзотических островах населявший их народ. Ныне остатки этого народа уже освоили язык и уклад жизни своих завоевателей, но для внешнего показа рядятся в национальные одежды, танцуют плавную и стремительную хулу, священнодействуют на празднике Луау, поют песни предков, снимаются в живописных позах одни или с туристами на фоне горы Бриллиантовая голова и зелено-голубых лагун для сувенирных открыток.

Есть еще одна сторона гавайской действительности — она не рекламируется в туристских проспектах. Гавайские острова — центр милитаристских сил США на Тихом океане. В бухте Пирл-Харбор, что примыкает к Гонолулу с запада, главная база тихоокеанского флота США. Карта островов покрыта заштрихованными квадратами с указанием: «Военная зона». Покончив с завоеванием Гавайского архипелага, американский империализм начал отсюда протягивать свои шупальца к другим островам Тихого океана — Каролинским, Марианским, Маршалловым, к побережью Азии. Отсюда осуществлялись испытания ядерного оружия на атоллах Тихого океана. И никакой показной экзотикой, никакими трогательными заботами о сохранении «гавайской национальной культуры» не скрыть империализму США, что Гавайские острова — главный плацдарм его милитаристической экспансии в обширнейшей области Тихого океана.

История русского мореплавания XIX века тесно связана с Гавайскими островами. Сюда заходили корабли Крузенштерна и Лисянского, Головнина и Коцебу, совершавшие кругосветные плавания. Здесь бывали суда Русско-американской компании, покупали у гавайцев овощи и фрукты для снабжения русских поселений на Аляске и Алеутах. Русские оставили о себе добрую память у гавайцев. Они не притесняли островитян, вели с ними честную торговлю, не оскверняли их обычаев. Более полутора столетий минуло с тех пор, неизвестно стали ли острова и народ, их населяющий, но следы пребывания русских на Гавайях еще сохранились. От места слияния Ала-Моана с Калакуа-авеню к самому берегу океана спускается обширная зеленая площадка, поросшая редкими невысокими цветущими деревьями. Место это носит название Форт-де-Русси («Русский форт»).

В картинной галерее Гонолульской академии художеств мое внимание привлекла комната, отведенная под акварельные рисунки, изображающие Гавайские острова начала XIX столетия: деревни, храмы, оружие, домашнюю утварь, одежду, гавайских мужчин и женщин, бытовые сценки. Каково же было мое удивление, когда прочел имя художника: А. Шорис — художник русской экспедиции Коцебу на «Рюрике», посетивший Гавайские острова в 1816 и 1817 годах. И еще один «памятник» русского пребывания на Гавайях: перед зданием Бишоп-музея Г. Б. Удинцев показал мне на старинную медную пушку, стрелявшую когда-то ядрами. На ней русскими буквами выгравировано: «Тула, 1824 год». В Хило, главном городе острова Гавайи, в местном музее под стеклом витрины хранится изящный чайный сервиз русского фарфора: он был подарен королю Камеамеа капитаном одного из русских кораблей, посетивших в начале XIX века

этот остров. Наши находки носили случайный характер, но если заняться изысканиями, то, несомненно, можно найти еще немало следов посещения русскими кораблями Гавайских островов.

Экспедиция на «Витязе» прибыла в Гонолулу, чтобы принять участие в X Тихоокеанском научном конгрессе, происходившем в зданиях Гавайского университета. Пожалуй, ни одна делегация не пользовалась таким вниманием, как советская. Если подсчитать все полученные приглашения на выступления в печати, по радио и телевидению, на официальные и неофициальные встречи, тогда нам пришлось бы жить в Гонолулу месяца полтора. Мы оказались в 50-м штате в самый разгар разжигания «холодной войны» против нашей страны: конец августа — начало сентября 1961 года. Каждое утро со страниц газет текли мутные потоки лжи и клеветы на Советскую страну. И в эти дни многие американские ученые и жители Гонолулу, как бы демонстрируя свою полную непричастность к официальной политике своего правительства, стремились подчеркнуть чувства дружбы и симпатии к советским людям.

Большое внимание конгресс уделил проблеме охраны природы. Делегаты с тревогой говорили о том, что на многих островах быстро исчезают флора и фауна и что нужны коренные меры по их сохранению. Так, например, на Галапагосских островах от систематических вторжений человека в природу в прошлом, особенно пиратов и китобоев, сильно пострадали уникальные флора и фауна, а сейчас им сильно угрожает деятельность современного человека. Почти полностью исчезли гигантские черепахи, давшие название архипелагу, близки к исчезновению морские и земные игуаны (прямые потомки доисторических ящеров), котики, нелетающие бакланы, галапагосские пингвины, галапагосские голуби и зяблики Дарвина. В 1934 году правительство Эквадора объявило Галапагосские острова заповедником, однако этой меры оказалось недостаточно для сохранения флоры и фауны островов.

Большое внимание вызвал доклад Тура Хейердала о результатах его экспедиции на Галапагосских островах; целый ряд фактов свидетельствует о доиспанских контактах Перу и Эквадора с Галапагосскими островами.

На конгрессы, подобно Тихоокеанскому, съезжаются деятели науки буквально со всей планеты нашей. Здесь можно встретить людей, чьи имена прославлены на весь мир, и только что вступивших в жизнь молодых ученых, потративших все свои сбережения на поездку в Гонолулу — многие приехали сюда на собственные средства. В кулуарах конгресса можно встретить старого знакомого или завязать интересные новые знакомства.

Так, например, однажды на одной из дорожек, связывающих корпус университета, А. В. Живаго и я встретили высокую жен-

щину средних лет в одежде монахини. К ее одеянию был приколот значок делегата конгресса. Монахиня приветливо улыбнулась, остановилась и представилась нам: «Сестра Леона», а затем спросила, не попадет ли нам за то, что разговариваем с монахиней. Мы заверили ее, что опасаться этого, пожалуй, надо ей, а не нам. Тогда сестра Леона предложила свои услуги ознакомиться нас с растениями на территории университета. Она с увлечением переходила от одних кустов к другим, называла их местные и латинские названия, восхищалась вместе с нами яркими красками и причудливыми формами тропических растений, остролистным длинным цветком, похожим на красивую птичку и носящим название «райская птица»; изогнутыми махровыми колокольчиками цвета бордо с нарядной бахромой на желтых цветоножках и длинными выступающими вперед пестиками — «африканскими тюльпанами»; единственным представителем семейства имбиря, произрастающим на Гавайских островах и прозванным за свою форму и цвет «пылающим факелом», и другими цветами. Очень не шла серо-черная монашеская одежда к этой жизнерадостной, энергичной женщине. Как мы узнали, она происходит из голландской семьи, но почти всю жизнь живет в Гонолулу. Нужда заставила ее надеть духовную рясу. Сестра Леона — высокообразованная женщина: она преподает физику, химию и ботанику в частном католическом женском колледже. Ею написан и издан учебник ботаники, опубликованы научные труды.

Вот еще одно интересное знакомство: художавый шатен с живыми умными глазами на бледном лице Зигфрид Рамлер — преподаватель иностранных языков в Гавайском университете. Он водил меня по аудитории и с энтузиазмом рассказывал, как студенты изучают иностранные языки.

— А изучают ли они русский язык?

— О, студенты нашего университета испытывают огромную тягу к русскому языку, — оживляется Рамлер. — Нам пришлось ввести его в программу.

К нашей делегации подходит высокий худой человек с длинной рыжей бородой. Лицо его очень знакомо: мы видели его на многих фотографиях в книге Т. Хейердала «Кон-Тики». Это швед Бенгт Даниельссон, участник исторического плавания на плоту «Кон-Тики». Даниельссон приветливо улыбается:

— Рад буду с вами встретиться на Таити. Я слышал, «Витязь» будет там? Обижусь, если не навестите меня...

Даниельссон стал постоянным жителем Полинезии, увлекается историей и этнографией полинезийцев.

«Витязь» покидал Гонолулу в раннее воскресное утро, когда город только что просыпался после самой веселой ночи недели — с субботы на воскресенье. Косые лучи утреннего солнца

золотили голубой залив и тщетно пытались пробиться к вершинам хребта сквозь серую вату дождевых облаков, сгрудившихся над горами. Проводить нас в плавание пришло немного людей — друзья, не поленившиеся встать в воскресенье пораньше. Когда с корабля уже были отданы концы и, взбивая винтом бурлящую пену, «Витязь» начал медленно отходить от каменной стенки, на причал быстрым легким шагом вошла высокая седовласая женщина с гордой осанкой, одетая в прямое до самой земли синее гавайское платье. Черты лица выдавали ее смешанное гавайско-европейское происхождение. Женщина подошла к краю причала, послала руками нам прощальный привет, что-то прокричала, сорвала со своей шеи ожерелье — леку из нежно-желтых цветов и бросила в воду. А потом, воздев к небу руки, она как изваяние застыла в этой позе на вдающемся в залив углу причала — то ли взывая к богам своих полинезийских предков и прося их оказать покровительство мореплавателям, то ли благословляя сама чужеземных гостей, покидающих зеленые берега ее родины. Последнее, что осталось в памяти при прощании с Гонолулу, — удаляющийся причал с башней Алоха и на самом краю его синяя фигура седовласой женщины с поднятой вверх головой и простертыми к небу руками. Так, вероятно, в прошлые века гавайские женщины провожали отходящие корабли.

НА ОСТРОВЕ ОРХИДЕЙ И ВУЛКАНОВ

Не так-то легко оказалось попасть нам на остров Гавайи после окончания работ Тихоокеанского конгресса. Для советских кораблей этот остров был закрыт, но благодаря содействию руководителей конгресса Р. Ревелла и Г. Кулиджа нам было разрешено зайти в порт Хило и совершить экскурсию по острову. И хотя наш научный корабль прибыл сюда с самыми мирными целями, в момент швартовки в порту Хило наряд полицейских надежно охранял вход в порт, где уже красовался знакомый указатель «No visitors», а на причале мы увидели лишь улыбающегося переводчика Дэвида (он прилетел сюда самолетом) и еще двух-трех официальных лиц.

«Витязь» оказался первым советским кораблем, посетившим остров Гавайи.

Остров Гавайи — самый большой в архипелаге. Площадь его свыше 25 тыс. квадратных километров, или 62,6% от всей площади архипелага, но живет на нем только 73,3 тыс. человек, или 8,2% населения штата *. По площади он почти в 7 раз больше острова Оаху, а жителей на нем в 8 раз меньше, следовательно,

---

* По данным на начало 1977 г.

плотность его населения в 56 раз меньше. В общем производстве сельского хозяйства стоимость продукции острова Гавайя составляет одну треть*.

Почему так сложилось? Что здесь — плохой климат или мало плодородных долин, где люди могли бы строить свои города и обрабатывать почву? Нет, всего вполне хватает. Но таков уж уродливый путь развития колониального хозяйства. Нам рассказали, что еще не так давно здесь было вдвое больше жителей. Но когда на сахарных плантациях появились машины и основные процессы были механизированы, люди остались без работы и вынуждены были бросать насиженные места и уезжать отсюда в поисках новых мест работы. По официальным данным, даже при таком небольшом населении на острове Гавайи в то время числилось 1090 человек, или 4 %, безработных, а 15 лет спустя, в 1976 году, число безработных увеличилось до 2750 человек и составило 8,6 % трудоспособного населения. Климат здесь чудесный, и земли для жизни и деятельности людей вдоволь.

Город Хило — главный порт и столица острова Гавайи — расположен в обширной зеленой долине в северо-восточной части острова, на берегу открытой бухты Хило. Хило резко отличается от своего старшего брата — Гонолулу. Печать провинциальности лежит на этом городе. Здесь нет стройных многоэтажных зданий из стекла и металла, нет и буйно веселого Вайкики. Лишь одна-единственная короткая улица в центре города с нарядными витринами магазинов может претендовать на принадлежность к столице. Остальные улицы — неширокие, зеленые, тенистые, с одноэтажными домиками в глубине усадьбы, закрытые от улицы густой зеленью. На улицах провинциальная тишина, нет сплошного потока автомашин. Как и в Гонолулу, всей коммерческой деятельностью и здесь заправляют японцы.

На острове Гавайи мало отелей, они не так комфортабельны и помещаются в скромных одноэтажных домах, как и положено в провинции. И туристов здесь бывает значительно меньше (в 1960 году — около 90 тыс. человек), и доход от них составил скромную сумму, в 10 раз меньшую, чем от сахарных плантаций. Остров пленяет своим неповторимым живописным ландшафтом, где над всеми горами возвышаются могучие округлые вершины вулканов Мауна-Кеа и Мауна-Лоа, и обилием пышной тропической растительности, особенно цветов. Недаром же остров Гавайи имеет еще два названия: «остров вулканов» и «остров орхидей». И еще знаменит этот остров своими черными песчаными пляжами. Один из таких пляжей расположен на восточной окраине города: узкая полоса берега залива на протяжении ста метров покрыта мелким темно-серым и черным пес-

---

* По данным на начало 1977 г.

ком — изверженными вулканическими породами, перемолотыми морем. Этот почти безлюдный пляж даже под лучами яркого солнца кажется мрачным.

Через шоссе находятся кварталы восточной части города. Но мы только видим площадки каменных фундаментов домов да скрученные самым невероятным образом железные трубы и стойки — остатки каркасов зданий и несколько полуразрушенных, обвалившихся каменных стен. Лишь стройные и гордые кокосовые пальмы равнодушно покачивают своими темно-зелеными перистыми листьями среди этих развалин. Это следы катастрофы, разразившейся год назад. Однажды ночью огромная волна, порожденная в глубинах океана мощными тектоническими силами, набежала на берег острова, хлынула сплошной водяной стеной высотой 10 метров в неширокий проход, образованный двумя мысами, с колоссальной силой обрушилась на жилые дома и в один миг разрушила и снесла несколько кварталов. Волны цунами — величайшее бедствие не только для Гавайских островов, но и для всех берегов Тихого океана. Не случайно проблема предупреждения цунами и организации службы оповещения занимала такое важное место на симпозиумах Тихоокеанского конгресса. Хотя жители Хило и были предупреждены о надвигающейся волне цунами, но спастись успели не все — погибло 62 человека.

Отправляемся в поездку по острову. Асфальтированная дорога серой лентой стелется по широкой долине среди густых тропических зарослей. Затем шоссе вырывается на просторы сахарных плантаций. На острове Гавайи нет ананасовых плантаций, большинство удобных земель заняты сахарным тростником. Здесь 47% всех сахарных плантаций архипелага. На них работает $\frac{1}{3}$ населения острова. На западном побережье разбиты кофейные плантации, а склоны гор заняты пастбищами.

Дорога уже миновала поля сахарного тростника и устремилась в гору. Становится прохладно. Меняется характер растительности, пышная зелень влажных тропиков остается внизу. Очень много мощных, похожих на пальмы древовидных папоротников и эвкалиптов. Их сменяют заросли низкорослых, приземистых деревьев с очень мелкими серо-зелеными листочками. Берег океана все дальше отходит назад. Лишь изредка при повороте дороги среди зеленых ветвей мелькнет лазурное пятно океана, и снова только зелень. Мы поднимаемся по могучей груди вулкана Мауна-Лоа. Его покрытая снегом вершина — округлая, с очень пологим склоном — постепенно вырастает перед нами, а к северу от нее, точно родная сестра, поднимается над островом такая же вершина с пологими склонами — вулкан Мауна-Кеа. Оба вулкана — величайшие горные вершины не только Гавайского архипелага, но и всех Тихоокеанских остро-

вов. Их высота над ложем океана 10 500—11 000 метров, но они более чем на $\frac{2}{5}$ скрыты под водой.

Гавайский национальный парк — интереснейшее место архипелага. Он занимает большую площадь на юго-западном склоне Мауна-Лоа, на высоте 1100—1200 метров, в его центре, — система кратеров вулкана Килауеа, окруженного тропической растительностью.

На острове Гавайи расположены вулканы так называемого гавайского типа с очень пологими щитовидными вершинами и жидкими базальтовыми лавами, бедными газами. Извержения таких вулканов происходят довольно спокойно: после взрыва на 200—300 метров взлетает вверх фонтан из лавы и раскаленных камней. Кратер заполняется жидкой лавой, уровень этого огненного озера быстро повышается, заполняет весь кратер, начинает переливаться через его горловину, и вскоре лава одним или несколькими потоками устремляется вниз. Лава гавайских вулканов почти наполовину (48,5%) состоит из кремнезема, обладает большой вязкостью и течет сравнительно медленно — до 25 километров в час, сжигая на своем пути все препятствия. Часто потоки лавы доходят до берега, и раскаленная магма устремляется в океан, и тогда сразу эта часть острова окутывается густыми белыми водяными парами, а площадь острова увеличивается на несколько акров.

В музее национального парка на крупномасштабной карте вулканов Мауна-Лоа и Килауеа нарисованы направления лавовых потоков всех зарегистрированных извержений, начиная с 1790 года даны сведения о каждом извержении: когда оно началось, сколько дней продолжалось, с какой высоты и из какого кратера, площадь покрытия лавой и объем излившейся лавы.

Посетители музея подолгу задерживаются у картины неизвестного художника прошлого века. Она отображает исторический эпизод, относящийся к 1790 году; суть его такова: Кеола, вождь одного из племен гавайцев, не захотел признать над собой власть Камеамеа I, собрал войско и пошел на короля войной. Воины шли по склону горы Мауна-Лоа. Внезапно раздалось чудовищные подземные удары, гора разверзлась, взметнулись к небу вихри пламени, и раскаленный каменный дождь посыпался на войско Кеола. И когда Камеамеа со своими воинами подошел к месту боя, он не нашел в живых ни одного врага. На картине изображено, как воины гавайского короля, опустив копья, с ужасом смотрят на распростертые перед ними бездыханные тела, сраженные огненными камнями.

Вулкан Килауеа самый жизнедеятельный и беспокойный. У него несколько кратеров. Коварный и капризный Плутон может неожиданно вылить из недр земных лаву через любой его

кратер без очереди и какой-либо системы. В кратере Килауеа-Ики котловина (ширина 1200 м и глубина около 200 м) заполнена застывшей лавой, видны протоки, где лава уходила из кратера и разливалась по склону. Последнее извержение здесь произошло в июне 1961 года. Из трещин еще кое-где вырываются струйки пара.

Поток лавы, излившейся из кратера Килауеа-Ики в ноябре 1959 года, устремился на лес, покрывавший склон горы недалеко от кратера. Теперь здесь светло-серые сухие стволы деревьев, прямые и покоробленные, с сухими короткими сучьями самых причудливых форм. Это все, что осталось от густого зеленого леса. Картина тягостная и даже жуткая. Вокруг мертвое безмолвие: каменистая лава, подобная внезапно застывшему штормовому морю, и среди серых каменных волн торчат какие-то фантастические мертвые стволы с нелепо растопыренными лапами. Ни зеленой травинки, ни листочка, ни птицы залетной — мрачная пустыня.

Другой кратер — Халемаумау такого же примерно размера, только более глубокий. В 1961 году он пробуждался дважды — в марте и июле. Лава застыла пластами, и между ними прорываются струи пара — остыл только самый верхний слой.

Недалеко находится Гавайская вулканическая обсерватория. Построена она на возвышенности Увекауна в 4090 футов над уровнем моря. Перед зданием обсерватории на двух щитах написано четкими буквами:

«Вулкан Халемаумау. Главный выход вулкана Килауеа, диаметр $\frac{1}{2}$ мили. Большинство извержений Килауеа происходит через эту вулканическую вершину, называемую «огненная яма»... Наблюдательный вулканический пункт Увекауна. Кратер Килауеа. Длина 2,5 мили, ширина 2 мили. Площадь подножия 2600 акров».

Вулканическая обсерватория основана в 1912 году. Точные сейсмографы непрерывно фиксируют все колебания земной коры, подземные толчки и изменения угла наклона поверхности земли. По этим записям геофизики обсерватории прогнозируют районы будущих извержений.

— Данные последних показаний сейсмографов, — рассказывает дежурный по обсерватории, — говорят о том, что скоро будет местное извержение вулкана. Мы еще не можем точно назвать время, но можем достаточно точно определить место. Вероятно, извержение произойдет вот там, ближе к океану. Мы определили это по резким толчкам подземной лавы и увеличению того бугра...

— А вдруг очаг лавы окажется под вами, и лава хлынет на обсерваторию? — задаем ему вопрос.

Геофизик смеется:

— О, это был бы исключительный случай для проведения наблюдений!..

Геологи разделяют площадь острова Гавайи на 5 зон, по числу главных вулканов, породивших этот остров:

Название вулкана	Высота над уровнем моря, м	Площадь, кв. км	Процент от площади острова
Мауна-Лоа	4 169	5 251	50,5
Килауеа	1 247	1 430	13,7
Хиалалаи	2 521	751	7,2
Мауна-Кеа	4 205	2 380	22,8
Кохала	1 670	606	5,8
Итого . . .		10 438	100,0*

Эти зоны различны по своей вулканической и сейсмической активности. Наиболее активными являются Мауна-Лоа и Килауеа. Именно здесь наблюдается повышенная сейсмическая деятельность. Через них проходят две рифтовые зоны, здесь регистрируются частые землетрясения, извергается магма из недр земли.

Величественный Мауна-Лоа ведет себя все же сравнительно спокойнее, чем его небольшой, но буйный сосед Килауеа. За последние 130 лет было отмечено семь извержений Мауна-Лоа. Особенно буйствовал вулкан в 70-х годах прошлого и 40-х годах нынешнего столетия. Но самым сильным было извержение в июне 1950 года, когда вулкан в течение 23 дней выливал через свой кратер из недр земли раскаленную магму: она тремя потоками устремилась к западному берегу острова, дошла до океана и залила прибрежную зону океанического дна. Последнее извержение Мауна-Лоа было недавно — в середине 1975 года. Оно было сравнительно меньших масштабов, и ему предшествовала серия небольших землетрясений.

Вулкан Килауеа реже находился в состоянии покоя: за последние 185 лет он извергался 41 раз. В XIX столетии извержения происходили с большими интервалами: в 1823, в 1840 годах, потом активная деятельность в 1918—1934 годах и затем после перерыва в 1952 году. В течение марта — апреля 1955 года произошло три небольших извержения. Прошло еще четыре года, и вулкан задействовал на полную мощь. Из кратера вырывались и били в небо фонтаны пламени, раскаленной магмы и

* Natural Hazards on the Island of Hawaii US Dep. of the Interior (Geological Survey). Washington, 1976.

камней. Широкие потоки лавы изливались из бокового кратера Пуна, достигли поселка Капос, залили большую площадь сельскохозяйственных земель. Затем короткая передышка, и начиная с 1969 года Килауеа бушует непрерывно. За пять лет (1969—1974 гг.) общая продолжительность его извержений составила 1724 дня и вылитая лава покрыла площадь более 100 квадратных километров.

По имеющимся сведениям, вулкан Килауеа еще не успокоился и до сих пор продолжает периодически выбрасывать лаву и камни из своих многочисленных кратеров.

На территории национального парка образцовая чистота, хотя его посещают тысячи людей.

Гавайский национальный парк славится не только вулканами. Его долины и ущелья пышно покрыты буйной тропической растительностью. Один уголок парка так и называется — «папоротниковые джунгли». Здесь растут гигантские древовидные папоротники высотой 12—14 метров.

Ошеломляет обилие и разнообразие цветов на северном побережье острова в живописном уголке Акака-Фаллс, находящемся километрах в семидесяти к северу от национального парка. По пути часто встречались вечнозеленые стройные деревья с длинной пушистой хвоей — араукарии. Но в отличие от австралийских араукарий эти деревья необыкновенно высокие и, если можно так сказать, узкие.

Вскоре мы добрались до тесного ущелья и пошли по тропинке, пробитой по склону и дну. Здесь росли высоченные кокосовые пальмы, все кусты и деревья были густо оплетены лианами. Деревья и кустарники от обилия цветов «полыхали» алым пламенем и переливались как золото. Это были хибискусы — широкие красные колокольчики с длинным желтым пестиком, желтая софора, крупные темно-красные, величиной с кулак, цветы имбиря и всюду орхидеи, орхидеи, орхидеи... Они растут здесь в диком виде и обвивают, как лианы, стволы папоротников. Земли не видно, она покрыта плотным ярко-зеленым ковром из мелкой травы и густого пушистого мха.

Вот наконец последний поворот тропинки выводит нас на широкую ровную утрамбованную площадку перед самым обрывом, а на другой стороне ущелья с высоты 140 метров с шумом ниспадает широкая, сверкающая в солнечных лучах струя водопада. Кстати, остров Гавайи с полным правом можно назвать также и островом водопадов. Когда «Витязь» плыл вдоль его обрывистого зеленого северного берега, то в пределах поля зрения можно было насчитать восемь водопадов, тоненькими серебряными нитями сбегających с высоких круч в океан.

С того дня, как «Витязь» покинул причал порта Гонолулу, прошло одиннадцать лет. И вот экспедиционный корабль снова держит путь к Гавайским островам. Но теперь мы находимся на борту не «Витязя», а современного судна «Дмитрий Менделеев».

Во внешнем виде города произошли большие перемены. Взметнулись вверх десятки этажей многих новых внушительных зданий в деловой части города, так называемом Даунтауне, примыкающем к району порта, особенно на Бишоп-стрит. В конце магистрали Ала-Моана вырос большой торговый центр с новыми универмагами, сверкающими витринами и огнями реклам, ресторанами и барами. Неузнаваемо преобразился район Вайкики. На узкой прибрежной полосе и примыкающих к ней улицах так плотно сгрудились отели, что издали выглядят слитной серой массой. Кажется, здесь использован каждый квадратный сантиметр.

— За эти годы сверхбыстрыми темпами развивался туризм, а это вызвало настоящий строительный бум,— пояснил наш спутник профессор Харвей.— Сейчас это самый прибыльный бизнес на Гавайях, особенно в Гонолулу.

Действительно, если в 1960 году в Гонолулу в 65 гостиницах было 8223 номера, то теперь в 126 гостиницах номеров 25 500, причем 98 отелей расположены в Вайкики.

— Правительство нашего штата,— продолжал профессор,— ставит основным условием, чтобы новые высотные отели не загромождали вид ни с моря, ни с суши на Даймонд-Хэд...

Потухший вулкан Даймонд-Хэд, или Бриллиантовая голова, расположенный на западной окраине Гонолулу,— гордость города и его символ. Изображение этой горы вы можете видеть всюду на картинах и открытках, сувенирных изделиях.

У самого залива, между берегом и магистралью Калакауавену, построен аквариум, где собраны представители богатейшей по разнообразию видов фауны тропической зоны Тихого океана.

По улицам Гонолулу и отходящим от города в разные стороны широким магистралям сплошными потоками мчатся вереницы автомашин, отравляя воздух отработанными газами. Наша цель — юго-восточный выступ острова Оаху. Шоссе проложено вдоль самого берега океана. Минуем оживленный и шумный Вайкики, зеленую зону Капиолини-парка, огибаем бурые скалы Даймонд-Хэд и выезжаем к заливу Мауналуа. С запада его ограждает выступ Даймонд-Хэд, а с востока — широкий мыс, образованный другим потухшим вулканом острова Оаху — Коко-Хэд («кокосовая голова»). Десять лет назад здесь

была зеленая долина с редкими группами домов; ныне поселки Анна-Найна, Вайлупе, Нуи, Кумиолулу так разрослись, что образуют сплошной жилой массив, застроенный одно-двухэтажными домиками, утопающими в зелени хибискусов, фикусов и магнолий. За ними конечная цель нашей сегодняшней поездки — Sea Life Park, или парк «Жизнь моря».

Создан он недавно у самого юго-восточного выступа острова мыса Макапуи и занимает обширную площадь берега с нагромождением каменных глыб и вдающийся в сушу залив. Это заведение имеет четыре назначения: во-первых, как коммерческое предприятие — морское шоу для туристов; во-вторых, для исследовательской работы по экологии морской среды Гавайских островов, и прежде всего по биотехнике, то есть поведению морских животных и рыб и их дрессировке по заданным программам; в-третьих, для испытания техники подводных исследований и, наконец, четвертая сторона деятельности, тоже коммерческая, — сбор кораллов, раковин и других сокровищ морского дна для продажи фирмам, торгующим сувенирами.

Исследовательские работы здесь проводят сотрудники Гавайского океанологического центра Макапуи (по названию восточного мыса острова Оаху). Главное внимание они уделяют подводным работам и экспериментам. Мы смогли осмотреть их морскую технику: подводную лодку (экипаж 2 человека, погружение до 200 метров), используемую для сбора кораллов, подводный дом, применяемый для инженерно-технических работ и медико-биологических экспериментов (автономность 20 суток при работе 6 человек, опускается до глубин 200 метров), и береговой баррический комплекс.

Но это будничная сторона деятельности морского парка и океанологического центра. Главное, что привлекает сюда людей, — морское шоу, «звездами» которого являются дельфины и косатки.

У самого берега залива расположены амфитеатром трибуны на несколько сот человек, они возвышаются над просторным аквариумом — жилищем дельфинов. Это зрелище не было новым для нас, мы уже видели такие цирковые представления морских животных и в Японии, и в Калифорнии, но каждый раз оно вызывает чувство восхищения ловкостью его исполнителей. Дельфины совершали групповые и индивидуальные прыжки вверх и сальто, гоняли мяч как заправские спортсмены — игроки в водное поло, прыгали через препятствия. Но «звездами» этого шоу оказались две огромные хищные косатки. Они показывали свое цирковое искусство за пределами аквариума в огороженной части залива, где на якоре покачивалась нарядная каравелла XVII века. На палубе каравеллы показалась гаваянка. Она перешла на легкий плот, и косатки по ее команде при-

мчались к ней, осторожно подхватили плотик и повели его по водной глади залива. Представление закончилось тем, что очаровательная островитянка совершила прогулку верхом на спине одной из косаток.

Побывали мы и в Центре полинезийской культуры, расположенном близ северной оконечности острова Оаху. Чтобы попасть туда, надо было пересечь весь остров с юга на север. Мы проезжали по знакомым местам, часто не узнавая их.

Вот знаменитый горный перевал Пали со смотровой площадкой и видами на Гонолулу, зеленые долины и голубые горы. Но почему же сейчас здесь так тихо и спокойно, не свищет ветер, не уносит в пропасть головные уборы и не выворачивает карманы? Оказывается, когда расширяли и выпрямляли шоссе, снесли часть скалы, и созданная природой естественная аэродинамическая труба оказалась уничтоженной. И теперь только легкий ветерок приятно ласкает лицо.

Не узнать и северной части острова, где последний раз мы видели участок девственной природы, еще не затронутой рукой человека. Исчезла вырубленная на каменных скалах узкая дорога, теперь северный угол острова огибает благоустроенная автострада, а бывшая целина расчищена от камней, огорожена забором, и над воротами красуется вывеска: «Центр полинезийской культуры». Но не надо думать, что здесь ведутся научные исследования по полинезийской культуре. Культура здесь носит рекламно-коммерческий характер и служит всемогущему бизнесу: получать доходы от туризма, ибо Центр привлекает множество туристов.

Центр занимает площадь в два с лишним десятка гектаров и разделен на многочисленные секторы, каждый из которых отведен тому или иному народу: гавайцам, таитянам, самоанцам, маори, тонганцам, маркизианцам и фиджийцам. В каждом секторе показаны жилища, их внутреннее убранство, здесь же орудия производства и войны, предметы быта и национального творчества, ритуальные сооружения со статуями местных богов и еще многое другое, специфическое для каждого племени. Каждое племя представлено семьями. Мужчины и женщины занимаются своими повседневными делами, отрываясь от них лишь для позирования перед фотообъективами.

Но самое главное начинается с 5 часов вечера, когда солнце начинает клониться к закату. Сотни зрителей устремляются к берегам широкой водной протоки, пересекающей территорию Центра.

Раздаются мелодичные звуки музыки, им вторит тихий хор мужских и женских голосов. Из-за поворота показываются первые каноэ. Мужчины-гребцы мерно взмахивают веслами; на установленные между двумя каноэ площадки поднимаются

женщины. Гребцы опускают весла, берут в руки барабаны и музыкальные инструменты. Маленькая флотилия останавливается, и женщины на площадках исполняют танцы своего племени. Выполнив свою программу, гребцы снова берутся за весла, а на смену первой флотилии из-за поворота появляется вторая, за ней третья... Каждое племя представлено отдельной флотилией, люди на них одеты в свои национальные одежды, впрочем мало отличающиеся друг от друга: на всех короткие юбочки из пальмовых листьев или лубяных волокон, у женщин грудь закрыта цветной или белой с орнаментом повязкой, на шее ожерелья из цветов и раковин. Различны только музыка, движения и танцы: тут и плавная гавайская хула и бешеные ритмы таитянской хулы... Перед зрителями проплывают флотилии всех полинезийских племен, представленных на этой территории. Красочное шоу заканчивается уже при свете факелов. Хотя Центр полинезийской культуры создан с коммерческой целью, его посетители, особенно кто впервые попал в Полинезию, уносят яркие впечатления о быте, культуре и искусстве отдельных народов островов Полинезии, как от посещения своеобразного музея под открытым небом.

Ученые Гавайского университета встретили советских гостей с большим радушием. Самой сердечной была встреча со старейшим профессором университета Джорджем Вуллардом, крупным авторитетом в области морской геофизики. Он неоднократно посещал Советский Союз и имеет тесные научные связи со многими нашими научными учреждениями и советскими учеными. Профессор Вуллард — научный руководитель Института геофизики, одного из крупнейших в составе Гавайского университета.

Сейчас университет — основной исследовательский центр всей Полинезии, причем ведущее положение в нем занимает Институт геофизики, имеющий отделения физической океанографии, геологии, геофизики, геохимии, геодезии, внутренних вод.

Институту принадлежат три исследовательских судна: «Териту», «Махи» и «Кона-Кеоки», — на них ведутся работы в различных районах Тихого и Индийского океанов. Помимо работ своего основного профиля научные работники Института геофизики выполняют совместно с другими факультетами программы по астрономии и космонавтике, акустике, почвоведению, береговым процессам.

Институт имеет несколько филиалов, научных центров, станций и лабораторий, расположенных в разных частях островов, а некоторые из них — на большом отдалении от Гавайев: обсерватория физики облаков, станция по изучению цунами и сейсмическая обсерватория — на острове Гавайи, лаборатория морской

техники — в Гонолулу, Тихоокеанская лаборатория экваториальных исследований — на острове Фанинг и др.

Хотя университет содержится на госбюджете, но львиная доля средств на исследовательские работы поступает от заказчика через Исследовательскую корпорацию Гавайского университета. Она была создана в 1966 году, возглавляется Советом директоров из девяти человек во главе с президентом университета.

Энергетический кризис особо сильно ударил по Гавайям, так как нефть здесь исключительно импортная и она обеспечивает 98% потребляемой энергии. Поэтому перед гавайскими учеными поставлена задача развития природной энергии для целей самообеспечения: использование геотермальной и гидроэлектрической, энергии океанских течений и волн, солнца, ветра, утилизация отходов производства и местной растительности. По проведенным расчетам, только использование энергии солнца может в условиях Гавайев снизить стоимость электроэнергии на 50%. В продажу уже поступили портативные солнечные установки для нагревания воды для домашних нужд.

— Планирование научных исследований у нас построено по следующему принципу, — рассказал профессор Вуллард. — На каждый проект назначается руководитель, ему выделяют определенную сумму денег и назначают срок окончания работ. Дальше всем командует руководитель проекта: выделенные деньги он тратит по своему усмотрению. Один считает нужным нанять на них научных сотрудников, другой — приобрести оборудование и приборы. Важно, чтобы результаты работ по проекту были сданы в установленный срок.

— А дальше?

— Дальше? — пожал плечами профессор. — Все решается очень просто: финансирование прекращается, люди увольняются и должны сами найти себе другую работу...

Да, большие перемены произошли в жизни столицы Гавайских островов за короткое время между двумя визитами. Отошли еще дальше на задний план национальные интересы коренного населения, а если отделить курортный район Вайкики с его специфической увеселительной жизнью, то перед нами стандартный большой американский деловой город, типичный для любого штата США, где основной тон жизни задают монополии. Духу бизнеса подчинен весь уклад жизни Гонолулу. Вместе с тем это крупный научно-исследовательский и милитаристский центр Соединенных Штатов в Тихом океане.

В 1977 году на острове Оаху и в Гонолулу числилось 705,4 тыс. жителей из 886,6 тыс. населения Гавайских островов. Гонолулу — административный центр штата, в нем резиденция губернатора и парламент штата, органы государственного

управления и департаменты, такие, как планирования и экономического развития, бюджета и финансов, налоговый, государственных земель, транспорта, сервиса, сельского хозяйства, просвещения, здравоохранения, промышленности и рабочей силы, жилищного строительства и др.

Губернатор штата избирается на 4-летний срок. Он управляет подопечной территорией с помощью двухпалатного парламента штата, называемого Законодательным собранием (51 человек — члены палаты представителей, избираемые через каждые 2 года, и 25 сенаторов, избираемых на четырехлетний срок).

Парламент, верховный суд и другие правительственные органы штата разместились в центральном районе города Даун-таун, на Кинг-стрит, в двухэтажном здании с колоннами, построенном в претензионно-вычурном неогавайском стиле.

Как и всюду в США, парламент осуществляет волю правящей верхушки. И хотя в составе его депутатов и сенаторов есть несколько гавайцев, они не играют там решающей роли и не в состоянии защитить интересы коренного населения островов.

Как и в любом крупном городе США, в жизни этого города и всего штата — диктат бизнеса. Всего в нескольких шагах от башни Алоха на улицах Даун-тауна взметнули к небу этажи толстостенные серые здания банков с плотно замкнутыми тяжелыми дверьми. Кроме девяти банков США здесь обосновались отделения банков Японии, Гонконга и других стран Азиатского континента. В кабинетах этих зданий за плотной завесой тайн финансовых операций и бдительной охраной совершаются миллионные сделки, вершатся судьбы островов 50-го штата.

Гонолулу — крупнейший торговый центр. Характерной особенностью торговли 50-го штата является превышение импорта над экспортом. По последним отчетным данным, на Гавайские острова было ввезено за год разных товаров, продуктов, материалов на 1,9 млрд. долларов, а вывезено только на 817 млн. долларов. Это тоже характерная черта однобокого колониального хозяйства. На Гавайские острова из метрополии и других стран ввозятся нефть, химикаты, металл и изделия из него, строительные материалы, мануфактура, одежда, обувь, бумага, автомашины, предметы быта, продукты питания. Например, только различной одежды было ввезено на 18,7 млн. долларов. Среди иностранных экспортеров на первом месте стоят японские фирмы, оказывающие серьезную конкуренцию фирмам США.

Гонолулу — крупнейший деловой центр. На начало 1977 года на Гавайях, преимущественно в столице, было зарегистрировано более 25 тыс. служащих деловых и коммерческих корпораций и фирм, из них 16 тыс. «домашних», остальные — филиалов заокеанских компаний и фирм.

Развитию дорожного хозяйства и автотранспорта на Гавайях уделяется очень большое внимание: ведь здесь сплетаются сферы бизнеса и сервиса. На Гавайских островах проложено около 6 тыс. километров дорог первого класса, из них $\frac{1}{3}$ находится на острове Оаху. Но зато из зарегистрированных в штате 500 600 автомашин на маленький Оаху приходится около 400 тыс., или одна машина на 1,7 постоянных жителей. Только совершив поездки по улицам Гонолулу и дорогам Оаху, можно наглядно представить себе, какие жертвы приносятся и еще придется принести биосфере этого острова от таких бурных потоков автомобильного транспорта. По городу и основным магистралям можно ездить только с плотно закрытыми окнами. Еще больше стало огороженных площадок с гирляндами цветных флажков, плотно уставленных машинами разных марок и разного возраста,— комиссионные автомагазины под открытым небом. Покупателей не видно.

Нас везет на очередную экскурсию по Оаху молодой океанолог Линден Барзелл, искусно лавируя своим стареньким «фордом» в дорожном потоке. Мы интересуемся у него:

— Почему здесь выставлено на продажу так много новых или почти новых машин?

— Это могут позволить себе только богатые люди,— объясняет Линден.— Деловой человек уронит свой престиж и подверит к себе доверие, если будет ездить на машине вчерашнего дня. Он покупает только что сошедшую с конвейера машину новой марки, а свою прежнюю машину вынужден продавать, хотя она еще новая...

— Но вы придерживаетесь иного принципа,— смеемся мы, указывая на его старый «фордик».

Линден улыбается:

— Я молодой специалист, мне еще рано тягаться с бизнесменами...

— Но есть ли покупатели на такое обилие машин в продаже?

Линден отрицательно качает головой:

— Конечно, предложения во много раз превышают спрос. Мы знаем случаи, когда владелец машины, отчаявшись продать ее, садится за руль, угоняет машину в горы на проселочную лесную дорогу, снимает номер и оставляет ее там на произвол судьбы...

Мы уже говорили, что экономика 50-го штата держится на трех китах: сахаре, ананасах, туризме. Они продолжают оставаться основным источником дохода штата, изменяется только соотношение доходов от них. Сахарная индустрия достигла высокой степени механизации и высокой продуктивности. Сахарные плантации были заложены на островах с появлением пер-

вых европейских и американских поселенцев. Ныне Гавайи — великая сахарная держава. Здесь действуют 15 монопольных компаний и более 500 самостоятельных частных плантаций, под сахарным тростником занято 221,4 тыс. акров лучших земельных угодий — цифра остается многие годы стабильной и за последние 10 лет уменьшилась всего на 10 тыс. акров. Зато значительно — на 28% сократились земельные угодья за 10 лет под ананасовыми плантациями: с 69,5 тыс. акров в 1967 году до 50 тыс. в 1977 году. Это сокращение произошло главным образом на острове Оаху под влиянием урбанизации и курортного строительства. Потери земельных площадей компенсируются более высокой агрокультурой обработки плантаций и получением из-за этого повышенных урожаев. Но доходы от сахара и ананасов непостоянны и находятся в зависимости от колебания цен на них в капиталистическом рыночном хозяйстве.

В течение последних 15 лет производство сахара колеблется в пределах 1 млн. тонн, достигая в лучшие годы 1 200 тыс. тонн, зато стоимость сахарной продукции выросла со 127,4 млн. долларов в 1960 году до 237 млн. долларов в 1976 году. Под сахарные плантации занято около 70% сельскохозяйственных земель штата. Две пятых из них находятся на острове Гавайи, а остальные (примерно поровну) — на островах Оаху, Кауаи и Мауи. На местных сахарных заводах сахарный тростник обрабатывается до кондиции сахара-сырца, который затем на специальных судах экспортируется на заводы Калифорнии и других штатов, где из него производят уже сахар-рафинад. По производству сахара штат Алоха занимает первое место в США.

Под плантации ананасов занято около 10% площади сельскохозяйственных земель штата. Основные плантации находятся на острове Оаху и в небольших размерах на островах Мауи, Молокаи и Ланаи. Династия ананасовых королей Доулей владеет самыми крупными плантациями на плодородных землях в районе залива Гонолулу — они являются крупнейшими в мире. Гавайские ананасы считаются лучшими. Они крупные, сочные, ароматные, сладкие. Во время экспедиций мы имели возможность сравнить качества ананасов, производимых на других островах Тихого и Атлантического океанов, и отдали предпочтение гавайским. С ними могут конкурировать только фиджийские ананасы.

Основные виды ананасной продукции Гавайских островов — свежие плоды и консервированный сок. И все же, несмотря на прекрасные качества этой продукции, за последние годы производство ананасов продолжает неуклонно падать. Достигнув своего пика в 1966 году — свыше 1 млн. тонн, — оно сократилось к 1976 году до 650 тыс. тонн. И если в мировой торговле ананасами (плоды и сок) гавайские ананасы занимали в 1966 году

42%, то через 10 лет их доля снизилась до 25%. Соответственно уменьшилась и стоимость полученной продукции со 128 млн. долларов в 1966 году до 95 млн. долларов десять лет спустя.

Другие отрасли сельского хозяйства занимают на Гавайях более скромное место, и хотя за последние годы в связи с резким развитием туризма некоторые из них заметно увеличили свое производство, но все же они далеко отстают от сахарной и ананасной продукции. Наибольшие площади (в пределе 1—1,5% сельскохозяйственных угодий по каждой культуре) заняты под плантации кофе, орехов, таро. Развиваются мясные, молочные и птицеводческие фермы, фруктовые и овощные плантации. Стоимость всей этой продукции выросла с 15 млн. долларов в 1961 году до 39 млн. долларов в 1975 году. В настоящее время в потреблении пищевых продуктов местные овощи составляют 44%, фрукты — 32, куриные яйца — 92, молоко — 100, мясо кур — 18, говядина, баранина, свинина — 35%. Все остальное покрывается за счет экспорта, главным образом из Калифорнии. Как видим, только яйца и молоко производятся на Гавайях в пределах потребности, все же остальное надо завозить. Несомненно, рост населения и огромный приток туристов являются для деловых кругов стимулом развития некоторых потребительских отраслей сельского хозяйства, если это экономически выгоднее, чем завозить из-за океана.

Гавайские острова — крупнейший исследовательский и культурный центр США. Так, в отчете Департамента планирования и развития 50-го штата* указывается, что на начало 1977 года на Гавайях действовали 458 научно-исследовательских и технических учреждений и профессиональных ассоциаций с числом сотрудников 46,2 тыс. и 38 учебных заведений с числом студентов полного срока обучения 38,5 тыс. и с неполным сроком — 38,9 тыс. человек.

Почти ежегодно в Гонолулу проводятся международные научные конгрессы, конференции, симпозиумы, на которых обсуждаются, планируются и координируются различные аспекты научных исследований. Многие из них имеют практическую направленность: организация работ по использованию минеральных, энергетических и биологических ресурсов Тихого океана. Не случайно в столице Гавайских островов обосновалось так много институтов, ассоциаций и корпораций, связанных с проведением исследовательских работ.

Гавайские острова — крупнейший милитаристический центр США в Тихом океане. Бухта Пирл-Харбор продолжает оставаться главной базой тихоокеанского военно-морского флота США.

---

* Hawaii's Scientific Resources. Eighth edition. Honolulu, 1977.

Проведем некоторый экономический анализ хозяйства Гавайских островов на основании официальных отчетов*.

Прежде всего Гавайские острова можно вполне отнести к процветающему штату США, где наблюдается ежегодный стремительный рост экономической деятельности. В то же время анализ отчетных материалов показывает, что этот рост имеет не гармоничный, а однобокий характер, типичный для колониального хозяйства, и что на фоне этого процветания много теневых сторон, свойственных капиталистической системе.

Население Гавайских островов неуклонно растет, но не за счет коренных жителей, а за счет пришлого населения: в 1950 году — 491,8 тыс., в 1960 году — уже 632,8 тыс., а в 1976 году достигло 886,6 тыс. жителей, причем 82% населения живет на маленьком острове Оаху, составляющем 9,4% площади архипелага.

Но сколько же осталось сейчас гавайцев?

В 1778 году, по свидетельству капитана Дж. Кука, Гавайские острова населяло 300 тыс. человек. К 1885 году их осталось уже около 70 тыс. человек, а еще через 50 лет, к началу нашего столетия, число их уменьшилось до 30 тыс. Зато начинают быстро ползти вверх кривые численности других национальностей: сначала нашествие ищущих легкой добычи европейцев, за ними — американцев; во второй половине прошлого века сюда было завезено много японцев, китайцев, филиппинцев и других азиатских жителей в качестве дешевой рабочей силы на сахарных и ананасных плантациях.

В настоящее время (1976 г.) в национальном составе островов преобладают американцы и европейцы (27,8%) и за ними вплотную идут японцы (26,6%). Остальных национальностей значительно меньше: филиппинцев — 10,1%, китайцев — 4,3, корейцев — 1,3%. Чистокровные гавайцы составляют лишь 1,3% населения архипелага, или около 10 тыс. человек. Это убийственная цифра — 10 тыс. гавайцев — фигурирует не только в отчетах, но и в ряде книг зарубежных авторов о Гавайских островах. Процент гавайцев неуклонно падает: в 1960 году — 1,6, в 1975 году — 1,3.

Из 886 тыс. жителей Гавайских островов только 10 тыс. бывших хозяев этих островов — такова трагичная судьба этого народа! Метисов-гавайцев насчитывается сейчас 16,4%, или около 100 тыс. человек, но к ним статистика относит всех, у кого в жилах течет до $\frac{1}{16}$ гавайской крови.

Марк Твен, посетивший Гавайские острова сто лет назад, написал: «Коренных жителей насчитывается приблизительно

---

* «Draft document: the Hawaii State Plan». Dep. of Planning and Economic Development State of Hawaii. Honolulu, 1977; «The Economy of Oahu». — Там же. 1977; «Hawaii 1976—1977». — Там же, 1977, и др.

50 тысяч, а белых — три тысячи; большинство из них американцы. Менее чем сто лет назад, по данным капитана Кука, туземцев было 400 тысяч... Вот уже почти столетие у аборигенов поддерживается между рождаемостью и смертностью такое соотношение: примерно на трех родившихся приходится пять умерших: поэтому легко предвидеть, к чему это приведет. Не сомневаюсь, что через 50 лет туземец станет редкой достопримечательностью в собственной стране».

Разве это пророчество не сбылось? Подтверждение этому — реальность сегодняшнего штата Гавайи.

Занятость населения — зеркало экономики страны. Выводы напрашиваются сами собой, если ознакомимся с динамикой занятости жителей острова Оаху за последние четверть века.

Стремительно вырвалась вперед занятость в таких секторах, как торговля, сервис, строительство, финансы и банки. Очень незначительно возросло число работающих в промышленности, а вот в сельском хозяйстве занятость сократилась в два с половиной раза. Рост численности правительственного сектора шел не столько за счет развития федеральных учреждений, сколько за счет военнослужащих, а также научных и учебных учреждений.

В процентном отношении по занятости людей первое место занимает сейчас торговля (23,4%), государственный сектор (23,1%), сервис (19,4%), строительство (7,9%), финансы (6,9%). А вот занятость в сельском хозяйстве сократилась с 5,4% в 1950 году до 0,8% в 1975 году.

Департаментом генерального планирования штата Гавайи разработан интересный документ о перспективах развития экономики 50-го штата с 1975 по 1995 год. Только на одном острове Оаху число жителей возрастет за 20 лет с 705 до 1 065 тыс., т. е. перевалит за миллион человек. Значительно вырастет и число работающих: с 308 до 500 тыс. человек. По-прежнему большое развитие получат такие секторы, как торговля, сервис, финансы, строительство, но промышленность останется примерно на том же уровне, а число работающих в сельском хозяйстве будет сокращаться и дальше.оборот денежных средств возрастет с 8,6 млрд. долларов в 1975 году до 20,3 млрд. долларов в 1995 году. Конечно, это только наброски плана, жизнь несомненно внесет в него поправки, но намеченная общая тенденция совершенно ясна. Власти США и штата планируют по-прежнему не гармоничное, а однобокое развитие хозяйства Гавайских островов: основное направление — строить бизнес на туризме.

За последнюю четверть века туризм на Гавайях совершил невиданный скачок: в 1950 году архипелаг посетило 47 тыс. туристов, в 1960 году — 296,5 тыс., в 1965 году — 835,5 тыс., в

1976 году — 3 220 тыс. туристов. В 1995 году планируется только по одному острову Оаху принять 11 700 тыс. туристов.

Поэтому не случайно, что большое внимание обращается прежде всего на строительство новых отелей: если в туристском центре 50-го штата — острове Оаху в его отелях — в 1975 году было 25 350 комнат, то через 20 лет их число предположено увеличить до 85 тыс. — более чем в 3 раза. Такие же высокие темпы строительства гостиниц планируются и на других островах архипелага. А это влечет за собой усиленное развитие тех секторов, которые обеспечивают обслуживание такого огромного потока посетителей, жаждущих экзотики, развлечений или просто отдыха (транспорт, связь, дороги, новые пляжи и спортивные площадки, рестораны и увеселительные заведения, универмаги, медицинская сеть, банки и т. д. и т. п.).

На многих примерах мы могли наглядно видеть, какие большие перемены внес туристский бизнес в природу острова Оаху за те одиннадцать лет, что прошли после первого нашего визита сюда на «Витязе».

Небольшой участок девственной природы на северо-востоке острова, где с трудом пробиралась прежде наша машина по вырубленной в скале проселочной дороге, ныне уже превратился в обжитую зону: по берегу океана проложено широкое асфальтированное шоссе, вдоль которого выросли кемпинги, пляжи, бары. Подсчеты показывают, что для того, чтобы обеспечить дорогами колоссальный поток автомашин с туристами, к концу нашего столетия асфальтом должна быть покрыта вся поверхность острова, кроме горных вершин.

Но во всех отчетах, справочниках и проспектах, излагающих блага и выгоды, что несет 50-му штату туристский бизнес, обходится молчанием одна очень важная оборотная сторона этой медали: пагубное влияние туризма на окружающую среду. Постоянный житель Гавайских островов, американский этнограф и общественный деятель Роберт Уэнкэм с горечью пишет: «Туризм превратился в индустрию, символизирующую злоупотребление красотами природы и чрезмерную эксплуатацию среды... Живущие за океаном владельцы гостиниц увеличивают свои прибыли, разрушая патриархальную жизнь гавайцев, традиции и присущее им гостеприимство... Для предпринимателя дальнейший рост туризма на островах — только мечта, для эколога — настоящая трагедия» *.

Нельзя сказать, что вопросы охраны среды исчезли из поля зрения администрации и общественности Гавайских островов. Но чаще всего голоса в защиту природы остаются вопиющими в пустыне. В Гонолулу действуют «Бюро гавайских граждан»,

---

* *Robert Wenkam. The Great Pacific rip-off. Chicago. 1974, p. 14—15.*

«Друзья Земли» и другие общественные организации, ведущие борьбу за охрану среды. Так, например, первая из них напечатала и распространила по городам США множество листовок, обращенных к туристам: «Не посещайте Гавайские острова, пока мы не спасем того, что еще осталось от них!..» Но и эти призывы не привели к сокращению туристов, точно так же как под диктовку туристских магнатов был провален внесенный обществом «Друзья Земли» законопроект о введении дополнительного налога с туристов. Дельцы от туризма находят всяческие лазейки, чтобы захватывать под строительство отелей, кемпингов, пляжей и спортивных комплексов новые участки за счет сокращения сельскохозяйственных угодий и изъятия у гавайцев их исконных земель вплоть до сношения бульдозерами отдельных усадеб и целых поселков. Вряд ли доходят до их сердец страстные призывы защитников природы Полинезии: «Еще не поздно оставить Тихий океан в покое... Не следует стремиться, чтобы гостиницы были на каждом пляже, дороги вели к любой вершине и т. д. Разрешить свободный доступ на любой остров, интересный для туриста,— значит уничтожить народ Тихого океана, его культуру и его острова»*.

Во время второго посещения Гонолулу наши знакомые поведали нам о грустной истории, разыгравшейся недавно в долине Калама, примыкающей с юга-запада к Гонолулу. Арендатор ряда земельных участков миллионер Генри Кайзер решил снести бульдозерами находящиеся здесь фермы коренных жителей и построить на их месте дорогие дома, хотя он был только арендатором, а не владельцем земли. В ответ фермеры провели сидячую забастовку, но были разогнаны полицией. Не помогло и обращение к парламенту штата. Строительство домов шло полным ходом. И тогда в один из весенних дней на строительной площадке собрались бывшие фермеры и их друзья, много гавайской молодежи. Под аккомпанемент барабанных звуков они пели полные грусти прощальные песни. Этим самым они выразили свой моральный протест против грубого вторжения урбанизации в их традиционный уклад жизни.

Остров Оаху стоит на первом месте среди островов Полинезии по темпам урбанизации. И это привело к тому, что Гонолулу считается вторым городом в мире по стоимости жизни. Если принять за 100 индекс цен на потребительские товары в 1967 году, то десять лет спустя он составил уже 165,5. Стоимость жизни в Гонолулу на 22% выше, чем на континенте США, и лишь немного уступает заполярной Аляске.

Безуспешно борется против урбанизации Гавайских островов и созданная гавайцами национальная организация «Хоуи Мала-

---

* *Robert Wenkam. Great Pacific rip-off. Chicago, 1974, p. 19.*

ма». Требования ее самые минимальные: чтобы прогресс был направлен на сохранение национальных ценностей и обеспечивал пропитание детям и внукам всего коренного населения Гавайских островов, чтобы он не разрушил то, чем, собственно, являются Гавайи.

Озабоченные тем, что исчезают их язык и созданный веками уклад жизни и что постепенно вымирает их народ, гавайцы требуют совсем немногого: считаться с их желаниями и реальными условиями их жизни, когда намечаются меры и принимаются решения, определяется будущее их родной страны.

И еще нельзя не отметить одну теневую сторону в жизни 50-го штата США: при неуклонном росте занятости населения там высокий процент безработицы, неизбежной спутницы капиталистического мира. Безработица постоянной угрозой висит над головами трудового народа Гавайев. Так, в 1960 году число безработных колебалось в зависимости от сезона от 8 до 23 тыс. человек, а в 1976 году достигло 39 тыс. человек, или 9,8% от общего числа рабочей силы. И это в процветающем штате Алоха, где вся жизнь проникнута духом бизнеса.

Аналогичен путь развития и других островов штата. Возьмем, например, Кауаи — самый северо-западный остров архипелага. Его экономику в течение десятилетий определяло сельское хозяйство, где доминировало производство сахара: из общей стоимости сельскохозяйственной продукции в 53,6 млн. долларов (1975 г.) на долю сахара падало 51,3 млн. долларов. Благодаря наличию обширных плодородных земель и обилию осадков здесь идеальные условия для выращивания сахарного тростника и урожаи его самые высокие. Эти земли отошли к сахарным монополиям, которые не гнушались никакими средствами для расширения своих плантаций. Путем обмана, подкупа властей, нарушения законов и прямого насилия они сгоняли коренных жителей с насиженных мест, сносили усадьбы, превращали сады и луга в поля сахарного тростника.

По преданиям, остров Кауаи был самым крайним, где остановились более 1200 лет назад полинезийцы в своем продвижении на север от Маркизских островов. В январе 1778 года Дж. Кук высадился на южном берегу острова Кауаи, близ деревни Виатеа, «открыв» для европейцев Гавайские острова. Кук записал свои впечатления об острове Кауаи: «Мы очутились на земле изобилия...» По его подсчетам, население острова составляло 30—34 тыс. жителей. И сейчас, по последним данным, на острове живет 32,7 тыс. человек. С первого взгляда население острова стабилизировалось. Но это обманчивое впечатление. После того как в 1835 году была заложена первая плантация сахарным королем Диллинхэмом, в течение следующих десятилетий, особенно в начале нашего столетия, на острове накатило несколько «волн»

пришельцев из азиатских стран в виде дешевой рабочей силы на плантациях. И сейчас в составе населения острова гавайцев только 3%, преобладают японцы — 27% и филиппинцы — 23%, американцев и европейцев — 18%, а метисов-гавайцев тоже 18%. Гавайцы ассимилировались с пришлым населением, потеряли свою национальную самобытность, и сейчас о первых жителях острова Кауаи напоминают лишь развалины храмов и поселений древних гавайцев на северо-западном берегу, в местности под названием Наполи.

Незавидна судьба и пришлого населения, занятого на плантациях. Люди расселились вокруг плантаций в хижинах, сделанных из подручных материалов — досок, ящиков, листов жести. Власти острова ведут многолетнюю борьбу с этими «дикими» поселками, грозя снести их. Когда это удается, то освобожденные участки земли попадают в аренду сахарным компаниям.

Примером хищнического истребления природных ресурсов и изменения экологии ради выколачивания высоких прибылей является деятельность сахарной корпорации «Кекаха шуге компани».

Начиная с первых лет XX столетия она постепенно увеличивала размеры арендованных государственных и общинных земель. Безжалостно сносились мелкие фермы коренного населения, уничтожались заповедные земли, засыпались пруды, уничтожались уникальная фауна и флора — все это ради высоких доходов от сахара. Не случайно, по заключению ботаников, 222 вида растений острова находятся на грани исчезновения, а часть из них уже исчезла безвозвратно.

Ну а туризм? Остров Кауаи не является исключением из общей тенденции бурного развития туристского бизнеса в 50-м штате. В 1976 году остров посетило 699 тыс. туристов против 182 тыс. десять лет назад. Туристов обслуживают две межостровные воздушные компании «Алоха эрлайн» и «Гавайи эрлайнс». В столице острова — поселке Лиуэ проживает 3400 жителей, а расположенный рядом аэропорт пропускает еженедельно по 42 тыс. пассажиров. Близость главного центра Гавайского архипелага — острова Оаху (от аэропорта Гонолулу до аэропорта Лиуэ самолет летит всего 20 минут) способствует большому наплыву туристов на остров Кауаи. И как следствие этого, строительство новых гостиниц (число гостиничных номеров за те же 10 лет увеличилось с 1043 до 3711), торговых заведений, шоссейных дорог, развитие всех видов сервиса. Достаточно указать, что затраты на строительство выросли за те же 10 лет с 10 до 53,2 млн. долларов в год. И если сахарные монополии борются за то, чтобы удержаться на достигнутых ими высотах, то туристские компании и сопутствующий им бизнес сервиса взяли ставку на резкое ежегодное расширение сферы своей деятельности, быстрый рост ту-

ризма и соответственно этому значительное ежегодное увеличение доходов.

А какие перемены произошли на самом большом острове архипелага — острове Гавайи за последние годы?

По-прежнему главным в экономике острова является производство сахара. Так, из урожая 1975 года 9,5 млн. тонн сахарного тростника, полученного на всех островах архипелага, на долю острова Гавайи пришлось почти 4 млн. тонн. Вся другая сельскохозяйственная продукция острова по стоимости составляет менее $\frac{1}{4}$ стоимости продукции сахарных плантаций. Ананасам по-прежнему нет места на острове, но зато здесь производится 33% овощей и 73% фруктов (апельсины, мандарины, папайя) от общего их сбора на архипелаге. Здесь находятся также большие плантации кофе и орехов, фермы крупного рогатого скота.

Если во время нашего посещения острова Гавайи основу его экономики составляла главным образом сахарная индустрия, то в наши дни, набирая высокие темпы, в жизнь острова врывается туристский бизнес со всеми сопутствующими ему сферами. В тот год остров Гавайи посетил всего около 90 тыс. туристов, но через 5 лет (1965 г.) эта цифра удвоилась, а в 1976 году поток туристов достиг 817 тыс. человек. К чему это привело? Прежде всего широко и быстрыми темпами развернулось строительство новых гостиниц в Хило и в курортных районах острова. Если в 1960 году в 10 скромных отелях насчитывалось всего 740 комнат, то через 15 лет число гостиниц на острове Гавайи увеличилось почти в 5 раз, и сейчас в 48 ультрасовременных отелях острова Гавайи к услугам туристов около 6 тыс. комфортабельных гостиничных номеров. К их услугам также новые универмаги и небольшие лавки, торгующие сувенирами, благоустроенные пляжи, кемпинги, площадки для игры в гольф, рестораны и бары. Быстрыми темпами осваивается и развивается новый курортный район Кона на западном берегу острова — там построено уже 26 гостиниц. Туристов надо возить, чтобы показывать им достопримечательности острова, поэтому, естественно, большое развитие получил транспорт: если в 1960 г. на всем острове было зарегистрировано 23 тыс. автомашин, то теперь по дорогам острова и улицам его городов и поселков быстро мчатся 53 тыс. автомобилей. Стремительно разворачивается новое строительство: только за 1976 год на постройку гостиниц, жилых домов, объектов торговли и сервиса было затрачено 56 млн. долларов против 18 млн. долларов десять лет назад.

Экономическое развитие острова Гавайи нельзя рассматривать в отрыве от всей хозяйственной жизни 50-го штата США. Еще совсем недавно этот изолированный остров с типичным монокультурным сельским хозяйством жил своей обособленной жизнью; теперь же он все больше и больше вовлекается в общую

орбиту бизнеса штата. Рядом с сахарными монополиями здесь появились представители туристских монополий США и в острой конкурентной борьбе стараются первыми захватить объекты, сулящие им большие прибыли. Не случайно, что на острове зарегистрировано много различных фирм, банков, промышленных и экономических корпораций с общим числом сотрудников 1380 человек, что составляет более 4% от трудоспособного населения острова.

Последние годы на острове Гавайи получили развитие научно-исследовательские учреждения, ныне этот остров после Гонолулу — второй научный и культурный центр штата, правда в несравнимо меньших масштабах. Уникальные природные условия — высокая сейсмическая активность и действующие вулканы, высокие горы с чистым, прозрачным воздухом — вызвали необходимость организации прежде всего геофизических и геологических учреждений. На весь мир известна Вулканическая обсерватория на склоне вулкана Килауеа, созданная в 1912 году. В Хило расположены филиал Института геофизики, Лаборатория физики облаков, Лесная и Сельскохозяйственная станции — эти учреждения входят в систему Гавайского университета. Но гордость научных кругов острова Гавайи — Астрономическая обсерватория Гавайского университета, построенная на вершине Мауна-кеа, и ее 88-дюймовый телескоп, один из крупнейших в мире, стоимостью 18 млн. долларов. Его используют в совместных работах также ученые Канады и Франции в своих программах по исследованию космического пространства. Наконец, остров Гавайи прославился своими национальными парками, в первую очередь Гавайским национальным вулканическим парком.

В Хило находятся три высших учебных заведения: Хило-колледж и сельскохозяйственный колледж Гавайского университета, в котором обучается 1837 студентов, и столько же примерно студентов обучается в стенах Гавайского колледжа общественных наук.

Не будем обращаться к далекой истории. Возьмем лишь три десятилетия после второй мировой войны. И хотя за эти годы в экономике и хозяйстве архипелага произошел большой скачок, но соотношение размещения производительных сил по его островам почти не изменилось. По-прежнему, как и 30 лет назад, основная часть населения архипелага сосредоточена на маленьком Оаху, там же главный источник доходов, центр деловой, научной, технической деятельности, культуры и образования. Как и раньше, самый большой остров — Гавайи, отличающийся прекрасными природными условиями и располагающий обширными удобными территориями, продолжает оставаться придатком к своему соседу — маленькому острову Оаху (занимает 62,6% от общей площади архипелага, ее жители составляют 8,5% от насе-

ления 50-го штата). По многим отраслям деловой деятельности доля острова Гавайи несравнимо меньше, чем доля острова Оаху. Например, на этот остров приходится 7% общей стоимости затрат на капитальное строительство в штате, тогда как на Гонолулу — 56%.

Все это еще раз подтверждает основной вывод об однобоком развитии экономики Гавайского архипелага в угоду монополиям США, при этом игнорируются интересы коренного населения островов.

В БЫВШЕЙ СТРАНЕ СВЕТА

Маркизские острова... Мы привыкли видеть их на карте Тихого океана как несколько точек на восточной окраине Полинезии. Когда первые переселенцы из племени таке приплыли сюда из Центральной Полинезии, то, пораженные красотой новой земли, приветствовали ее как Страну света.

— За моря отправились таке,
Отправились к царству света...

Так поют об этом в своих песнях нынешние маркизиане.

Несколько веков спустя, в 1595 году, из перуанской столицы Лимы отправились в дальнее плавание на поиски богатств библейского царя Соломона испанцы под командованием Менданьи. После многих дней пути перед мореплавателями вдруг выросли из океана как волшебное видение неизвестные острова. Менданья назвал их островами Маркизы в честь одной из прекраснейших женщин своего времени — маркизы де Мендоза — жены вице-короля Перу.

Так дважды были открыты для человечества эти острова, и оба раза как видения прекрасного.

...Маркизские острова появились в планах экспедиции, когда «Витязь» еще стоял у причала порта Гонолулу. Однажды к нам приехал прославленный норвежский путешественник Тур Хейердал. Шла оживленная беседа. Начальник экспедиции В. Г. Корт спросил гостя:

— Вы прекрасно знаете Полинезию. По пути из Гонолулу к острову Таити нам надо собрать коллекции на одном из попутных островов. Какой бы вы дали совет?

Хейердал попросил показать ему на карте маршрут «Витязя». Без колебаний он указал на Маркизские острова:

— Зайдите на остров Нуку-Хива. Не будете жалеть. Маркизским островам я пожертвовал частицу своей жизни,— добавил он и грустно улыбнулся.

Позже от Бенгта Даниельссона мы узнали, что Тур провел со своей первой женой несколько месяцев в уединенной хижине в тропическом лесу на острове Фату-Хива. Молодожены вынуждены были бежать из обретенного ими рая, отступив перед болезнями и суровыми испытаниями, преподнесенными влажными тропиками и враждой аборигенов острова. Да и сам Даниельссон пытался повторить на тех же Маркизских островах эксперимент Тура: вместе с молодой женой Марией-Терезой обрести там спокойную и счастливую жизнь. Но и они смогли прожить там всего лишь полгода и бежали из Страны света, тоже испытывая крушение своих надежд. Впоследствии оба прославленных исследователя островов Полинезии оставили для своих современников и потомков литературные памятники об этих ярких и коротких периодах своей жизни на Маркизских островах: Т. Хейердал — книги «В поисках рая», «Фату-Хива», а Б. Даниельссон — «Позабытые острова».

...Сентябрь подходил к концу. «Витязь» медленно, но неуклонно продвигался на юг по великой пустыне Тихого океана — по 140-му меридиану. Пересечен экватор, подошли к 9-й южной параллели.

Неожиданно в эти дни на «Витязе» самым популярным писателем оказался Герман Мелвилл *. В повести «Тайпи» он описывал остров Нуку-Хива, куда направился сейчас наш корабль, а в «Ому» — остров Таити. Не беда, что с того времени прошло 120 лет. Еще интереснее посмотреть, что стало теперь с этими островами.

Ночью, когда луна щедро заливала холодными голубыми потоками спокойную гладь спящего океана, из пучины его вдруг медленно вырос на фоне темно-синего неба неясный силуэт высокого острова. Очертания его терялись в ночном полумраке, и чем-то таинственным повеяло от возникшего из океана видения. Это был остров Нуку-Хива.

Едва драгоценное украшение утреннего неба — золотистая Венера — померкло в пламени зари, возвещая восход солнца, как «Витязь» тихо прошел в неширокий пролив между двумя островами Сантиль — они, как безмолвные стражи, охраняют вход в Страну света,— пересек бухточку и бросил якорь в трех кабельтовых от берега.

---

* Известный американский писатель XIX века (1819—1891) в юности плавал на китобойных судах, посетил Маркизские острова и остров Таити. В СССР изданы его повести «Тайпи», «Ому», «Моби Дик».

Мы оказались в небольшой подковообразной бухте Таюхае, окруженной с трех сторон зеленым амфитеатром высоких и довольно крутых гор. Совсем узкая прибрежная полоса утопала в сочной тропической зелени. Пейзаж оживляли красные крыши домиков, выглядывающие из зелени. Горные склоны сбегали почти к самой воде, и не было на них ни одного ровного или голого места — так сильно они были изрезаны долинами и ущельями и покрыты растительностью. За узким пирсом на небольшом желтом здании, вероятно портовом складе, крупными буквами выведено: «Каоһа Нуи» (Каоха нуи). Эти два слова означают многое: «здравствуйте», «привет прибывшим» — то же самое, что на Гавайских островах «алоха». Справа от поселка, у самого пляжа, на зеленой лужайке красивый одноэтажный дом с колоннами. Ветер треплет на флагштоке французский флаг. Это дом французского резидента, ведь Маркизские острова — колония Франции. А несколько выше, на склоне горы, из-за расступившейся зелени хорошо виден второй белый дом, но уже двухэтажный и тоже с трехцветным флагом на высоком флагштоке — административное здание.

Вместительный катер «дори» за десять минут доставляет нас к берегу. На причале несколько молодых женщин-рыболовов — черноволосых, черноглазых, миловидных; здешние воды богаты фауной — на деревянном настиле причала трепещут десятка три сине-зеленых рыбок. Женщины, видимо, так увлечены рыбной ловлей, что не обращают внимания на гостей, впрочем, это скорее всего от смущения. Тут же на причале французский полицейский раздает нам «Нотис», или правила поведения для иностранцев, прибывающих на Маркизские острова. В них весьма длинный перечень, чего нельзя делать. Нельзя производить обменные операции с коренными жителями и покупать у них что-либо; нельзя угощать их водкой и пивом, покупать разрешается на тихоокеанские франки (местная валюта) и только в магазинах; нельзя без разрешения администрации покидать поселок Таюхае, заниматься промыслом рыбы и сбором орехов для торговли и т. д. и т. п.

Главный администратор Франции на Маркизских островах Альберт Руан принял нас в своей официальной резиденции. Он осведомился о целях и сроках захода корабля и сразу же охотно разрешил совершать экскурсии, собирать коллекции фауны и флоры и геологические образцы.

— Хотя остров небольшой, — заметил Руан, — но вы можете заблудиться. Я дам проводника, нашего служащего, он знает здесь каждую тропинку.

Поселок Таюхае — столица Маркизских островов, хотя жителей в ней только 400 человек. Маркизиане — красивые, рослые, смуглолицые и черноволосые. Они приветливо, но в то же время

почтительно и сдержанно приветствуют нас. Мужчины в коротких штанах и ярких навыпуск рубашках. На женщинах пестрые ситцевые платья или широкие юбки и блузки.

На лицах многих островитян можно прочесть явные признаки маркизиано-европейского происхождения. С тех пор как на островах Полинезии появились миссионеры, началось жестокое гонение на национальную культуру. Островитянам запретили исполнять обряды, танцевать, петь песни. Были разрушены храмы, низвергнуты и уничтожены каменные и деревянные изваяния божественных предков. Островитян переселили из хижин в непривычные для них дощатые домики, запретили ходить в национальной одежде. Нынешнее поколение жителей островов, рожденное в новых условиях, уже привыкло к этому. А сколько незримых трагедий видали эти зеленые рощи.

История сохранила для нас достаточно подробные сведения, как произошло первое общение маркизиан с европейцами. Жители острова встретили моряков флотилии Мендандьи приветливыми улыбками и дарами, а «благодарные» испанцы, заполнив бочки пресной водой и нагрузившись фруктами, оплатили гостеприимным островитянам ружейными залпами. Корабли Мендандьи покинули остров и отправились дальше на запад, оставив на память о своем визите сифилис и двести убитых островитян — мужчин, женщин и детей *.

История Нуку-Хива типична для островов Океании, познавших сполна все «блага» колониализма. В начале прошлого века население Маркизских островов составляло около 100 тыс. человек, а во время нашего посещения на всем архипелаге по официальным данным, проживало 4533 жителя, из них на острове Нуку-Хива — 1372 человека. Американская журналистка Хелен Райт, участница океанографической экспедиции США «Каприкорн» (1952—1953 гг.), в своей книге «В глубинах Тихого океана» приводит выдержку о Маркизских островах из «Справочника островов Тихого океана», изданного в США:

«Группа этих островов была счастливым местом охоты для китобоев, торговцев, работоторговцев и всей «белой накипи» Южных морей. Туземцам привили все пороки — от алкоголизма до курения опиума включительно. Женщин развратили. Европейские болезни, к которым островной народ не имел иммунитета, пронеслись по деревням как лесной пожар; эпидемия следовала за эпидемией, и туземцы массами вымирали. Это самая трагическая и самая подлая глава в истории южного Тихого океана...»

Какое красноречивое и горькое признание!

Советский писатель К. Паустовский в повести «Черное море» приводит выдержку из записок штурмана Серебрякова, посе-

---

* Б. Даниельссон. Позабитые острова. М., 1965.

тившего остров Нуку-Хива в 1864 году на корвете «Абрек». Русские мореплаватели застали на острове эпидемию оспы. Год назад команда перуанского корабля силой захватила около ста туземцев и продала их в Южной Америке в рабство. Через год несколько человек вернулись на остров, но занесли туда оспу. Ко времени прихода «Абрека» из двух тысяч островитян, населявших остров, около тысячи умерли от оспы — болезни, ранее здесь неизвестной.

И еще одно свидетельство лучшего знатока Полинезии, историка и этнографа Те Ранги Хироа:

«...В страну, которая действительно некогда была царством света, по состоянию здоровья ее обитателей, корабли европейцев занесли венерические болезни, туберкулез и различные эпидемии. Жители Маркизских островов особенно пострадали за доброту и гостеприимство, оказанное европейцам...»

В середине прошлого века, когда происходил колониальный дележ островов Океании между великими державами, Франция прочно обосновалась на Маркизских островах и объявила их в 1842 году своей колонией. Но эпидемии и визиты «белой накипи» продолжали опустошать архипелаг. Когда же иссякли запасы китов в Южных морях, Маркизские острова, лежащие в стороне от больших океанских дорог, погрузились в забвение. И только после второй мировой войны хозяева колонии стали проявлять кое-какие заботы о жителях своих островов.

Французская администрация построила в Таиохае больницу на 25 коек, четыре школы, организует покупку от населения копры и фруктов. Но туберкулез, как одно из страшных порождений колониализма, является бичом этих мирных людей. В госпитале врач — молодой француз показал нам пачку карточек, заведенных на больных туберкулезом. И еще две болезни вырывают из жизни людей — проказа и слоновая болезнь.

Жилища современных маркизиан небольшие, одноэтажные, самой простой архитектуры — прямоугольные коробки из фанеры или досок, некоторые даже без дверей и окон: вместо них большие проемы в стене от пола до крыши, так что дом хорошо просматривается. В доме очень чисто и опрятно, но обстановки почти никакой, люди спят и едят прямо на полу, на циновках из тростника. Достатка нет, не говоря уже о богатстве. Да и откуда ему быть, когда заработок зависит от случайностей капиталистического рынка, от изменчивых цен на копру.

Природа не поскупилась в своих щедротах этому острову. Здесь всегда лето, держится ровная температура (26—28°C). Прибрежные долины покрыты рощами кокосовых пальм, зарослями бананов, хлебного дерева, пандуса, гуавы и других тропических плодовых деревьев.

Основное занятие местных жителей — сбор кокосовых орехов

и добыча копры, а также сбор бананов и других даров тропического леса.

Наш проводник, высокий, статный и загорелый франко-итальянец Фальзито Бенуа, широко шагает босыми ногами по острым камням и лужам недавнего дождя. Ему 32 года, он полон сил и здоровья.

— Давно ли вы живете здесь, Фальзито?

— Еще мальчиком, вот таким бамбино, меня привезли сюда родители 26 лет назад. И я никуда не собираюсь уезжать отсюда... — И он широким жестом обводит вокруг, как бы приглашая своих спутников насладиться вместе с ним красотами окружающей природы.

Мы в дебрях тропического леса, в джунглях влажных тропиков. Узкая каменистая тропинка вьется среди зарослей, постепенно поднимаясь в гору. Терпкие, незнакомые запахи окружают нас, и среди них выделяется сладковатый запах молодой гуавы. Над головами смыкается куща деревьев. Влажно. Душно. Но стоит ли обращать на это внимание, когда кругом такая яркая пышная растительность! Фальзито влюблен в эти места и свою влюбленность хочет передать нам.

Он приводит нас в заветные уголки, переводит через журчащие горные ручьи и речушки, заводит в глухую чашу, с гордостью показывает бегущую из-под камня струйку минеральной воды, на вкус напоминающую нарзан. С ловкостью обезьяны он взбирается на кокосовую пальму и сбрасывает десяток зеленых орехов. Они гулко, как футбольные мячи, шлепаются на землю с 15-метровой высоты.

Фальзито тут же расправляется с орехами способом островитян: находит крепкую заостренную палку, втыкает ее тупой конец в землю, берет орех, поднимает его над острым концом палки. Один удар, другой, третий... И вот уже сброшена толстая кожура, в руках у него крепкое белое ядро величиной с маленькую дыню. У основания ядра три глазка, где мягкая кожа. Следует только пробить один из них, и из отверстия потечет светлая жидкость — кокосовое молоко, приятное своей прохладой.

Приморская часть долины, занятая искусственными посадками кокосовых пальм, уже далеко позади. Чем выше поднимаемся в горы, тем чаще попадаются заросли бананов, хлебного дерева, одичавших лимонов и еще незнакомых нам ветвистых деревьев с плодами, по величине и форме похожими на крупные яблоки. Это земляничное дерево. Подбираем лежащие на земле спелые плоды. Если снять зеленую с шипами кожуру, то внутри окажется совершенно белая, пахнущая земляничкой мякоть с черными мелкими зернышками, расположенными как в арбузе.

— Видимо, это пища богов, — шутит мой спутник А. В. Живаго. — Полное ощущение, что ешь клубнику со сливками.

Чем выше, тем реже встречаются пальмы и все больше и больше банановых деревьев с необычайно широкими и длинными светло-зелеными листьями, способными заменить зонтик. Ноги в легких сандалиях хлюпают по грязи, скользят по мокрым камням. Тело кое-где начинает почесываться от едкого зуда — укусов маленькой, еле заметной мушки нуну — ее не видишь, а только чувствуешь.

Тропинка вьется мимо больших плоских камней, уложенных в определенном порядке. Здесь когда-то была большая поляна с ритуальным сооружением, а сейчас лес почти полностью поглотил ее. В былые времена тут собирались на праздники жители острова, веселились, плясали и пели, досыта ели свиное жареное мясо. Иногда появлялось и человеческое мясо, но его есть предоставлялась честь только воинам. По свидетельству этнографов, каннибализм дольше всех держался на Маркизских островах. Нам рассказали, что здесь последней жертвой оказался жандарм, съеденный островитянами 50 лет назад.

Кончились лесные заросли, мы вышли на альпийские луга. Сразу приятно повеял прохладный ветерок. С высоты открывается восхитительный вид на прибрежную долину, просторы синего океана и голубую бухту, настолько чистую и прозрачную, что кажется, будто видишь отсюда дно. «Витязь» совсем крошечный, с рисовое зернышко. Полоса прибоя — узкая белая ленточка.

Слева от нас зубчатые вершины главного хребта, их отвесные стены с близкого расстояния выглядят седыми от покрывающих их светло-зеленых и белесых мхов. Склон горы, на которой мы находимся, из красной глинистой почвы и покрыт травой. Неожиданно перед нами возник небольшой табун лошадей — флегматичных потомков горячих коней Андалузии, завезенных сюда испанцами более ста лет назад.

Но Фальзито ведет нас все выше и выше. Ноги по щиколотки утапают в глинистой грязи, густые травянистые заросли иногда совсем скрывают с головой идущего впереди товарища, а с зенита палит солнце, и нет на земле тени ни от человека, ни от одинокого куста.

Вот и перевал. Перед взором возникает новая долина, спрятанная в центре острова между двумя высокими горными хребтами и уходящая влево к океану.

Да ведь это знаменитая долина Таипи. Вспомнились строки из повести Мелвилла: «...моему взору открылся вид, который я до сих пор помню со всей живостью первого впечатления... Если бы привелось увидеть рай, то и он вряд ли мог бы очаровать меня больше...»

Может быть, вот здесь, на этом самом месте, лежал 120 лет назад автор тех строк вместе со своим другом Тоби, сбежавшие сюда от бесчеловечных условий жизни на китобойном судне.

Долина густо поросла пальмами и лиственными деревьями, а противоположные склоны гор выглядят совсем неприступными. По узким расщелинам в отвесных стенах с высоты двухсот метров низвергаются в долину два водопада. С далекого расстояния кажется, что их серебристые струи застыли неподвижно.

Какие большие перемены произошли здесь! Во времена Мелвилла эту долину заселяли воинственные, но приветливые люди племени таипи. Это племя давно исчезло, но приветливые люди натиском цивилизации. И теперь в безлюдной долине царят вечные тишина и покой. Лишь далеко внизу, над кущами темно-зеленых пальм, медленно кружат кажущиеся отсюда снежинками белые птицы, как тень грустных воспоминаний о прелестной и нежной девушке по имени Файевей из племени таипи.

Обратный путь занимает меньше времени (ведь идти надо под гору), но он тяжелее подъема — сказываются усталость и отсутствие тренировки. Ноги скользят по камням, тело зудит от укусов мухи нуну. Но все мы так переполнены впечатлениями, что не обращаем на это внимания. Золотистый сверкающий шар, теряющий свои горячие лучи, уже скатывался по небосклону к синей черте горизонта, когда мы вышли на берег залива. Над утихающей перед сном зеленой подковообразной бухтой разносится басовитый гудок: «Витязь» дает сигнал для сбора. Но мы не можем преодолеть искушения: быстро раздеваемся на галечном пляже — и скорее в океанские волны, теплые и ласковые. Смывается дорожная грязь, как рукой снимает усталость. Еще раз нетерпеливо гудит «Витязь» — спешим скорее к причалу.

Те Ранги Хироа пишет, что на Маркизских островах жили лучшие из всей Полинезии резчики по дереву. Мы могли воочию убедиться в правоте его слов. Один из островитян пригласил нас к своему дому. Он положил на землю шкуру козы и разложил на ней вырезанные из дерева и украшенные тонким орнаментом весло, копье, чаши и затем стал молча наслаждаться произведенным на нас эффектом. Действительно, место для этих уникальных художественных произведений только в музее. Но к сожалению, художественное ремесло здесь приходит в упадок. Сбыт таких изделий ничтожно мал. Заезжие перекупщики берут их за гроши и наживают на них большие деньги в Папэте или Гонолулу.

Недолго мы были на острове Нуку-Хива, но могли убедиться, что маркизиане знают о нашей стране. Пожилой островитянин, подбирая французские слова, а еще больше действуя жестами, очень убедительно рассказал, что знает о том, что русские запускали на Луну ракету и спутник вокруг Земли, знает о полете Гагарина в космос. О русских говорят здесь с теплым чувством. В первой половине прошлого века сюда не раз заходили русские

парусные корабли, и русские моряки не в пример другим нациям оставили о себе добрую память. На острове обилие коз, и мы были приятно удивлены, когда нам рассказали, что первых коз сюда привез в 1804 году и подарил маркизианам Крузенштерн — начальник первой русской кругосветной экспедиции.

Два раза в месяц сюда заходит пароход из Папезте, привозит газеты, почту, забирает копру. Два раза в неделю даются киносеансы. По воскресеньям островитяне ходят в католические церкви, молятся за здоровье своих близких и президента Французской Республики. Вот и вся связь с внешним миром.

Из опубликованных в 1977 году в городе Папезте официальных данных об островах Французской Полинезии можно видеть, что Маркизские острова весьма незначительно продвинулись вперед в экономическом и культурном развитии. Так, население всех шести главных островов архипелага составляет сейчас 5580 человек, т. е. за 15 лет население увеличилось лишь на тысячу человек. Только на сотню жителей увеличилось за эти годы население Нуку-Хива — главного острова архипелага. А ведь в 1842 году, когда произошло присоединение Маркизских островов к французской короне, на них еще проживало 20 тыс. человек, не говоря уже о тех ста тысячах островитян, что жили там ко времени открытия архипелага испанцами.

Но может быть, произошел качественный скачок? Не видно и этого. На том же Нуку-Хива, по справочнику, в данное время находятся: главный администратор и главный врач архипелага, один госпиталь, почта, три магазина, два бара и один ресторан, католические и протестантские церкви — то же самое там находилось и в день визита туда «Витязя». Домики, как и прежде, освещаются керосиновыми лампами, и жители обеих деревень — Таюхае и Таипиваи — еще не знают, что такое электричество и телевидение. То же самое и на пяти остальных островах. Редко заглядывают туда и туристы, несмотря на рекламу и призывы в проспектах. Так, про остров Нуку-Хива можем прочесть: «Наиболее интересные места: долина Таипивай и ее Тики (идолы); долина Хакани и ее 1150-футовый водопад с высоты плато Тоови. Большое число лошадей, крупного рогатого скота, коз и диких свиней. Бухта Таюхае имеет очень красивые берега, но бедна местами для причаливания. Имеется возможность совершить экскурсии верхом на лошадях. На Нуку-Хива живут несколько резчиков по камню и дереву...»

Но эта реклама мало привлекает, вернее сказать, почти не привлекает на остров Нуку-Хива туристов. Во-первых, туда нет воздушного сообщения, а морские суда посещают остров нерегулярно и не имеют комфортабельных пассажирских кают; во-вторых, там нет отелей и даже приличных домов для размещения туристов. А чудесными ландшафтами туристы могут любоваться

не уезжая с острова Таити или на соседнем с ним острове Моореа.

Несколько больше повезло другому острову — Хива-Оа, и только потому, что на нем провел последние годы своей жизни и похоронен Поль Гоген.

Жителей на этом острове несколько меньше, чем на столичном Нуку-Хива (1120 человек), есть почта, госпиталь, бар, ресторан. Отеля тоже нет, но туристам предлагают поселиться в двух бунгало, расположенных в центре поселка Атуона. Они могут совершить прогулку верхом на лошадях по живописным горным окрестностям и посетить могилу Гогена. На местном кладбище — скромная могила с плитой из белого мрамора и на ней лаконичная надпись: «Здесь покоится Поль Гоген, французский художник. 7 июня 1848 г. — 8 мая 1903 г.». Спустя 70 лет после смерти прославленного сына Франции сюда была проложена воздушная трасса для любопытствующих туристов. Но их не так много. Не только потому, что там нет комфортабельной гостиницы. Билет с острова Таити в оба конца стоит 2600 тихоокеанских франков, или 365 долларов, — это не каждому по карману. Поэтому и самолеты летают туда не так часто: судя по расписанию 1977 года вылетают с острова Таити на остров Хива-Оа и соседний с ним остров Уа-Хука только один раз в неделю, по понедельникам. А полет продолжительный: 8,5 часа с промежуточными посадками на двух островах архипелага Туамоту. Вот и вся регулярная связь Маркизских островов с внешним миром.

Бенгт Даниельссон, живший на архипелаге в начале 50-х годов, дал ему еще одно имя — Позабутые острова. Хотя наше пребывание на одном из островов 10 лет спустя после Даниельсона было очень кратким, тем не менее мы могли подтвердить, насколько удачно это название. И судя по тем источникам информации, которыми мы располагаем о Маркизских островах настоящего времени, эта меткая характеристика остается в силе. Действительно, заброшенный и забытый людьми мир.

Кстати, об истории их официального названия. В начале главы я упомянул, что Менданья назвал открытый им архипелаг в честь жены вице-короля Перу. Нам рассказал об этом на острове Нуку-Хива главный администратор мсье Руан. Может быть, он ошибался? Ведь Б. Даниельссон в своей книге пишет, что Менданья в названии открытых им островов увековечил имя самого вице-короля Перу — маркиза Мендоза. Может быть, ошибся Даниельссон? У меня в руках объемистый справочник об островах Французской Полинезии, изданный в Папезте в 1977 году, — «General information on Tahiti and her islands». В нем написано, что острова «были открыты в 1595 году испанцем Альваро Менданья де Нейра, который окрестил их «Островами Маркизы» в

честь жены вице-короля Перу маркиза Мендоза...». Ту же версию мы читаем в других книгах, например в энциклопедии «Океан и острова», изданной в Англии под редакцией А. Хаксли*.

Так, может быть, действительно ошибся Даниельссон, и острова эти носят имя не алчного испанского вельможи, а прекрасной дамы конца XVI столетия? Значит, я обоснованно написал, что острова были дважды открыты как видения прекрасного.

Мы унесли с собой воспоминания о них как о красивейшем уголке Полинезии, погруженном в длительную сонную дремоту без каких-либо перспектив на скорое пробуждение к активной жизни.

---

* Standart Encyclopedia of the Worlds «Oceans and island». London. 1962.

ЖЕМЧУЖИНА ПОЛИНЕЗИИ

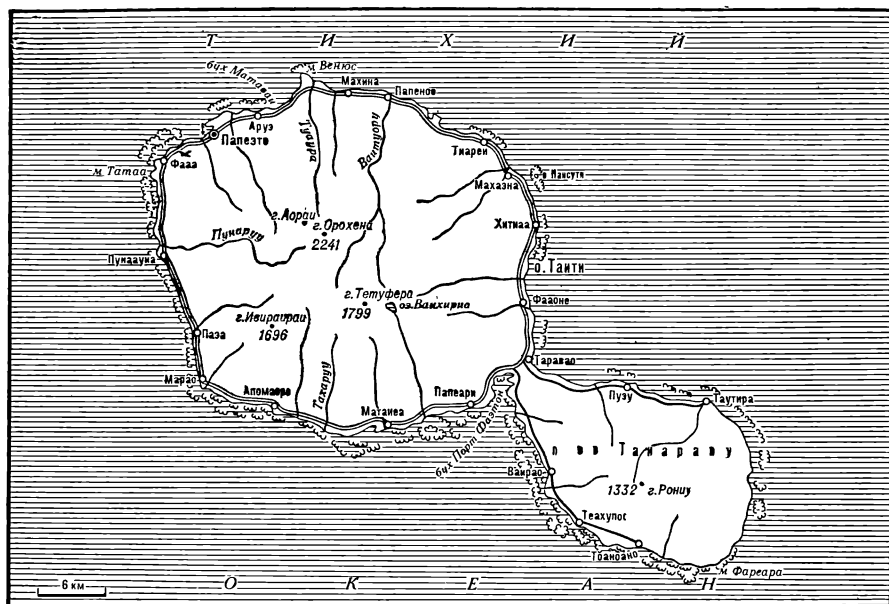
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Таити называют жемчужиной Полинезии. Ни об одном острове Южных морей не написано столько книг, ни один из них не воспет так поэтами и художниками. Французский мореплаватель Луи де Бугенвиль первым принес в Европу два века назад рассказ об увиденном им земном рае. «Прелестным краем» называет Таити в своих записках Ф. Ф. Беллинсгаузен, посетивший его в 1820 году. Восторженные строки посвящает Таити Г. Мелвилл: «У европейца... невыразимый покой и красота этих долин создают впечатление, будто он видит их во сне. Временами он почти отказывается верить, что подобные картины могут реально существовать...» «Самым красивым островом в мире» называет Таити и наш современник Бенгт Даниельссон.

Архипелаг Общества* с главным островом Таити занимает в Полинезии центральное место. Многие ученые считают, что именно отсюда началось расселение полинезийских племен в VII—XIV веках н. э. по другим островам Полинезии. Первыми из европейцев на Таити побывали в 1606 году испанцы экспедиции Кироса и называли его Сагиттария. Но официальное открытие острова Таити приписывается английскому капитану С. Уоллису на корабле «Дельфин» (1767 г.) — он назвал его островом Короля Георга III. А год спустя на северо-западном берегу ост-

---

* Дж. Кук в 1769 г. назвал его архипелагом Королевского общества Великобритании в благодарность за помощь в организации его экспедиции.

Остров Таити

рова, у долины Хитнаа, высадились французы экспедиции Луи де Бугенвиля.

В честь красивых женщин острова Бугенвиль назвал его Новой Цитерой. Еще годом позже к далеко выдающейся в море северной оконечности острова подошел английский корабль «Индевр» под командованием капитана Джеймса Кука. На этом низменном мысе капитан Кук и астроном Ч. Грин провели 3 июня 1769 года наблюдение над прохождением Венеры через диск Солнца. В честь этого события Кук назвал это место мысом Венеры (м. Венюс), а острову дал имя по его туземному названию — Отахенти.

Откуда же произошло его название — Таити? Беллинсгаузен в своих записках называет остров Отаити. На современных картах под островом стоит надпись Tahiti. Сами таитяне и иностранцы так его и называют «Тахити», с мягким придыханием согласного звука «х». Так следовало бы писать и произносить и нам. Допущенную кем-то ошибку нужно бы исправить и называть остров так, как называют его во всем мире — Тахити. И к историческим корням ближе: Отахенти — Тахити.

«Витязь» подходил к Таити ранним октябрьским утром. Острова еще не видно, он скрыт утренним туманом, проступает только его бесформенный силуэт. И вдруг прохладный утренний

бриз коснулся своими легкими крыльями корабля и людей, и воздух вокруг нас сразу заполнился чудесным нежным ароматом. Это донеслось дыхание еще невидимого нами цветущего острова. Так состоялось первое знакомство с островом Таити. Трудно представить себе более приятное предзнаменование. Но вот солнце прорвалось сквозь туманную завесу и начало поливать своими ослепительными лучами спокойную гладь океана, ставшую сразу ярко-синей. Туман, как по команде волшебника, бесследно рассеялся, и перед нами во всей красе возник большой и высокий остров. Остров необыкновенно горист. Издали даже трудно различить, есть ли хоть маленький кусочек ровной поверхности суши. Причудливые остроконечные вершины делают его похожим на гигантский пирамидальный айсберг, какие приходилось встречать иногда при плавании в Антарктике,— только это айсберг зеленый, а не белый. Самый высокий пик, что занимает центральное положение,— гора Орохона, а чуть правее второй высокий пик — Аораи *. Склоны гор круто, издали кажется совсем отвесно спускаются к океану с высоты полутора тысяч метров. Горные хребты прорезаны долинами, отсюда они видны как темные впадины. А с левого борта корабля выступают из океана отделенные от Таити нешироким проливом гористые очертания небольшого соседнего острова Моореа. Издали в туманной дымке он кажется фиолетовым. Все десять дней, что провели мы потом на Таити, остров Моореа всегда выступал фиолетовым силуэтом и лишь на короткое время в редкие часы становился зеленым и рельефным.

Проходит еще немного времени — перед кораблем вырастает белая полоса бурлящих бурунов — коралловый риф. Как у большинства островов тропической части Тихого океана, коралловые полипы постепенно создали вокруг острова неприступное ограждение в виде коралловых рифов на расстоянии двух-трех километров от берега. Только опытный лоцман, знающий скрытые проходы в коралловых рифах, сможет ввести судно внутрь лагуны. Лоцман не заставил долго себя ждать — и вот мы в просторной бухте, слегка вдающейся в берег. Перед нами панорама столицы острова Таити и всей Французской Полинезии — город Папете. В этом месте горы чуть-чуть отступили от океана, на неширокой береговой полосе рассыпаны небольшие домики. Они прячутся в густой зелени, и лишь у самого берега можно различить несколько более крупных двухэтажных зданий и белую церковь.

«Витязь» осторожно подходит к причалу. Откровенно говоря, встреча нас несколько озадачила. Причал и широкая площадка перед ним заполнены народом. Можно подумать, что сюда со-

---

* Высота 2241 и 2005 метров.

бралось все мужское население города, хотя еще совсем рано — только 7 часов утра. Полная тишина. Если закрыть глаза, то кажется, что причал безлюден. Тысячи внимательных глаз устремлены на белый советский корабль. Лица бесстрастны. Почти все мужчины одеты одинаково: светлая или с ярким узором рубашка навыпуск, короткие штаны-шорты, босые ноги. Никаких головных уборов. Черные вьющиеся волосы, широкие смуглые лица с приятными чертами.

Как не понять эту молчаливую сдержанность... Таитянский народ за последние два столетия немало встречал иностранных кораблей. Встречал с зелеными листьями дружбы, открытым сердцем, приветливым словом. И как часто чужеземные гости платили черной неблагодарностью за радушие и гостеприимство, оставляли после себя растоптанную веру в человека, оскверненный домашний очаг, ограбленный дом, неизлечимые болезни. У них отняли религию и обычаи предков, насильно заставили изменить образ жизни, лишили лучших земель, заставили работать на белых. Ради чего?

С 1842 года Таити — протекторат, а затем колония Франции, а до этого там четыре десятилетия хозяйничали англичане. Остались ли в памяти таитян заходы русских кораблей в прошлом веке? Русские моряки вели себя с таитянами как братья, уважали их и считались как с равными. Но это было так давно. Как сообщил нам потом командир военной базы коммодор Дюпон, последний раз русский корабль заходил на остров Таити 72 года до нас — возможно, это был крейсер «Витязь», на борту которого находился известный ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. Сейчас таитяне встречают первый советский корабль, они не видели до сих пор еще ни одного советского человека. А что знают они о Советском Союзе? Почти ничего. Это в лучшем случае. А если они серьезно верят тем небылицам о советских людях, что широким потоком льются по каналам буржуазной пропаганды? Но они видят на палубах «Витязя» не вооруженных бородатых бандитов в лохматых шапках, а веселых загорелых людей, которые дружески им улыбаются и приветливо машут руками. И ледок отчужденности начинает таять. Теплеют взгляды, на лицах появляются улыбки, руки поднимаются в ответном привет.

В истории таитянского народа печальную память оставили миссионеры. Самой роковой датой можно считать 1797 год, когда близ мыса Венеры с английского корабля «Дафф» была высажена группа миссионеров и началось насильственное внедрение христианской веры, а с нею беспощадное уничтожение национальной культуры. Правда, среди миссионеров встречались передовые люди, подобные Уильяму Эллису. Он оставил о себе добрую память: ввел таитянскую письменность, устроил типо-

графию, издавал на таитянском языке книги и даже газеты. Но таких были единицы.

Начальник русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Предприятие» О. Е. Коцебу, посетивший Таити в 1824 году, записал: «Молиться и подчиняться — вот чего требуют в основном миссионеры от поработанных ими таитян, которые настолько добродушны, что безропотно гнут шею под ярмом и даже позволяют загонять себя палками в церковь...»

На Таити религиозный фанатизм принял особо уродливые формы, так как следом за представителями англиканской и методистской церковью появились католики, и началось соперничество англичан и французов за «спасение душ» язычников-островитян. Неизвестно, на чьей стороне оказалась бы победа, если бы не визит в 1842 году в бухту Папезте французских военных кораблей. Под дулами орудий королева Таити Помаре IV вынуждена была принять ультиматум адмирала Дю-Пети-Туар и «добровольно» признать протекторат Франции. К церковным цепям, которыми к этому времени уже был крепко скован многострадальный таитянский народ, прибавилось ярмо колониализма.

Приходится буквально поражаться, как сумели выстоять таитяне, бережно пронести сквозь все тяжелые испытания, через много поколений, сокровища своего языка, культуры, творчества. Как залитый костер, кажущийся погасшим, где-то глубоко под дымящимися головнями сохраняет тлеющие угольки, готовые породить новое пламя, так и таитяне втайне передают из поколения в поколение свои предания и обычаи, свои песни, танцы, искусство резьбы по дереву. Конечно, многое исчезло безвозвратно. Ф. Ф. Беллинсгаузен еще в 1820 году с грустью записал: «Приехавшие с королевой молодые девушки пели псалмы и молитвы, составляющие ныне единственное их пение... Жаль, что вместе с просвещением островитян отменены народные их забавы, пляски и другие игры. Миссионеры говорят, что все праздники и пляски островитян тесно сопряжены с идолопоклонством...»

Русские и иностранные путешественники XVIII и XIX столетий единодушно восторгались таитянами и отмечали их приветливость, гостеприимство, доброту, миролюбие, красоту, внешнюю и душевную. Французский писатель А. П. Серстван в 1950 году в книге «Таити и ее корона» с удивлением писал про таитян, что они «перенесли расовое смешение, сифилис, алкоголизм, новые виды пищи, заботы об их благе, уныние чуждого им образа жизни — все, что белые завезли к ним. Поразительно, что они устояли перед столь многочисленными факторами разложения и что еще сейчас можно встретить идеальных представителей этой расы...».

История таитянского народа так похожа на судьбу их северных братьев — гавайцев, да и других народов Океании. Капитан Дж. Кук определил численность населения Таити в 200—240 тыс. жителей. Современный историк Таити Марк Лериш* опровергает эти цифры и признает более правильной оценку численности острова в 30 тыс. человек, данную 20 лет спустя, в 1790 году, участником рейса «Баунти» Дж. Моррисоном. Цифры совершенно несопоставимые, и, видимо, истину надо искать где-то посередине. В своем обширном демографическом обзоре, посвященном процессам развития численности населения Таити, М. Лериш сообщает, что в 1848 году число жителей острова сократилось до 8062 человек, а еще позже, в 1881 году, достигло своего минимума — 6400 жителей.

Причины такого быстрого вымирания целого народа — результат колонизации острова и связанные с этим эпидемии, физическое уничтожение людей, высокая детская смертность, преобладание смертности над рождаемостью. Поистине «черным» годом в истории таитян следует считать 1854 год, когда родилось 213, а умерло 912 человек. Эта тенденция продолжалась десятилетиями, и даже в начале нашего столетия, в 1901 году, родилось 334 ребенка, а умерло 396 человек, а в 1903 году — соответственно 360 и 428. Эпидемия гриппа 1918 года унесла сразу 1913 жизней, или почти $\frac{1}{5}$ часть жителей острова. Приведенные в обзоре таблицы цифры как в зеркале отражают трагическую историю таитянского народа после того, как их судьба оказалась в руках миссионеров и колонизаторов.

В городе Папее, в резиденции любезного и гостеприимного коммодора Дюпона, обращают на себя внимание две большие картины. Они висят на противоположных стенах, написаны в разные эпохи разными художниками и в разном стиле. Но по содержанию они несомненно связаны между собой и глубоко символичны: Таити в прошлом и Таити сегодня. На первой — момент высадки экспедиции Бугенвиля. В голубой бухте с спущенными парусами два корабля, у самого берега — шлюпка. От шлюпки по зеленому склону поднимается вверх группа военных моряков. Впереди — в нарядном мундире с золотыми эполетами Бугенвиль, его сопровождают офицеры и матросы. С горы навстречу пришельцам спешат таитяне. В протянутых руках у них банановые листья — знак мира и дружбы. Это задний план картины. А на переднем — обнаженная молодая таитянская женщина около хижины крепко прижимает к себе ребенка лет пяти-шести. Сколько естественной простоты и изящества в ее позе. И сколько тоски и покорной печали таится во взоре ее прекрасных темных глаз. Она не смотрит на чужеземцев. Взгляд ее

---

* «Bulletin de la Societe des etudes Oceaniennes» N 199. Papeete, VI 1977.

устремлен на покрытую цветами и зеленью родную долину. Она как бы заглядывает в будущее своей страны, и в ее неподвижной, пассивной фигуре, полном невыразимой грусти взгляде как бы выражена печальная участь, ожидающая ее народ в близком будущем.

Другая картина написана, вероятно, много позже и уже в современной манере живописи. На полотне — нынешний Папээте. На заднем плане та же бухта, но вместо парусников на рейде замер бронированный военный корабль с торчащими дулами пушек. На набережной яркие цветные пятна женских платьев и темные — мундиры офицеров. Весь передний план картины занимает терраса современного дома, окруженная цветущими красными и розовыми хибискусами. На террасе — молодая таитянка, одетая как и тысячи ее сестер: бедра обтянуты куском цветной ткани, грудь закрыта узким лифом из такой же материи, остальное тело обнажено. Черные пышные волосы распущены по плечам, над ухом краснеет цветок. Фигура женщины поражает изяществом и совершенством форм, красотой смуглого лица. Прислонившись к террасе, женщина устремила свой взгляд на зеленую долину и берег океана. Но этот взгляд ничего не выражает. В нем нет ни грусти, ни сожаления, ни радости: загадочный взгляд современной таитянки, целиком ушедшей в себя.

Остров Таити состоит из двух вулканических островов: большого — Тахити-Нуи и маленького — Тахити-Ити (п-ов Таиарапу), соединенных между собой узким перешейком Таравао. Их общая площадь 1040 квадратных километров.

Вокруг большого острова по берегу океана проложена асфальтированная дорога длиной 120 километров. Строить ее начали миссионеры лет 120 назад. Конечно, трудились на ней не сами служители бога. Предание рассказывает, что они заставляли вымачивать дорогу камнями женщин в качестве наказания за совершенные ими «грехи» — к ним миссионеры относили прежде всего нарушение супружеской верности. Была даже установлена норма: «грех» отпускался за три метра вымощенной дороги, и, выполнив ее, «блудница» вновь становилась праведницей. Предание, правда, не раскрывает, сколько же километров дороги замостили таким путем женщины. Ныне это ровное и довольно широкое асфальтированное шоссе, по которому стремительно несутся потоки автомобилей и мотороллеров.

Таити разделил судьбу других островов Полинезии, но, может быть, как наиболее удаленный от центров «цивилизации», он оказался в более счастливом положении в сравнении с Гавайскими островами и его приобщение к западной культуре шло замедленными темпами, по крайней мере до 1960—1961 годов.

Папееэте сначала разочаровывает. Обычный тропический городок с отходящими от набережной прямыми улицами, застроенными однообразными двухэтажными домами: внизу — магазины, наверху — жилье. Но по Папееэте нельзя судить о Таити. Стоит пройти от пыльных улиц и серых кварталов несколько десятков метров к окраине города, как начинаются рощи кокосовых пальм и хлебного дерева. Если же проехать по побережью и углубиться в долины, тогда на каждом повороте дороги путника ожидают неожиданные пейзажи, очарование тихих долин и маленьких поселений. Невольно вспоминаются слова Бугенвиля о Таити: «Казалось, что я попал в райский сад».

В динамике жизни каждого нового города глаз невольно подмечает какую-то характерную черту. В Папееэте нам показалось, что по крайней мере 0,9 жителей города превратились во «всадников». Только под ними конь середины XX столетия — стальной, с двумя колесами и мотором. Их называют здесь скуттерами независимо от того, мотороллер это, мопед или мотоцикл. Скуттера прочно вошли в быт таитян: слишком ничтожны их доходы, чтобы купить автомобиль. Автомобиль есть у богатых иностранцев, бизнесменов или потомков таитянской аристократии — крупных земельных собственников. На такси ездят преимущественно туристы. В городе нет ни трамвайных, ни автобусных линий. Нам рассказали, что здесь имеется около 15 тыс. скуттеров — это при населении Папееэте 20 тыс. жителей. По улицам проносятся на скуттерах мужчины и женщины, старики и дети. Большинство предпочитают мотороллеры, а кто помоложе или победнее — мопеды. Вот едет с рынка в свой загородный домик хозяйка, на багажнике у нее корзинка из пальмовых листьев, заполненная дарами тропической земли; не спеша протарахтел седовласый китаец в очках с портфелем около ручки мопеда — это мелкий бизнесмен. Со смехом и возгласами промчалась на велосипедах стайка школьников; из-за угла вывернул мотороллер, на нем полная молодая женщина, и, лишь когда она проехала, мы увидели на заднем сиденье двух черноголовых малышей, крепко ухватившихся за платье матери... И с особой неповторимой грацией восседают на кожаных сиденьях мотороллеров и мопедов молодые таитянки: красавицы Таити гордо проносятся взад-вперед по набережной Папееэте с распущенными по голым плечам черными как смоль волосами и в облегающих стройные фигуры платьях — на изготовление такого платья идет, вероятно, не более метра ткани.

В поездку по острову отправляемся рано утром на трех машинах. В нашей группе девять человек — шесть советских граждан и трое французских подданных: веселый и остроумный фран-

цуз мсье Музон, занимающий пост администратора острова Таити, невозмутимый и немногословный пожилой доктор Маккей — директор сельскохозяйственного колледжа и переводчик Дамянский — владелец и он же единственный сотрудник частной юридической конторы. Шоссе стелется по самому берегу океана по узкой прибрежной полосе, а кое-где оно прорезает подошвы гор, каменными глыбами нависших над океаном. Едем в сплошном благоухающем саду. Проезжаем кокосовые рощи, аллеи пылающих алым цветом кустарников, увитых лианами, каменные ограды и утопающие в зелени домики. Дорога иногда проходит в нескольких метрах от берегового уреза. Но океан здесь всегда спокоен и тих, и нечего опасаться, что его волны размоют дорогу. Кольцо кораллового рифа надежно сдерживает страсти могучего океана, принимает на себя все страшные удары его волн, гасит их, а до берега добегают лишь легкие, еле заметные колебания его вод.

Сразу за западной окраиной Папееэте, справа у самой дороги, под сенью стройных кокосовых пальм десятка полтора таитянских бунгало: легкие каркасные стены и остроконечная крыша покрыты пальмовыми листьями, перед каждым бунгало цветник. Что это — таитянская деревня? Нет, отель «Тахити». Эти бунгало — искусственная маскировка под таитянские хижины, внутри которых одна-две комфортабельные комнаты с электричеством, ванной, горячей и холодной водой, кондиционированным воздухом, всеми атрибутами европейской первоклассной гостиницы. Мы видели еще подобные отели. Рассчитаны они на туристов, преимущественно американцев, — цены на эти бунгало по карману только богатым людям. Заплатив солидные деньги, туристы доставляют себе призрачное удовольствие пожить в «настоящей» таитянской деревне.

За отелем «Тахити» на восьмом километре от шоссе отходит вправо укатанная лента асфальтированной дороги. Стрелка показывает: «В аэропорт». Здесь, на песчаной косе Фааа, недавно закончена постройка трехкилометровой бетонированной взлетной полосы, возведено здание аэровокзала. Теперь на полосу нового аэропорта, обрывающуюся обеими концами прямо в лагуну, садятся тяжелые четырехмоторные пассажирские лайнеры. Аэродром может принять любой современный транспортный и военный самолет. Аэропорт только что вступил в строй, и теперь туристы уже могут за несколько часов перенестись на Таити из Гонолулу или Лос-Анджелеса. Владельцы отелей и коммерсанты уже подсчитывают будущие барыши.

Продолжаем путь дальше. И справа и слева от шоссе тянутся частные владения. Забор обычно заменяется цветущим кустарником: густо разросшиеся прямые травянистые стебли с мелкой продолговатых зеленых или красных листьев на конце

(это растение называется здесь «гавайский чай»); иногда встречаются невысокие изгороди, сложенные из неотесанных камней. Кое-где промелькнут зеленые полянки, но таблички с надписью «Tabu, Priveite» * напоминают путнику о том, что ему разрешено двигаться только по дороге.

На двенадцатом километре справа от шоссе запущенный участок. В глубине его не видно признаков жилья. Вместо ворот — два столба, украшенные национальной резьбой, а на них прибита доска: «Здесь с 1896 по 1901 год жил художник Поль Гоген». Гоген прожил здесь самые тяжелые годы своей жизни и написал свои самые знаменитые картины. В них воспевал он в своей особой манере красоту таитянской природы и старался раскрыть образы таитян. Краски его полотен поражают своим особым, свойственным только ему, гогеновским колоритом. Гоген писал о своих таитянских полотнах: «Ландшафт поразил меня своими чистыми и теплыми красками. И мне так легко было писать его таким, как я его вижу, не раздумывая над тем или иным; красным, голубым!.. Отражающиеся в потоках воды золотистые формы очаровали меня. И как же не рассыпать мне все это золото, весь этот радостный солнечный свет на мои полотна...» Картины Гогена вошли в сокровищницу мировой живописи.

Гоген прожил на Таити с перерывом десять лет, с 1891 по 1901 год, и умер, как уже было упомянуто, в 1903 году на острове Хива-Оа.

Но напрасно мы искали в музеях и в домах Таити картины Гогена. Ни один из художников не прославил так Таити, как Гоген, но все его картины давно вывезены в Америку и Европу. Там же, где жил и творил великий художник, не осталось ничего, кроме двух столбов от ворот давно исчезнувшей усадьбы. Даже в зале дворца королевы Помаре IV, где помещается сейчас резиденция губернатора Французской Полинезии, мы видели только слабую копию одной из картин Гогена.

С легкой руки Гогена Таити стал местом паломничества художников разных стран. Но большинство из них лишь пытались подражать его манере письма, старались постичь секрет сочетания его красок, но прославить ни себя, ни Таити не сумели.

Наше путешествие продолжается. На 20-м километре горы отступают от шоссе, и мы въезжаем в широкую долину, поросшую пальмовыми рощами. Это долина Паеа, одно из живописнейших мест острова. Здесь, как и на других островах, стволы кокосовых пальм на уровне двух метров от земли опоясаны широкой полосой из гладкой оцинкованной жести. Это мера защиты молодых кокосовых пальм от крыс и живущих в земле кокосовых крабов. Кокосовая пальма не только украшает ландшафт

---

* Запрещено. Частное владение.

острова и придает ему экзотическую красоту. Кокосовые орехи — основной источник дохода коренных жителей Таити, да и всей Полинезии. Поэтому сохранение урожая орехов — забота администрации островов и всего населения.

— Где-то здесь живет Бенгт Даниельссон, привезите нас к нему, — просим мы.

— Это выбьет нас из графика, — возражает Дамянский, — мы не уложимся в протокол.

Но машины все же сворачивают вправо и по узкой накатанной грунтовой дороге, виляющей между пальмами и хлебными деревьями, выезжают к берегу океана. Здесь усадьба Бенгта Даниельссона, участника исторической экспедиции на плоту «Кон-Тики». Имя шведа Даниельссона хорошо известно всем, кто интересуется географией и этнографией.

Даниельссон оказался добровольным пленником Таити. После того, как плот «Кон-Тики» благополучно завершил свой дрейф у архипелага Туамоту, Даниельссон решил навсегда поселиться в Полинезии и выбрал остров, который пленил его своей красотой, — Таити. Купил участок земли на самом берегу океана, построил пять бунгало и с жаром углубился в исследования истории, культуры и быта полинезийцев. Он написал уже несколько книг, составивших ему большую известность.

Бенгта мы застали в самом отдаленном бунгало — длинном прямоугольном каркасном здании, крытом пальмовыми листьями, — там его библиотека и рабочий кабинет. Приезд гостей был для него неожиданным. Бенгт познакомил нас со своей женой Марией-Терезой, молодой изящной француженкой, одетой по современной таитянской моде в легкую цветную ткань. Его усадьба лежит на самом берегу океана, и два ближайших бунгало построены буквально в десяти шагах от воды. Несколько одиночных кокосовых пальм и множество цветущих кустарников, окружающих строения, придавали усадьбе Даниельссона весьма живописный вид. Несколько дней спустя, в ближайшее воскресенье, мы были гостями Б. Даниельссона, провели целый день в его усадьбе, вели оживленные беседы с Бенгтом и его друзьями-французами, живущими на Таити, купались в лагуне между берегом и коралловыми рифами.

— Прекрасный ровный таитянский климат не доставляет таких больших забот о жилье, как у вас в России, — рассказывал Даниельссон. — Эти домики построены из местного легкого дерева пуау и бамбука, накрыты пальмовыми листьями. Постройка их обходится дешево...

Один бунгало предназначен для приезжающих гостей, в другом столовая, в третьем — детская (у Даниельссона трое детей), в четвертом — спальня, а пятый, самый большой, предназначен для творческой работы.

— Над чем сейчас вы работаете, Бенгт?

— Я заканчиваю книгу о великом художнике Поле Гогене. Для этого мне пришлось собрать всю литературу, вышедшую о нем в разных странах,— Даниельссон показал на несколько стопок книг.— И что же я обнаружил, к своему удивлению? Ни один из авторов книг о таитянской жизни Гогена никогда не был на Таити. Я извездил все места, связанные с Гогеном, нашел стариков, хорошо помнящих его. Больше того, на Маркизских островах я разыскал дочь Гогена, а здесь — его сына...

Даниельссон довел до конца свое начинание. Года три-четыре спустя я получил от него неожиданный подарок — книгу «Гоген в Полинезии». Ценность книги — ее документальность, она богато насыщена фактами и документами, многие из которых увидели свет впервые.

Недалеко от усадьбы Даниельссона от шоссе отходит влево каменная дорога и теряется в пальмовой роще. Сворачиваем на нее. Горы, неохотно расступаясь, образуют довольно широкий отрог долины Паеа, похожий на ущелье, упирающееся в отвесный склон горы Ивираираи (1695 м). На расчищенной от камней и деревьев обширной площадке, огороженной деревянным забором, маре Арахураху — языческий храм таитян. По приказу миссионеров он был разрушен, но сравнительно недавно восстановлен, и сейчас это филиал музея, предназначенный для показа туристам. Перед входом в храм высокие деревянные столбы увенчаны скульптурами уродливых человеческих голов со страшными гримасами на лицах — изображения всемогущего бога Таароа. Маре разделен на несколько частей.

Гид рассказывает, как проходила церемония похорон знатных таитян. Начинаясь она с жертвоприношения, обычно животного. Под ближайшим к входу навесом жертву убивали и приносили богам, чтобы они разрешили душе умершего вождя или знатного таитянина вернуться на свою родину Гавайки. В средней секции под навесом на возвышении лежал набальзамированный труп умершего. Перед ним клали убитую жертву. После совершения всех обрядов хоронили знатных умерших в пещерах ближайшей горы Ивираираи. В конце храма — возвышение для жрецов, а перед ним — трибуны для народа. Зачастую здесь приносились человеческие жертвы, и они были особо угодны богам.

Визит к Даниельссону действительно вывел нас из графика, и Дамьянский поторапливает ехать скорее дальше. Наши машины пересекают зеленые долины, рощи и горные потоки. Останавливаемся на 51-м километре у моста через шумную речку Ваирахи, падающую красивым каскадом с высокой скалы, а еще через километр прибываем к конечной цели своего путешествия — ботаническому саду.

Первый его владелец много лет назад купил несколько гектаров земли при выходе долины Папеари к океану и без всякой системы и порядка засадил его представителями тропической флоры. Умирая, он завещал свой сад острову Таити. Сейчас сад находится в ведении сельскохозяйственного колледжа. Доктор Маккей, едва ступив на территорию сада, мгновенно преображается. Куда девались его сдержанность и немногословие. Он с увлечением водит нас от дерева к дереву, от кустарника к кустарнику и с жаром старается как можно больше рассказать нам о каждом растении. К сожалению, ботанический сад не имеет каталога для посетителей, да и посещают-то его редкие любители тропической природы. Здесь действительно представлена вся дикая и культурная флора Полинезии, но как случайно все это высажено, какие густые и беспорядочные заросли окружают нас. Нигде не видел я таких больших и ярких красных хибискусов — цветущего кустарника, непрямого представителя всех тропических островов Тихого океана. Рядом, точно осыпанные инеем, кусты бальфури — масса мелких белых цветов с красной точкой посередине. А вот хищник-мухолов, о котором мы так много слышали: на тонкой веточке качается бледно-желтый цветок с раскрытым венчиком; стоит только мухе сесть на край цветка, лепестки его мгновенно захлопываются, жертва оказывается в западне, вступают в дело химические вещества, и муха усваивается растением. На невысоком дереве с тонкими длинными ветвями повисли пушистые темно-красные звериные хвостики — это акалифа сондавана, или, как его обычно зовут здесь, «кошачий хвост». Маккей подводит нас к стройной пальме высотой метров двадцать:

— Сколько, по-вашему, лет этому дереву?

— Вероятно, лет двадцать...

— Только четыре года,— довольно улыбается Маккей.— Это особый вид пальмы шизолбиум эксельсум, она отличается необыкновенной интенсивностью роста...

Забираемся в самую чащу. Там, куда почти не могут пробиться солнечные лучи, над небольшими черно-синими озерками пресной воды возвышаются могучие многоствольные деревья, и кажется, что это десятки корней вертикально поднялись из почвы, чтобы на высоте нескольких метров сомкнуться в ствол и раскинуть затем на десятки метров вокруг ветвистые сучья с жесткими темно-зелеными листьями. Из другого озера вытянулись к небу стройные, как корабельные мачты, столбы бамбука с метелками узких светло-зеленых листьев. Ветерок покачивает бамбук, и стволы издают жалобный скрип, так напоминающий скрип такелажа на парусном корабле во время непогоды. Надо пробыть здесь много дней, чтобы подробно осмотреть каждый уголок, ознакомиться с каждым растением.

Снова в машинах. Шоссе ведет нас дальше вокруг острова. Вот уже перешеек Таравао, а за ним справа пленительный вид меньшей части таитянской «восьмерки» — полуостров Тахити-Ити. Горы здесь значительно ниже, и склоны их положе.

Восточное побережье Таити от перешейка до мыса Венеры более дикое и безлюдное. Шоссе пересекает шумные горные потоки, чаще встречаются обширные пляжи и долины. Но в некоторых местах горные склоны вплотную спускаются к океану. На сотом километре въезжаем в долину острова — Папеноо, которая тянется километров на десять. Ее пререзает самая большая речка острова — Ваитуору. Затем скалистые отроги небольшого хребта и за ним новая пленительная долина Махина, от которой отходит вправо и вдается далеко в океан широкая зеленая полоса мыса Венеры — любимого места загородных прогулок горожан: песчаный пляж, красивые коралловые заросли, поблизости вливается в океан чистый поток небольшой реки Туауру. Мыс Венеры и долина Махина уже достаточно густо заселены, здесь живет почти тысяча человек. Метрах в 50 от берега на песчаной площадке высится башня маяка, а в нескольких десятках шагов от нее — памятный камень. Двести лет назад Дж. Кук вел здесь астрономические наблюдения за Венерой, а сейчас на этом камне нанесена истинная линия меридиана, определенная Куком. На широком цоколе установлен монумент в честь Кука: обнесенная цепями каменная колонна с шаром наверху. На щите старинные литографии и на трех языках (французском, английском и таитянском) коротко изложена история открытия европейцами Таити.

До Папезте от мыса Венеры по шоссе всего 10 километров, и движение здесь интенсивное, почти как в городе.

— Непременно побывайте в пятницу на базаре, — сказали наши таитянские друзья. — Вы не будете знать, что такое Таити, если не посетите базара. Смотрите, не проспите только...

Мы знали, где находится рынок в Папезте, так как покупали там фрукты. Находился он в пяти минутах ходьбы от порта. Очень напоминал наши крытые рынки: под большим навесом несколько параллельных рядов столов, и на них китайцы и таитяне до самого вечера торгуют фруктами. Но это, как говорят у нас в России, только «подторжье», а настоящий базар бывает раз в неделю, по пятницам.

В пятницу в пять утра вахтенный штурман и его помощники сбились с ног, обходя каюты и поднимая с постелей всех, кто просил разбудить пораньше. Еще совсем темно, лишь начинают сереть острые вершины горного хребта. Поеживаясь от утренней свежести, выходим на причал. В порту заметное оживление. К стенке пристают рыбацьи баркасы, моторные боты, небольшие парусники. Нагруженные корзинами островитяне спешат к

рынку. В этот день в Папезте приплывают жители всех островов Общества, чтобы обменять плоды трудов своих на бумажные франки*. Все столы под навесом и небольшая площадь рядом завалены овощами, фруктами, рыбой и всем тем, чем богаты щедрая земля тропиков, воды и дно океана. Мы ходили по рынку, поражаясь богатству и размерам тропических плодов, разнообразию морской фауны и ее удивительным формам. Пирамиды из ядер кокосовых орехов и плодов хлебного дерева; пудовые гроздья желто-зеленых бананов и сваленные, как капуста, в кучи ананасы; лимоны и апельсины; душистые и сладкие, как мед, желтые плоды манго; большие желто-пестрые дыни и светло-зеленые продолговатые арбузы; крупные и мягкие груши и многие другие плоды тропического леса и плантаций.

В овощном ряду вместе с капустой высились горы корнеплодов: таро, ямс и батата, заменяющих островитянам и хлеб и картофель. Дивились мы обилию и размерам рыб, их необычной окраске и страшному виду рыбы-шара. Плетенные из тростника и пальмовых листьев корзины были заполнены крабами, моллюсками, двустворчатыми и витыми раковинами. От посещения базара мы получили не только познавательное, но и большое эстетическое удовольствие, а наши ихтиологи и гидробиологи истратили все находившиеся в карманах деньги для пополнения коллекций.

Таитяне — искусные моряки. Искусство мореплавания накапливалось у них веками, не случайно во всех легендах полинезийцев рассказывается об успешных плаваниях их предков по океану и о достижении самых далеких островов. В порту Папезте всегда находятся два-три среднетоннажных пароходика с таитянской командой, стоящие под погрузкой копры или принимающие пассажиров без всяких норм, прямо на палубу, для доставки на другие острова Общества. Таитянские рыбаки далеко уплывают в море на своих изящных, кажущихся очень хрупкими деревянных каноэ. Сейчас уже почти не встретишь двойное каноэ (на Гавайских островах им на смену пришли двухкорпусные моторные катамараны), чаще всего видишь каноэ с балансиrom: долбленная узкая лодка из ствола дерева и слева на двух шестах вынесен параллельный брус той же длины, что и лодка. В своем судостроении таитяне, как и все полинезийцы, не знают гвоздей: все крепление производится с помощью вязки или деревянных колышков. Таитяне — опытные рыбаки. В их пищевом балансе рыба наряду с овощами занимает важное место. Нас угощали любимым рыбным блюдом, считающимся лакомством: сырая рыба режется на мелкие куски, вымачивается 4—6 часов в

---

* Во Французской Полинезии введена своя денежная система — тихоокеанский франк, обращается только на островах Тихого океана, принадлежащих Франции.

кокосовом молоке и подается на стол. Действительно вкусно. А вот к другому национальному блюду — пои привыкнуть мы не могли. Его делают так: из растертых клубней таро получают муку, замешивают ее водой, оставляют некоторое время перебродить и полученное пресное с маленькой горчинкой тесто едят в сыром виде.

В один из первых дней пребывания на Таити мы нанесли визит одному из лучших знатоков Полинезии, крупнейшему авторитету в области тропической медицины, доктору Эмилю Массалю. Он возглавлял Институт исследовательской медицины Французской Полинезии. Принял он нас очень любезно, прервал работу, показал лаборатории и клиники института, ответил на множество вопросов. На лицо Массалья легла печальная тень, когда он заговорил о туберкулезе.

— Туберкулез еще является бичом этих мест, мы считаем его бедствием номер один. Мы стараемся охватить проверкой все население, выявляем больных, принимаем меры лечения. Но мы еще не добились перелома — и у нас зарегистрированы 1200 человек больных туберкулезом.

Иными словами, на островах Французской Полинезии из каждых 100 жителей 15 болеют туберкулезом. Это много, очень много...

Диагностировать болезнь и дать больному лекарства — это только часть дела. Надо ликвидировать условия, порождающие эту страшную болезнь, а этого ни сам Массаль, ни его помощники при всем благородстве их врачебного подвига изменить не в состоянии.

— А как обстоит дело со «слоновой болезнью»? — поинтересовались мы.

И на острове Нуку-Хива, и здесь, на Таити, можно заметить мужчин и женщин с безобразно распухшими конечностями.

— Здесь мы уже добились положительных результатов, — оживился Массаль. — Главное — найден возбудитель. Он живет в водоемах, и мы начинаем сейчас бороться прежде всего с ним.

Массаль подводит нас к крупномасштабному плану города Папезте, на нем обозначен каждый дом. Во многие дома воткнуты булавки с головками разных цветов — так отмечены живущие в этих домах люди с положительной реакцией на болезнь или явно больные.

— Еще больших успехов мы добились в борьбе с проказой, — говорит Массаль. — Мы изолируем больного в лепрозорий, проводим шестинедельный курс активного лечения и после этого возвращаем больного в его семью — он уже не опасен для окружающих и может продолжать лечение в домашних условиях.

Массаль вызывает к себе одного из своих ассистентов, молодого врача-таитянина Джека Беннета, и поручает ему показать

нам окрестности Папезте. Джек сразу же покори́л нас своим обаянием. Высокий, мужественный, красивый, он мастерски вел машину по горной дороге вверх к перевалу над городом, подробно и толково отвечал на наши бесконечные вопросы. Его мать — таитянка, отец — австралиец, но Джек без колебаний называет себя таитянином. Интересная деталь: путешествуя по островам Полинезии, мы не раз знакомились с местными жителями, в жилах которых текла наполовину полинезийская, наполовину «белая» кровь. И все они обычно с гордостью причисляли себя к народу своих матерей — к полинезийцам — и отвергали сомнительную честь носить «белую» национальность отцов. Таков был наш новый друг Джек. Такими были и дети художницы Рипо на Таити, хотя они наполовину являлись шведами. Знаменитый историк Полинезии Те Ранги Хироа, сын маорийки и ирландца, с гордостью называл себя маорийцем.

Когда же над затихшей бухтой сгустились сумерки, Джек снова заехал за нами и увез к себе в маленький домик в долине Аруе, километров на пять к востоку от Папезте. Пожалуй, это был самый интересный вечер, проведенный на Таити. Теплый тропический вечер, воздух наполнен дразнящими, незнакомыми нам ароматами. Густой мрак кажется осязаемым. Над головой, на фоне темно-синего неба, черные вырезы верхушек кокосовых пальм, а в просветах, на бархате неба, ярким до боли в глазах голубым светом сверкает странник северного и южного полушарий — ослепительный Сириус. На другой половине неба соперничают с ним в блеске уже незнакомые для жителей северных широт звезды — голубой Канопус и золотистая альфа Центавра. В кустах заливаются целые оркестры голосистых цикад. Входим в скромное жилище Джека. Там уже ждут нас еще пять-шесть человек — родственники Джека и молодые врачи — его товарищи по работе. Завязывается непринужденная беседа, в ход пускаются все запасы английских слов. Молодые таитяне впервые в жизни видят советских людей. Им так интересно узнать о жизни далекой и совсем незнакомой для них страны. Они интересуются постановкой образования в Советском Союзе, медицинским обслуживанием населения, плаваниями «Витязя» в Тихом океане. Не было ни праздничного стола, ни застольных речей. Сияющий от удовольствия черноволосый братишка Джека принес только что снятые с пальм зеленые кокосовые орехи в стадии молочной спелости, а Джек и его друзья ловко очищали их от оболочек, доставали покрытые короткой волокнистой тканью ядра, пробивали в верхней части отверстия и преподносили гостям. Запрокинув головы и прижав губы к этим отверстиям, мы пили из ядер кисловатую прохладную жидкость. Так в древние времена таитяне угощали своих желанных гостей — молоком кокосовых орехов. Прощаясь с нами, они надели каж-

дому на шею, по своему старинному обычаю, длинные ожерелья из маленьких ракушек.

Жилища таитян, называемые «фаре», чисты и опрятны и очень просты: обычно деревянная прямоугольная коробка с плоской крышей. Простотой отличается и внутренняя обстановка: мебели обычно нет, несколько сплетенных из пандануса циновок устилают пол, такие же циновки, повешенные вертикально, служат перегородками.

— Вам повезло,— говорили нам наши таитянские друзья,— что вы застали еще остатки патриархальной жизни Таити. Сейчас наш остров переживает переломный период...

— А чем это вызвано?

— Морской путь сюда далек и дорог. Не слишком удобен был и воздушный путь на гидросамолетах. Но недавно вступил в строй новый аэропорт. А это значит, что тысячи туристов заполняют наш маленький остров. Главным законом жизни здесь станет бизнес, как это уже получилось на Гавайских островах.

— Грустно слышать об этом...

— А нам не только грустно, но и больно за быструю потерю остатков национальной самобытности. Если вы вернетесь сюда через несколько лет, многое безвозвратно уйдет уже в прошлое, и вы поразитесь переменам, которые произойдут здесь...

Мы вняли доброму совету и старались как можно больше узнать о жизни и быте современных таитян за те дни, что провели на острове. Этого времени было достаточно, чтобы на многих примерах убедиться, что таитяне нашего времени еще сохранили вековые черты своего народа и что у них осталось еще многое, что уже исчезло у гавайцев в процессе их «цивилизации». Прав был Г. Мелвилл, когда 120 лет назад писал о таитянах: «Их физическая красота, добродушие и приветливый характер гармонически сочетаются с прекрасным климатом их страны».

Таитяне еще во многих отношениях «дети природы»: в общении друг с другом, семейном укладе, обычаях и привычках. Здесь мы встречались с такими житейскими категориями, которые ставят в тупик европейца, подходящего к жизненным явлениям с точки зрения свсей выработанной веками морали. Действиями таитян руководят порывы сердца, а не рассудок. Любовь у них не накладывает никаких обязательств на любящих друг друга. Главное в любви, считают они,— взаимная свобода. Брак не считается незыблемым и пожизненным, закон разрешает заключать брак на пятилетний срок, а затем либо возобновлять, либо прекращать брачные отношения. Рассказывают, что на языке таитян вообще отсутствует слово «ревность». Таитяне смотрят на супружество не как на формальность, регламентируемую законом, а как на обоюдное согласие заинтересованных друг в друге мужчины и женщины. Так стоит ли тогда идти к священнику или

в мэрию и оформлять этот союз какой-то бумагой? Так рассуждают многие из них.

Таитяне безгранично любят детей, и, когда у девушки родится ребенок, это считается не предосудительным, а даже радостным событием. Всегда имеются люди, желающие взять на воспитание ребенка. Даже больше: между отдельными семьями происходит что-то вроде соревнования, кому достанется право усыновить ребенка.

В то же время практикуется и обмен детьми между семьями, и при этом чужой ребенок будет воспитываться с такой же любовью, как и родной. Дети хорошо воспитаны, послушны — не было случая, чтобы таитянин повысил голос на ребенка или ударил его. Таитяне необыкновенно чистоплотны и по несколько раз в день принимают душ. Таитянка никогда не начнет подавать пищу, не приняв перед этим душ.

Таитяне еще не привыкли к формальностям, деловым бумагам, распискам и актам, для них главное — слово. Местные жители не любят коммерции — за все дни пребывания на Таити мы не видели ни одного лавочника-таитянина. Они любят трудиться по призванию, а не по необходимости, и лишь суровая действительность заставила их заниматься таким трудом, чтобы прокормить семью. Островитяне жили раньше не заботясь о пище, жилье и одежде — все сполна им давала щедрая природа. Но с тех пор как появились европейцы, сперва миссионеры, а потом колонизаторы, когда иностранцы стали применять магическое «табу» на их исконных землях, когда в жизнь островитян прочно вошли такие новые категории, как «деньги», «заработная плата», «частная собственность», — труд стал для них тяжелой необходимостью. Но здесь, на острове, заработки случайны: сбор кокосовых орехов и добыча из них копры на плантациях иностранцев и богатых таитян, сбор ванили и фруктов, обработка жемчужниц-раковин, дающих перламутр, ремонт дорог, строительство аэродрома, рыбный промысел — в те годы были сезонными и занимали лишь часть рабочей силы. В туристский сезон дополнительный заработок дают отели.

На Таити любят танцевать. С тех пор как рухнул запрет на обычаи народа, наложенный миссионерами, на зеленых полях под ярким солнечным светом снова загрохотали барабаны, зазвенели песни и девушки, сбросив ситцевые платья, снова одетые в костюмы своих предков — юбки из лубяных волокон, — с пылом стали отплясывать босыми ногами свою хулу. В Папее-те несколько групп профессиональных музыкантов и танцовщиц, они выступают вечерами на открытых верандах в отелях перед туристами и заезжими гостями. Но заняты они пока нерегулярно, и профессионализм еще не поглотил их целиком. Еще не были разорваны узы, связывающие их с подлинной народностью.

Но уже не было сомнений в том, что и для таитянок готовится участь их гавайских соплеменниц.

Мореплаватели, писатели, художники прославляли не только экзотическую природу Таити, но и прекрасных женщин этого острова. Женщины Таити покорили Бугенвиля и его экипаж своей красотой. Вспомним историю мятежного английского брига «Баунти». В 1790 году экипаж этого корабля поднял мятеж, избавился от капитана и офицеров и направился к берегам Таити. Там английские моряки похитили несколько женщин и уплыли с ними на юг и обосновались на необитаемом острове Питкэрн. На нем и сейчас живут их потомки. Трудно сказать, насколько полно женщины современного Таити похожи на своих прапрабабушек. Та «белая накипь», те рыцари легкой наживы и искатели приключений, что рыскали в прошлом веке в Южных морях, оставили немало европейской крови в жилах таитянского народа. Но женщины-таитянки так же женственны, по-своему красивы, главное — сохранили прямоту характера и искренность. Голодная и бедная таитянка с презрением отшвырнет пачку денег, предложенную ей за любовь, если человек ей не понравился. Таитянские женщины любят бескорыстно, и любовь эта не терпит никаких уз.

Еще Беллинсгаузен писал, что офицеры его экспедиции не могли нахвалиться честностью таитян. Честность — национальная черта их характера. Здесь и в наши дни замок на двери — вещь чуждая и непонятная таитянам. В своих поездках по острову мы не раз видели дома островитян вообще без дверей — ее заменяла шелковая занавеска. Уходя из дома даже на несколько дней, таитяне не запирают своих жилищ.

Таити отличается здоровым и ровным нежарким климатом с небольшими колебаниями температуры в году. Все это в сочетании с прелестями экзотической природы делает жизнь на Таити привлекательной. Но это же ставит перед французской администрацией серьезную проблему: с одной стороны, привлечь на остров возможно больше туристов и выкачать из их карманов побольше денег, а с другой стороны, искусственно сдерживать наплыв иммигрантов.

Поэтому туристские проспекты предупреждают:

«Французская Полинезия имеет много прелестей для туристов, легко доступных тем, кто имеет необходимые средства (важное и очень существенное напоминание: именно кто имеет деньги.— *Е. С.*). С другой стороны, устройство иммигрантов становится очень трудным, так как на месте имеется достаточно рабочей силы для различных областей деятельности. Поэтому практически существует запрет на оплату труда иностранцев».

Французской администрацией введен ряд правил, препятствующих заселению Таити и других островов иностранцами. Так,

право постоянного жительства и приобретения собственности (земли, домов, предприятий) предоставлено только французским подданным (к ним относятся и таитяне); иностранцы имеют строго ограниченный срок пребывания на Таити; иностранец, прибывший без разрешения французской администрации на Таити для поисков работы, немедленно высылается.

Но почему же при таком строгом законе на Таити помимо французов живут и владеют землями и усадьбами так много других иностранцев, особенно американцев? По какому же праву они живут там? Во-первых, губернатор Французской Полинезии имеет право в отдельных случаях давать разрешение на нарушение закона. Во-вторых, находят другие пути обхода закона: женятся на таитянках. Богатые таитянки, потомки королевской фамилии или знатных семейств, приносят в приданое десятки и сотни гектаров земли, в других же случаях можно оформить покупку земли на имя жены-таитянки.

Польский журналист Люциан Воляновский, побывавший на Таити год спустя после нас, записал: «Перестал ли Таити быть раем? Утверждать так я бы не решился. Таити имеет свои достоинства. Климат не изменился, но получить входной билет в этот рай очень трудно, да и все лучшие места в нем давным-давно заняты» *.

Подобно японской прослойке населения на Гавайских островах, здесь, на Таити, тоже есть свое национальное меньшинство — китайцы. Они составляли тогда около 10% населения Таити. Находятся они на статусе иностранцев (без права земельной собственности), в любой день им может быть объявлен предельный срок проживания на острове. Основная торговля и коммерческая деятельность находятся в руках китайской верхушки. Американский этнограф Ричард Моуни, изучавший общественную и политическую организацию китайцев на Таити, рассказал участникам конгресса в Гонолулу следующее.

Еще в 1860 году на Таити была завезена из Китая большая группа кули для обработки плантаций, но они приехали без женщин и большого потомства не оставили. Основное китайское население Таити происходит от иммигрантов первой четверти нашего века, и хотя сейчас 80% китайцев уже являются местными уроженцами, но официально они иностранные граждане. Китайцы играют большую роль в экономике Таити и всего архипелага. Китайские коммерческие компании держат в своих руках всю систему кредитных товарных сделок, являются посредниками между экспортно-импортными фирмами и магазинами. Заготовка и продажа копры, ванили, перламутра проходит через китайские фирмы. Помимо торговли китайцы занимаются ого-

---

* Л. Воляновский. Луна над Таити. М., 1967, с. 29.

родничеством на арендованной земле, содержат рестораны и аптеки, занимаются производством мясных продуктов и выпечкой хлеба, работают бухгалтерами, коммерческими агентами и т. п. Как и у других наций, социальный состав китайского населения неоднороден, и фактическая власть в их землячествах находится у национальной капиталистической верхушки, и внутри этой замкнутой группы также существует социальное неравенство.

ТАИТИ В НАСТОЯЩЕМ

Таитянские друзья оказались правы: наш визит на Таити действительно совпал с переломным моментом в жизни острова.

На искусственно созданный аэродром на коралловом рифе у мыса Фаа весной 1961 года опустился первый четырехмоторный пассажирский лайнер, высадив на легендарный остров первую рать американских туристов и приблизив сразу далекий остров к западному цивилизованному миру. Второе событие произошло в конце того же года, когда воздушные лайнеры доставили из Лос-Анджелеса целую армаду американцев — многочисленную киносьемочную группу голливудской фирмы «Метро-Голдвин-Майер», а на рейде Папеезе появился стройный трехмачтовый корабль — точная копия мятежного брига «Баунти». Больше года здесь шла съемка фильма, воссоздающего историю бунта в Южных морях экипажа корабля королевского флота Великобритании.

С воздушными лайнерами один за другим прибывали из США пассажиры с туго набитыми кошельками — ловкие и предприимчивые дельцы, почуявшие благодатную возможность прибыльно вложить свои капиталы в туристскую индустрию, и в первую очередь в строительство гостиниц и увеселительных заведений.

В 60—70-х годах усилилась милитаризация Таити: туда была переброшена из Африки часть пресловутого «иностранный легиона» после провозглашения независимости Алжира, а затем создан крупный центр по организации испытаний ядерного оружия.

Что же представляют собой современный остров Таити и его столица Папеезе? Изменился внешний вид города. Среди малоэтажных домов колониального типа из дерева и вулканического туфа выросли ультрасовременные здания из бетона, стали и стекла. В них размещены банки, деловые конторы, торговые и строительные фирмы. Правда, строители новых гостиниц стараются придать своим зданиям национальный колорит — это делается для привлечения туристов. Туризм стал основой экономики Таити. Об этом свидетельствуют прежде всего развитие авиационного транспорта и строительство гостиниц. Насыпной

аэродром у мыса Фаа превратился в крупный международный аэропорт. Из Таити семью международными компаниями проложены регулярные авиалинии в Европу и США, Австралию и Новую Зеландию, страны Латинской Америки, Канаду и Мексику, Гонолулу, Паго-Паго и Фиджи и ряд других островов Тихого океана.

Туристский бизнес протянул свои щупальца и на другие острова Общества, жившие совсем недавно каждый в своем изолированном мирке. Теперь туда проложены регулярные воздушные и морские линии, построены гостиницы и рестораны, спортивные станции, оборудованы пляжи. Первым попал в сферу туристского бизнеса ближайший к Таити остров — Моореа, некогда изолированное прибежище свергнутой таитянской королевы Помаре IV. Катером можно добраться туда через пролив за 90 минут, а самолеты летят всего 7—10 минут. Сейчас на этом острове имеется 9 гостиниц и 6 ресторанов, отделения трех банков, расчищено и благоустроено 5 пляжей, организована морская спортивная станция — и все это при населении острова 4850 человек.

Между Папэте и островом Моореа проложен постоянно действующий «воздушный мост», по которому совершают полеты самолеты «Эйр-Таити» через каждые 15 минут, а «Эйр-Полинезии» — каждые 30 минут ежедневно с 6 часов до 18 часов 30 минут: 150 рейсов в день в оба конца! Кроме того, четыре морских судна совершают еженедельно из Папэте в Моореа 35 рейсов. Можно представить себе, сколько тысяч туристов совершают туда свои набег и как пагубно отражается это на экологии природной среды острова.

Подобная реконструкция произошла и на более отдаленном острове Бора-Бора, славящемся своими живописными холмами и красотой таитянок. Хотя добираться до него несколько дольше — самолет летит туда около часа, но этот модный курорт привлекает к себе еженедельно также тысячи гостей. К их услугам отели, пляжи, яхт-клуб, морские спортивные станции, банки — все это тоже при населении острова чуть более 2500 жителей.

В курорты превращены также острова Хуахине (расстояние от Папэте 140 км), Ракатеа, Тахае, Мауати. Одним словом, туристский бизнес за эти годы прочно закрепился на всех островах архипелага Общества. Больше того, его щупальца дотянулись и до более отдаленных островов, и прежде всего до архипелага Туамоту, за 300—600 км от Таити, избрав исходным плацдармом главный атолл архипелага Рангироа: там уже построены туристские гостиницы бунгало с пляжами, организованы для гостей водный и рыболовный спорт.

Этот архипелаг физико-географы относят к категории «низких» островов, так как он состоит из имеющих названия 78 коралловых атоллов, не считая безымянных островков и коралло-

вых рифов. Туристам предлагают посетить по меньшей мере 12 атоллов, где их соблазняют богатой рыбной ловлей.

В жестокой конкурентной борьбе воздушный транспорт, как и на Гавайях, нанес сокрушительное поражение водному. Морские пассажирские лайнеры стали редкими гостями в порту Папее, и, хотя на Таити существуют четыре морские компании, они владеют преимущественно малотоннажными судами двух назначений: во-первых, обслуживать гостей, совершать с ними межостровные туристские рейсы или увеселительные прогулки в заливе (для этого имеются специальные катера со стеклянным дном, и пассажиры могут любоваться поистине сказочно-прекрасными картинами морского дна, особенно в районе коралловых рифов); во-вторых, совершать грузопассажирские рейсы между островами Французской Полинезии, завозить на них продовольствие и товары первой необходимости и вывозить в Папее сдаваемую островитянами копру и дары моря.

В деловой жизни Таити все больше доминирует сфера туристского бизнеса. Достаточно только перечислить, что в таком небольшом городе, как Папее с населением 35 тыс. жителей, находится 19 гостиниц с числом около 2000 номеров, 30 ресторанов, 13 загородных ресторанов, не считая еще двух десятков кафе, баров и чайных домиков. Конечно, это не для жителей города, а для его заокеанских гостей. К их услугам также девятнадцать клубов, пять рыболовных спортивных баз, два яхт-клуба, база водного спорта и теннисные корты, площадки для игры в гольф, десятки лошадей для верховой езды. Для любителей ночных развлечений открыты двери восьми ночных клубов. Туристов обслуживают на Таити двенадцать бюро путешествий, восемь компаний автосервиса, они могут потратить свои доллары или франки в десяти больших магазинах, не считая мелких сувенирных лавочек, к их услугам шесть банков помимо их филиалов в гостиницах. Почтовый офис может связать их по телефону с городами Франции, США, Австралии, Новой Зеландии, островами Океании. Сюда следует добавить две государственные больницы, две частные клиники и шесть аптек.

Таити стал модным курортом мирового значения. Местная курортная газета «Кокосовая пальма» пестрит фотографиями голливудских звезд и американских multimillionеров, приехавших поразвлечься на прославленный остров. А развлечений здесь не перечесть. Достаточно сказать, что в календаре Таити 1977 года значилось 22 фестиваля и праздника. Здесь и церковные праздники, оставленные в наследство миссионерами, но главное — это фестивали, балы и карнавалы в масштабе не только острова, но и всего архипелага. Здесь и несколько праздников цветов, балы в честь выставки старинной таитянской одежды и таитянских шляп, фестиваль «Женщина и цветок»,

выборы мисс Тахити, мисс Тиураи, мисс Моореа, избрание и коронация на год «королевы», ночь гитары, карнавал в китайский Новый год, встреча католического Нового года. Но самым главным является национальный праздник Франции «день Бастилии»: он начинается 14 июля и длится целых две недели. Круглыми сутками звучит музыка, грохочут барабаны, а таитянки в национальной одежде лихо отплясывают на полянах, пляжах, площадях города и перед отелями зажигательную таитянскую хулу. Этнографы говорят, что таитяне так любят этот праздник не потому, что они знают историю Великой французской революции, а потому, что эта дата по времени совпадает с их древним языческим праздником.

Такова сейчас внешняя, показная жизнь Таити, и управляют ею искусные дирижеры, главная цель которых — выкачать как можно больше денег из карманов туристов.

То, что Таити стал значительным международным курортным центром, видно из того, что в Папеезе аккредитовано десять консулов из различных стран, даже таких, как Австрия, Бельгия, Финляндия. Консульские функции США, Японии, Австралии и Новой Зеландии выполняют представители их международных авиакомпаний. Просматривая список консулов, я неожиданно прочитал знакомую фамилию: «Консул Швеции — мсье Б. Даниельссон». Значит, вернулся во вновь обретенный свой рай беспокойный исследователь Полинезии. Лет десять назад Бенгт покинул Таити и уехал на родину. Он говорил тогда, что хочет навсегда поселиться в Швеции и отдать на пользу страны свои знания ученого, свой опыт исследователя, свои полинезийские коллекции. Он был встречен с почетом и получил должность директора Этнографического музея в Стокгольме. У него были обширные и далеко идущие планы — провести коренную реорганизацию музея и сделать его учреждением мирового значения. Но планы его хотя и были одобрены, но, когда он приступил к их реализации, они не встретили должной ни материальной, ни моральной поддержки. На этом посту Даниельссон пробыл года три. Видя крушение своих планов (в это время его постигло еще и тяжелое горе — смерть любимой дочери) и невозможность осуществить задуманное, Даниельссон покинул Швецию, порвал связи с друзьями и уехал в неизвестном направлении. И вот, оказывается, он вернулся на свой любимый остров, в свой бунгало под сенью стройных пальм на берегу залива и вновь принял на себя обязанности консула Королевства Швеции — он выполнял их и до своего отъезда из Таити в Европу.

В процессах урбанизации и развития туристской индустрии на Таити мы можем найти много общего с Гавайскими островами, разница только в масштабах. Так, общая площадь Гавайского архипелага составляет 16 700 квадратных километров, ар-

хипелага Общества — 1647 квадратных километров, численность населения — соответственно 886,6 и 114,0 тыс. жителей, из них на столичных островах живут: на Оаху — 705,4 тыс., или 80%, а на Таити — 95,0 тыс., или 83,3% населения архипелага. Соответственно растет и число туристов: так, Оаху в 1976 году посетило 3 220 тыс. туристов, Таити — около 100 тыс.

Урбанизация в наши дни стала характерной чертой экономической и социальной жизни Таити. Посмотрим, как выглядит динамика численности населения Французской Полинезии, если взять для сравнения два периода: переломный момент в жизни Таити и настоящее время:

Название архипелага	Число жителей (в тыс.)		
	1960 г.	1977 г.	±
Общества	62,3	114,0	+51,7
В том числе:			
о. Таити	40,8	95,0	+52,4
г. Папеезе	20,1	35,2	+15,1
Туамоту	9,7	8,0	—1,7
Маркизские острова	4,6	5,6	+1,0
Тубуаи	11,7	8,4	—3,3
Итого . . .	88,3	136,0	+47,7

Как видим, население острова Таити выросло более чем в два раза, но зато сократилось число жителей на других островах архипелага Общества, точно так же, как и на ближайших к Таити архипелагах Туамоту и Тубуаи. Население Таити выросло, во-первых, за счет притока жителей других островов, привлеченных возможностью иметь постоянные заработки на строительстве зданий и в сфере туристского сервиса; во-вторых, за счет деловых людей из Европы и Америки, ринувшихся на Таити за прибылями на туристском бизнесе. Изменился и национальный состав жителей Таити. Так, за эти же годы число европейцев и американцев выросло с 2 до 14%, а прослойка островитян сократилась на 11%.

Следует иметь в виду, что в составе населения Таити прослойка островитян хотя сократилась на 11%, но, правда, в абсолютных цифрах она выросла на 52 тыс. жителей. В результате здесь появилась новая социально-экономическая категория жителей — в подлинном смысле пролетариат, не имеющий собственности, живущий в наспех сколоченных бараках и лачугах с единственным источником к существованию — продажей своего

труда. Как с горечью отмечает один из исследователей Полинезии, на Таити раньше не было социальных барьеров, теперь они воздвигнуты.

Большие изменения внесли урбанизация и туризм в жизнь и быт таитян. Появились не только новые виды труда и источники заработка — таитяне приобщились к новым неизвестным им ранее житейским категориям. В домах появилась мебель, предметы европейского обихода, другая одежда... Когда прежде мы были на Таити, то могли прочесть в туристской рекламе: «Вы должны знать, что на Таити вы не найдете казино, гольфа или телевизора. Здесь нет неоновой подсветки реклам, а в большинстве таитянских домов все еще пользуются керосиновыми лампами...» Теперь это в прошлом. Туристы гоняют мячи на зеленых площадках для гольфа и спускают деньги в ночных клубах, вечерами над зданиями горят разноцветные огни реклам. Дома старожил-таитян освещаются электричеством, и во многих из них вечером светятся голубым огнем экраны телевизоров. Правда, все это относится к старожилам Таити, обладающим собственным домом и постоянным доходом, а не к тем новоселам, что приплыли с других островов и перебиваются случайными заработками и ютятся в жалких лачугах.

На Таити нет такой густой сети дорог, как, например, на острове Оаху. Главная магистраль опоясывает широкой асфальтированной лентой Таити-Нуи — ее длина 120 километров, есть от нее еще несколько коротких ответвлений в долины, да по побережью маленького Таити-Ити проложено около 50 километров дорог. Население острова сосредоточено в основном на узкой прибрежной полосе и коротких долинах — дальше не пускают крутые склоны гор. Поэтому стремительный рост числа автомашин стал там настоящим бедствием. В 1955 году на Таити было менее сотни автомашин, через пять лет число их достигло тысячи, еще через пять лет стало уже 22 тыс. Сейчас, видимо, это число удвоилось. Так можно представить себе, какие пробки создаются на узких улицах Папеезе и как загрязняется воздух и гибнет природа.

Как и на Гавайях, здесь урбанизация и туризм вызывают необратимые экологические процессы: нарушается вековое равновесие природной среды, уменьшаются ее ресурсы и исчезают многие представители местной флоры и фауны. Достаточно сказать, что увеличенный сброс в заливы городских отходов или даже небольшое засорение коралловых лагун вызывают в воде вредные для рыб и других морских организмов процессы гниения, а ведь лов рыбы — главный источник питания многих островитян.

В настоящее время туристская индустрия и сфера сервиса являются главным источником дохода на Таити и на ряде островов Французской Полинезии, львиная доля этих доходов оседает в

сейфах заокеанских монополий. А как обстоит дело с традиционными отраслями хозяйства? Доходы от них несравнимо меньше, и не они занимают доминирующее положение в экономической структуре.

Из публикаций 1977 года мы можем видеть, что за отчетный 1976 год было произведено * 19 505 тонн кокосового масла из копры и 6330 тонн брикетов копры из отходов производства масла для корма скоту. Копра — мягкая внутренняя оболочка ядра кокосового ореха — добывается и высушивается на месте и затем привозится на Таити на маслобойные заводы или экспортируется оттуда на заводы Самоа и Фиджи. Большинство пальмовых плантаций — искусственные посадки; они дают по 2 тонны копры с одного акра. Деревья плодоносят до возраста 50—60 лет, поэтому перед администрацией Таити стоит сейчас сложная и трудоемкая работа по омоложению кокосовых плантаций, так как большинство пальм Таити уже подошло к этому критическому возрасту.

Выращивание ванили — вторая по значимости сельскохозяйственная отрасль Таити. К товарным отраслям сельского хозяйства следует отнести также кофейные плантации. Фруктовые плантации немногочисленны, на них выращивают манго, апельсины, грейпфрут, ананасы и др. Их годовой сбор не более 70 тонн, что покрывает лишь частично растущую потребность острова-курорта в свежих фруктах.

А что же дает жителям Таити море? В здешних водах обилие рыбы, но точного учета вылова нет, так как островитяне занимаются преимущественно ловлей в пределах дневной потребности всей семьи, а профессиональные рыбаки, ведущие промысел с морских судов, продают свои уловы на рынке или поставляют в гостиницы и рестораны.

Моря, омывающие острова и атоллы Французской Полинезии, богаты рыбой, многие ее виды имеют промысловое значение: боинты, тунцы, акулы, черния и др.

Учено, что половина поступающей на рынок Папезте рыбы выловлена в водах архипелага Туамоту, а вторая половина — в водах островов Таити и Хуанинине.

Важной статьей дохода является добыча жемчужных раковин: в 1976 году их было добыто 22 тонны — основной промысел на архипелаге Туамоту. При этом жемчужины, они попадают довольно редко, являются побочным продуктом, а добываются сами раковины. Их промысел лимитирован строгими правилами:

---

* Здесь приводятся данные по всем островам Французской Полинезии, так как учет ведется суммарно по всем ее островам, а также нужно иметь в виду, что собираемая на островах продукция концентрируется в Папезте как главной торговой и промышленной базе.

ныряльщикам не разрешается пользоваться механическими приспособлениями и работать на глубинах более 30 метров. Ежегодно разрешается добывать раковины только на одном атолле, чтобы в остальных за эти годы могли нормально развиваться и расти популяции до промысловых размеров. Добытые жемчужные раковины после очистки от известкового нароста используют для перламутровых ювелирных и декоративных поделок. Но жемчуг все же кое-где добывается во Французской Полинезии, только выращивают его искусственно на плантациях, главным образом в атоллах архипелага Туамоту. Жемчужные плантации созданы совсем недавно.

Южные моря богаты различными раковинами — от маленьких пестрых каури до огромных коварных двустворчатых стронгусов. Их собирают со дна лагун и в прибрежных зонах и поставляют торговцам сувенирами.

Сельское хозяйство становится все более ненадежным, что, естественно, вызывает большую тревогу у островитян. Цены на копру постепенно падают, доход от кокосовых плантаций уменьшается. А теперь еще урбанизация и туризм вносят свои поправки, увлекают в города и поселки рабочие руки.

Тем, кто изъявил желание разводить плантации пальм, кофе, ванили, таро, овощей и фруктов, выдается субсидия, предоставляются льготы, они освобождаются первые годы от налогов. Тем не менее в списке импортируемых товаров наряду с машинами, нефтью и бензином, металлом и строительными материалами, телевизорами и электроприборами, текстилем и синтетикой фигурируют большие количества мяса, сыра, консервов, овощей и фруктов, доставляемых из Новой Зеландии, Австралии, США и даже из Японии. Как сообщают посетители Таити, ныне японские или американские консервы стали вытеснять из меню островитян их традиционную пищу, которую давали им всегда море и земля. Это еще один из атрибутов урбанизации.

Надо сказать, что администрация островов принимает возможные меры по охране зеленых насаждений, но это не всегда дает результаты, мешают два обстоятельства: во-первых, большое число частных владений; во-вторых, посетители острова. Оказывается, высокая и гордая кокосовая пальма имеет много врагов — от крыс и крабов до насекомых и микробов. От первых защищают оцинкованные кольца на стволах, со вторыми бороться труднее. Поэтому не случайно в Папéэте и других островных авиапортах у пассажиров, прибывающих с Фиджи, Самоа и других островов Океании, багаж на сутки помещают в камеры и производят окулирование, чтобы не занести с содержимым чемоданов каких-либо паразитов кокосовых пальм.

Этот далекий и таинственный экзотический остров, прославленный на весь мир мореплавателями, писателями и художника-

ми, как магнитом влечет к себе толпы людей. Многие рвутся туда с надеждой стать его постоянными жителями и обрести там земной рай. Вот это вынудило французские власти ввести очень строгие консульские и таможенные правила. Так, иммиграционными властями Французской Полинезии издан 20 сентября 1976 года документ за № 1193/ОДТ *, который начинается следующим предупреждением: «Все пассажиры, прибывающие во Французскую Полинезию (за исключением ее постоянных жителей), должны иметь обратный билет, или билет экскурсионного тура, или документ на обратный выезд, а в случае отсутствия таковых они должны внести залог в сумме стоимости обратного билета на самолет до места их выезда». Далее следует: «Таити является страной, куда запрещена иммиграция, и получить работу здесь чрезвычайно трудно. Приоритет в предоставлении работы дается местным жителям».

Несмотря на введенные ограничения, многие американцы и европейцы живут на Таити долгими месяцами и даже годами. Старая истина: нет правил без исключений. Мы уже говорили о праве губернатора продлевать сроки проживания на острове и о вступлении в брак для автоматического получения статуса постоянного жителя Таити. Правилами оговорен и этот вариант при соблюдении следующих условий: прожить во Французской Полинезии не менее месяца, иметь документ о рождении, быть незамужней или незамужней, разведенным или вдовым.

В то же время французские власти широко оповещают и приглашают иностранцев вкладывать свои капиталы в туризм, сельское хозяйство, рыболовство и другие отрасли, обещая большие прибыли, налоговые льготы и всяческое содействие в развитии частной инициативы или деятельности корпорации. Им гарантируется при этом беспрепятственный вывоз прибылей и капитала в метрополию и, как особо выгодное, пропагандируется вложение денег в строительство и эксплуатацию отелей.

Невольно напрашивается вопрос: а что будут иметь от этого жители Таити и Французский Полинезии? Об этом реклама умалчивает, но легко понять, что при такой поощрительной системе иностранных вложений капитала на месте останутся лишь крохи от их доходов, а все нажитое уплывет за границу.

Из чего же тогда складываются местные доходы? Прежде всего из туризма. Не владельцы гостиниц, а сами туристы уплачивают 4% налога от стоимости гостиничного номера. Поэтому, чем больше туристов, тем больше доходов поступает в казну. В доход государства поступают также налоги с импорта и коммерческих предприятий, таможенные сборы. Подоходного налога нет, и это с большой выгодой используют для себя различные дель-

---

* General information on Tahiti and her island. Papeete, 1977.

цы. Больше половины доходов государство забирает себе и переводит во Францию, а оставшаяся часть поступает в местный бюджет. Расходная часть бюджета складывается из затрат на образование, здравоохранение, содержание администрации, общественные работы и социальные нужды.

Во Французской Полинезии введено бесплатное обязательное начальное образование для детей до 14 лет. Все официальные документы издаются только на французском языке. Подобно тому, как гавайцы совсем перешли на английский язык, та же участь ожидает в скором времени и их таитянских братьев. Собственно, на Таити в обиходе главенствуют два языка: французский — в официальных сношениях и быту и английский — в деловой жизни, особенно в сфере туризма.

На фоне буйно-веселой курортной жизни Таити остается в тени научная, культурная и просветительская деятельность. В Папеезе есть несколько учреждений науки и культуры, существует и работает небольшая прослойка интеллигенции, в основном французы.

В Папеезе имеется четыре картинные галереи, где представлено древнее и современное искусство разного художественного достоинства. Так, например, в галерее Ноа-Ноа экспонируется восточная живопись, а в галерее Жан-Жака Лорента — первобытное искусство Южных морей. Здесь собраны маски, статуэтки, одежда, оружие, каноз, тапа и разные ручные изделия народов Таити, Маркизского архипелага, Новой Гвинеи, Тонга, Соломоновых и других островов Океании.

Из трех музеев Таити два находятся за городом. Это Музей открытый на мысе Венеры (он знакомит с историей первых посещений земли таитян европейцами) и Музей Гогена в долине Папеари, близ ботанического сада, в 55 км от Папеезы. Экспозиции рассказывают о таитянском периоде жизни знаменитого художника, но представлены только копиями его картин. Но самый значительный — Музей Папеезы, расположенный в центре города: его деятельность далеко выходит за рамки чисто музейных функций, по существу это главный научно-культурный центр Французской Полинезии. При этом музее уже давно существует Общество по изучению Океании, его возглавляет президент общества историк и этнограф Пауль Мортган, в составе совета общества 12 научных работников — энтузиастов изучения Тихого океана и его островов. Общество выпускает ежемесячные бюллетени, освещающие различные аспекты истории, географии, этнографии, археологии, культуры и быта населения Полинезии. Мы уже упоминали о демографическом обзоре динамики населения Таити М. Лориша, опубликованном в июньском номере 1977 года. Там же напечатана статья Пауля Ретарда о путях распространения по островам Полинезии хлебного дерева и его ботаническая

характеристика, а член общества М. Д. Чоффат опубликовал статью о посещении Папезте испанским флотом в 1866 году.

В сентябрьском номере бюллетеня за 1977 год помещен ряд исторических статей, в них видное место отведено дискуссии между Робертом Лангдоном и Бенгтом Даниельссоном о влиянии европейцев, в частности испанцев, на формирование современной полинезийской нации. Историков заинтересует также статья Пьера Лагайетта об агрессии династии Помаре и узурпации его королевской власти в XVIII веке, перед вторжением на Таити европейских завоевателей.

Я привел эти примеры, чтобы показать, что на Таити не все поглотил жадный туристский бизнес и что есть там небольшие изолированные ячейки науки и культуры и работают в них люди, стоящие в стороне от бизнеса.

На Таити нет университета, но есть несколько государственных и частных колледжей — сельскохозяйственный, медицинский, инженерный; они готовят специалистов узкого профиля для местных нужд. В последние годы получили развитие специализированные средние школы, готовящие учителей, медсестер, механиков, электриков, служащих гостиниц. Правительство поощряет образование, студенты получают стипендии от государства или частных благотворительных фондов и от религиозных обществ. Льготы получают в первую очередь учащиеся-полинезийцы.

Коренные жители Таити были опытными моряками, их мореходное искусство и познания в океанографии, астрономии и навигации вызывают восхищение у исследователей. Но история современного Таити также связана с несколькими знаменитыми океанскими плаваниями.

Каждый вечер, когда солнце скрывается в синих водах океана, окончив свой беспокойный трудовой день, выходит из своего офиса, что возле аэровокзала на косе Фааа, высокий статный 45-летний француз и, прежде чем сесть в свой «пежо», устремляется на несколько минут взор туда, где над четкой линией горизонта разгораются краски вечерней зари. Сброшен с плеч груз забот беспокойного дня, прочь из головы все мысли о делах. Его здесь все хорошо знают, ибо живет он на Таити уже почти три десятка лет. Это мосье Мишель Брэн, главный распорядитель туристской фирмы «Тахити эйр тур сервис». Но не из-за этой должности он вошел в историю Таити.

Мишель Брэн — участник знаменитого плавания Эрика Бишопы на плоту «Таити-Нуи» в 1958 году от острова Таити до берегов Южной Америки. Тогда он был молодым морским штурманом и с энтузиазмом включился в опасное предприятие французского мореплавателя, стремившегося на практике доказать возможность плаваний древних полинезийцев со своих островов к южно-американским берегам. И доказал, но заплатил за это своей жиз-

нию в конце путешествия. Об этом героическом и трагическом рейсе М. Брэн написал увлекательную книгу. Он автор еще нескольких книг о Полинезии. И хотя по должности своей ему приходится организовывать бесчисленное число воздушных туристских рейсов по островам ближайших архипелагов, в душе он остался моряком и все свободное от работы время отдает морю. Сейчас он один из лучших знатоков истории и материальной культуры таитян.

Хотя ушел в далекое прошлое тяжкий гнет, наложенный на таитян миссионерами, все же и сейчас влияние церкви здесь еще достаточно сильное, и священнослужители воздействуют на души островитян уже другими методами. Достаточно сказать, что в таком небольшом городе, как Папэте, действуют девять церквей, принадлежащих шести христианским течениям и сектам. Церкви содержат школы и интернаты, организуют фестивали, ведут благотворительную работу — словом, используют все доступные им рычаги морального и материального воздействия на островитян, особенно на молодежь. Эта их деятельность проходит в условиях острой конкурентной борьбы церквей разных религий.

Подобно тому как не рекламируется милитаризм на Гавайских островах, так и об острове Таити в справочниках и туристских проспектах обходится молчанием одна очень важная новая сфера деятельности на нем человека. Речь идет о расположенном на Таити Центре управления ядерными испытаниями и о большой серии атомных взрывов в атмосфере, произведенных над островами Французской Полинезии. Над атоллom Муруроа было произведено 50 атомных взрывов, а его жителей насильственно предварительно переселили с земли предков на Таити.

Когда начались ядерные взрывы, то на ближайших островах Океании прокатилась волна демонстраций и протестов. Французские власти постарались внести успокоение, заявив, что вознижающая от этих взрывов степень радиации не опасна для здоровья жителей островов. В ответ на это премьер-министр Фиджи весьма резонно заметил: «Если они так безопасны, почему бы не проводить их в Средиземном море?» Тем не менее протесты общественности достигли частично цели: президент Франции распорядился все ядерные испытания, начиная с 1975 года, проводить под землей. Морской порт Папэте является главной тихоокеанской базой военно-морского флота Франции, а на ряде островов и атоллов, как, например, на атолле Рангироа, построены военные базы (сейсмические и радарные станции по наблюдению за ядерными взрывами).

История Таити и всей Французской Полинезии типична для Океании. В XVI и XVIII веках — «открытие» европейцами этого острова, уже заселенного народом со сложившимися в течение веков языком, обычаями, ремеслом, культурой и религией. Затем

нашествие миссионеров и «белой накипи» Южных морей, насильственное уничтожение вековой культуры и истребление значительной части населения. Потом появление колонизаторов, визиты военных кораблей и в 1842 г. — навязанный протекторат Франции, а с 1880 г. — «добровольное» отречение последнего короля Таити Помаре V и официальное объявление Таити и четырех ближайших архипелагов колонией, получившей в 1957 году наименование «Заокеанская территория Французской Республики Французская Полинезия». После второй мировой войны под влиянием освободительного движения народов Океании власти Франции вынуждены были пойти на некоторые уступки и дать народам этой территории призрачное самоуправление, но не автономию. Таитянам предоставлено избирательное право, они участвуют в выборах в Законодательное собрание Франции и Территориальную ассамблею. Орган местного самоуправления — Территориальная ассамблея состоит из 30 членов, избираемых голосованием жителей островов Французской Полинезии через каждые 5 лет. Во главе ассамблеи стоит Совет из 5 советников, который вместе с генеральным секретарем и губернатором образуют правительство Территории. В Париже Французская Полинезия представлена одним депутатом, сенатором и двумя членами Экономического и Социального советов.

Глубоко ошибочно считать, что таитянский народ покорился своей судьбе и живет заботами о настоящем, не помышляя о будущем. Таитяне глубоко сознают, что их прекрасный остров — только колония, а они — подданные далекой и чужой заокеанской державы. Хотя им предоставлено самоуправление, но права их урезаны, они могут выносить лишь рекомендации, а право решения принадлежит губернатору. Среди передовой части таитян давно зреет протест против колониализма и уже сделаны первые шаги в борьбе с ним. Так, в 1958 году под давлением движения за самостоятельность в Таити был проведен плебесцит, незначительным большинством победили сторонники колониализма, а руководитель движения за отделение от Франции Поуванаа Оора был осужден и отправлен отбывать тюремное заключение во Францию, где вскоре и умер. Но это только на время ослабило национально-освободительную борьбу. Ныне, когда в сковавшей народы Южных морей цепи колониализма уже разорвано несколько звеньев и на карте Океании появилось несколько суверенных государств, таитяне на примере братских народов видят, каким путем надо идти, чтобы добиться национального освобождения.

ДЕНЬ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

Экспедиционное судно «Дмитрий Менделеев» медленно продвигалось на юг по безлюдной океанской пустыне. Наш маршрут проложен от берегов Калифорнии до острова Пасхи. Только два советских корабля посетили этот остров за все время: флагман антарктической экспедиции дизель-электроход «Обь» в 1958 году да немагнитная шхуна «Заря» в 1963 году.

Ни один из островов Мирового океана не привлекает к себе такого внимания, как этот небольшой осколок суши, затерянный в Тихом океане за южным тропиком. На четыре с половиной тысячи километров, до самой ледяной Антарктиды, простираются к югу за ним только океан, только вода и небо... А его многочисленные названия? Для всех полинезийцев он известен как Рапа-Нуи. Его называют также Те-Пито-но-те-Хенуа, что в переводе означает «пуп земли». Или загадочное Матакитораңги, что переводится как «глаза, смотрящие в небо». И еще больше названий дано ему нашими современниками: Остров Одиночества... Остров Безмолвия.... Остров Великанов... Загадочный остров... Остров Молчания... Таинственный остров...

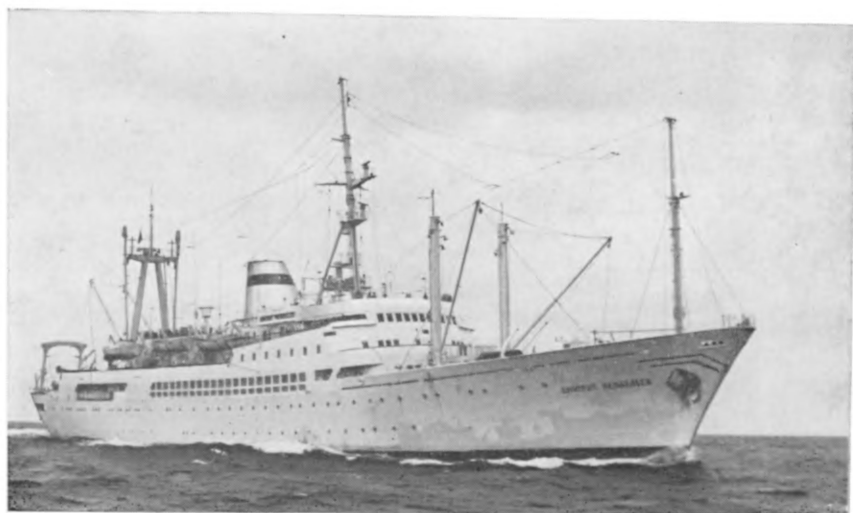
Тех, кто прочитал об этом острове книги Тура Хейердала или Франсиса Мазьера, невольно охватывает страстное желание своими глазами увидеть этот удивительный одинокий остров, «мир страстной мечты и мир первой любви», как назвал его Ф. Мазьер.

Из Международного метеорологического центра южного полушария в Мельбурне пришла радиограмма с неутешительным прогнозом: в районе острова Пасхи ожидаются сильные ветры, лив-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

На вклейке фото Е. М. Сузюмова

«Дмитрий Менделеев»

**Остров Гавайи,
на переднем плане вулкан Килауеа**

Кипящий кратер вулкана Килауеа

На Гавайских островах

Уголок Полинезии

Остров Нука-Хива, вход в бухту

Остров Нука-Хива

Город Папее́те

На улице города Папее́те

Истуканы острова Пасхи

На острове Таити

Остров Норфолк

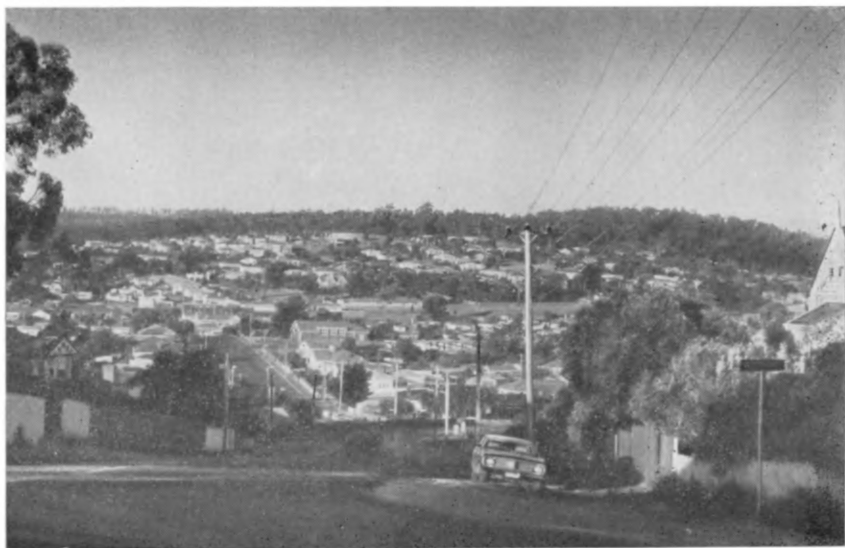
Участники экспедиции на острове Маккуори

Впереди Хобарт

Окраина города Хобарта

невый дождь, штормующий океан. Для захода на него время выбрано очень неудачное: в южном полушарии разгар зимы, а в логии написано, что в зимние месяцы на острове Пасхи сезон сильных дождей и холодных ветров.

Начальник экспедиции А. П. Лисицын и капитан А. С. Свитайло внимательно изучают синоптические карты, принесенные синоптиком экспедиции И. Т. Иваткиной. В эти дни Инна Тимофеевна стала на судне самым популярным человеком и ответственностью, о

— Анализируя последние синоптические карты, я считаю, что погода все же будет благоприятной...

Раздаются первые возгласы удивления: впереди далекий берег бухты окаймлен цепочками сверкающих голубых огней — полное впечатление, что подходим к большому городу.

Теперь уже хорошо можно рассмотреть с близкого расстояния весь остров. С левого борта тянется буро-зеленая всхолмленная громада с выступающими вдали пологими конусами вулканов. Обнаженные лавовые берега обрывисты и неприступны. Судно стоит на якоре перед входом в широкую и не защищенную от океана бухту Ханга-Роа. Подступы к ней преграждают грозные рифы из черных базальтов. Океанские волны одна за другой накатываются на рифы, яростно обрушиваются на каменные преграды и взвиваются вверх вспененными белыми вихрями. По берегу бух-

ты рассыпаны маленькие цветные домики, окруженные зеленью, и среди них дальше от берега вырисовывается устремленный к небу белый шпиль колокольни костела. Теперь при свете наступившего дня поселок уже не кажется большим, как это было ночью при игре электрических огней.

Остров Пасхи лежит в середине огромной подводной горной страны — Восточно-Тихоокеанского поднятия, простирающегося от экватора до Антарктиды. Поверхность его покрыта множеством скрытых под водой больших и малых вулканов, и лишь самая высокая его часть — остров Пасхи — поднимается над поверхностью океана. Собственно, это не один, а три вулкана, расположенных по углам острова (остров имеет форму гармоничного треугольника со сторонами 24, 18 и 16 км). Самые большие вулканы занимают северо-западный угол, называются они Рано-Арои и Теравака. Склоны Теравака покрыты более мелкими вулканами, а главная вершина возвышается на 600 метров над уровнем моря. Восточный угол занят полуостровом Поике с вулканом Катики высотой 400 метров, а юго-западный угол острова — вулканом Рано-Кау — 410 метров. Внутренняя часть острова, расположенная между вулканами, — равнина, образованная лавовыми полями, сложенными из базальтов и туфа. Равнина прорезана большим числом (свыше 20) небольших вулканов и паразитическими конусами. Остров небольшой — всего 118 квадратных километров.

Те, кому довелось плавать в океане, хорошо знают волнующее чувство, возникающее при подходе к земле и от предвкушения высадки на берег. Три недели назад судно вышло из порта Кальяо и бороздило пустынный океан. За 21 день ни одного встречного или попутного судна, ни одного клочка земли — только голубое небо и синий океан, серебристые брызги маленьких крылатых летучек из-под корпуса корабля да молчаливые буревестники, изредка в гордом одиночестве парящие вокруг судна. А тут перед нами открылась не просто земля, а окутанный тайнами одинокий, рожденный вулканами остров.

Вдруг новый, страшно знакомый звук коснулся ушей: неужели шум авиационных моторов? Над бухтой совершает плавный круг серебристая птица, ярко блестящая в лучах восходящего солнца. Затем, отойдя в океан, она плавно снижается и заходит на посадку. Еще несколько мгновений — и самолет, кажущийся издали игрушечным, уже катится по земле, мелькая среди деревьев и домиков. Это второе вторжение цивилизации в мир острова Пасхи, совершаемое на наших глазах.

Напрасно вахтенный штурман всматривается через бинокль в берега. В бухте никакого движения: никто не спешит на судно, чтобы оформить приход (это уже третья новость: высадка на остров Пасхи оформляется теперь по всем правилам захода в

иностранные порты). Видимо, темпы жизни здесь такие, что спешить не принято.

Наконец катер доставляет «властей».

Через два часа оформление закончено, бумаги подписаны, визы на все 160 паспортов поставлены, и теперь наконец можно отправляться на остров.

Нам необыкновенно повезло. В природе наступило кратковременное затишье. Более точным оказался прогноз не Международного метеорологического центра, а нашей скромной синоптики Инны Тимофеевны Иваткиной. Остров гасил порывы юго-восточного ветра, под защитой высоких берегов океан смирял свою бурную страсть, и набегавшие укрощенные волны уже не были такими грозными. К тому же не было и обещанного дождя, а солнце, поднявшееся из-за купола вулкана Рано-Кау, успешно боролось с набегавшими небольшими и совсем не страшными тучками. Да, действительно это была улыбка судьбы, неожиданный дар суrowsой зимней Пацифики, когда несущиеся из холодной Антарктики циклоны вдруг замедляют свой бег и дарят природе и людям короткие затишья. В такую короткую передышку и попали мы на остров Пасхи.

«Дмитрий Менделеев» пришел сюда в юбилейную дату: 250 лет назад, в канун христианского праздника пасхи 1722 года, с кораблей голландской эскадры, шедшей под командованием адмирала Якоба Роггевена, был открыт для европейцев и положен на карту полинезийский остров Рапа-Нуи, названный голландцами островом Пасхи. Два с половиной столетия известен этот остров цивилизованному миру, и до сих пор никто еще не смог раскрыть для человечества тайны, что хранят сомкнутые уста его каменных истуканов. Англичанка Кэтрин Раутленд, французы Альфред Метро и Франсис Мазьер, норвежец Тур Хейердал и другие исследователи тщетно пытались раскрыть тайну острова. Многие им удалось узнать: это были лишь осколки, по которым можно было строить смелые гипотезы и предположения, и только. Даже знаменитый пастор Себастьян Энглерт, проживший среди рапануанцев больше 30 лет и в совершенстве изучивший их язык и обычаи, мог рассказать только о том, что он видел и слышал, и ему не удалось проникнуть дальше других в тайны острова Пасхи.

Наши пожелания куда скромнее: ступить ногами на легендарный остров, увидеть собственными глазами то, что наши современники относят к восьмому чуду света, и посмотреть заодно, какие перемены произошли на острове за последние годы.

Одна за другой отходят от борта шлюпки с людьми. В первых — геологи с рюкзаками и геологическими молотками: они должны пройти маршрутами по острову и собрать геологические образцы.

Площадка перед шлюпочной пристанью заполнена разноцветной толпой. Оказывается, мы попали на остров в самый оживленный день: во-первых, прилет самолета и новая группа туристов; во-вторых, заход чилийской парусной шхуны «Эсмеральда», которая только один раз в году приходит сюда из порта Вальпараисо, и, в-третьих, приход советского экспедиционного судна, что было последнее время раз в десять лет.

На площадке у причала импровизированный базар. На землю разложены предметы ручного труда рапануанцев: искусно вырезанные из дерева и выточенные из камня фигурки и бюсты персонажей островных легенд и не менее искусные ожерелья из раковин. Только здесь, на острове Пасхи, в прибрежных камнях живут особого вида маленькие ракушки «каури драконис» — предмет зависти и восхищения коллекционеров. Из этих «каури драконис» и других ракушек сделаны изящные ожерелья. Торговлю ведут преимущественно пожилые рапануанцы — мужчины и женщины. Здесь же толпится много нарядно одетой молодежи — они пришли посмотреть на гостей, себя показать, потолкаться в веселой базарной суете, какая бывает здесь не часто.

Рядом с рыночной площадкой стоят, понунив голову, десятка полтора оседланных лошадей. Островитяне предлагают их заезжим гостям: за десять долларов можно хоть целый день кататься верхом по острову.

— А вот 14 лет назад, когда сюда заходила «Обь», островитяне предлагали гостям лошадей бесплатно, — замечает участник нашей экспедиции А. В. Живаго.

Прежде всего надо решить проблему транспорта. Конечно, лучше всего путешествовать пешком, но мы лимитированы временем. По рассказам наших товарищей, 14 лет назад на острове было всего три «джипа»: один принадлежал Хейердалу и был оставлен им пастору Себастьяну, хозяином другого был директор овцеводческого хозяйства, а третьего — администратор острова. Теперь же возле базара стоят десятка два автомашин нескольких марок и разной степени изношенности. В большинстве своем это открытые микроавтобусы с двумя параллельными сиденьями вдоль бортов на 10—15 человек и натянутым над головой брезентовым тентом. Эти машины для гостей. А для островитян?

Цивилизация еще не внесла технической революции в их транспорт. По-прежнему основным средством передвижения для них остается верховая лошадь. На лошадях гарцуют мужчины и женщины, старые и молодые, и даже маленькие дети. Нередко можно встретить на лошади двух седоков — родителей с детьми, молодую пару. За весь день мы видели на острове только один раз велосипед. Здесь нет комфортабельных легковых лимузинов, как на других островах Тихого океана. На стоянке несколько

«джипов» — и водитель каждого обязательно расскажет, что именно эту машину оставил на острове Тур Хейердал.

Наша цель — восточная часть острова — вулкан Рано-Параку. Дорога довольно широкая и удобная, расчищена и выровнена грейдером, каменистая лавовая поверхность ее кое-где покрыта красноватой пылью. Дорога проходит по краю южного берега. Берег обрывист и сложен из хаотически нагроможденных глыб черных базальтов — застывшей лавы, некогда извергнутой вулканами из недр земли. О неприступные мрачные скалы гневно бьются океанские волны. Как похожи эти нагромождения базальта на берега Галапагосских островов, где мы побывали незадолго до этого. На ровных участках берега виднеются площадки со следами разрушенных погребальных платформ — аху. На некоторых из них лежат бесформенные серо-бурые каменные глыбы. Это же знаменитые пасхальные истуканы, вернее, то, что от них осталось. Некоторые без голов, у других расколото туловище. Они лежат по одному, по два возле остатков погребальных террас, поверженные наземь, никому не нужные. Разрушение, начатое человеческими руками, довершают сейчас дожди и солнце. Лишь возле немногих лежат цилиндрические глыбы из красного туфа — остатки головных уборов, некогда украшавших головы истуканов, стоявших на этих аху. В отдельных местах только по беспорядочным каменным обломкам да поваленным и разбитым статуям можно заключить, что когда-то здесь находилась рапануанская деревня.

Слева от дороги тянется вулканическое плато — буро-зеленая равнина, перегороженная каменными и проволочными изгородями. Она уже много десятилетий принадлежит овцам. В конце прошлого столетия правительство Чили сдало остров в аренду британской скотоводческой компании «Вильямс и Бальфур». Овцы стали бичом и наказанием для острова. Они уничтожили зеленую растительность, вытоптали землю. Позже часть пастбищ отрезал для себя военно-морской флот Чили и тоже обзавелся овцеводческой фермой. Теперь в загородках пасутся овцы двух категорий: «военно-морские» и «гражданские», ничем другим, кроме названия, они не отличаются друг от друга. В некоторых загородках пасутся стада коров и телят. Нам рассказали, что на острове сейчас около 50 тыс. овец и 1000 голов крупного рогатого скота. Вот кто настоящие хозяева острова Пасхи. Но доходы от животноводства уплывают за океан, не оставляя коренным жителям Рапа-Нуи ничего, кроме небольшого количества отбракованного мяса. В центре острова виднеется зеленый оазис — эвкалиптовая роща и близ нее одинокий дом управляющего овцеводством.

Подъезжаем ближе к вулкану Рано-Параку, уже хорошо видны на его ближайшем склоне какие-то темные пятна. Это камен-

ные статуи. Их много — цепочкой они выстроились на склоне горы.

Оставляем машину и начинаем пеший маршрут по западному склону вулкана. Теперь мы совсем рядом с истуканами и можем рассматривать их вплотную. Перед нами десятки однообразных темно-серых или буро-серых каменных статуй с большими обнаженными головами. Обычные пропорции человеческого тела нарушены: голова составляет примерно $\frac{2}{5}$ всей фигуры, но у многих статуй туловище вросло в землю и высится только одна голова. Истуканы стоят в определенном порядке, глаза их устремлены в разные точки, каждый истукан смотрит в ту сторону, над которой простирается его власть.

Лица всех истуканов схожи. Глубоко запавшие глазницы, придающие особую строгость взгляду, прямой длинный нос, презрительно сжатые тонкие губы, удлинённый острый подбородок и длинные узкие уши, свисающие до уровня рта. Вот она перед нами, главная загадка острова Пасхи. Кто расставил их по склону горы? Кто служил прообразом для этих надменных властителей острова? Как передвигались эти многотонные громады за многие километры на различные участки острова? И наконец, кто были те талантливые скульпторы, создавшие в эпоху каменного века с помощью только базальтовых топоров такие монументальные изваяния из вулканического туфа? Какая трагедия или катастрофа заставила этих людей внезапно прекратить работы над десятками новых истуканов и исчезнуть бесследно?

Загадки, загадки, загадки... Гипотезы, предположения, домыслы... Где же лежит путь к разгадке главной тайны острова?

Подымаемся все выше по наружному довольно крутому склону горы, взбираемся по порослям жесткой травы и каменным обнажениям. Нога в легких кедах находит опору на травяных кочках или неровностях каменных пород. Мы подошли к мастерским каменных истуканов. Одна, другая, третья... их много здесь. Обрывистый каменный карьер из темно-серого туфа. В его нишах десятки статуй в разной стадии готовности. Все статуи высекаются в лежащем положении. Контуры некоторых едва намечены, другие высечены наполовину, третьи почти готовы, горная порода вокруг них почти вырублена, еще немного работы — и статуя отделится от материнской породы. Тогда начнется новый этап — спуск и установка статуи в вертикальном положении на склоне горы.

Поднимаемся до вершины горы. Под ногами отвесный обрыв на несколько десятков метров. Когда-то отсюда древние полинезийцы сбрасывали в пропасть своих пленных врагов.

Отступив назад, с трудом спускаемся несколько ниже, переваливаем через невысокий гребень — и перед глазами кратер вулкана Рано-Параку. На дне его озеро. Его зеркало кажется

удивительно чистым и светлым, вода бирюзовой голубизны от отраженного в ней ясного голубого неба. Берега густо поросли камышом. Над озером возвышается овал амфитеатра внутренней стены кратера вулкана. Внутренние склоны кратера на самом верху заняты в изобилии нишами с начатыми истуканами, а несколько ниже их, на среднем уровне склона, стоит больше десятка каменных статуй. И здесь они тоже выросли в покрытую редкой травой и лавовым щебнем землю, устремив свои молчаливые взоры к океану. Также плотно и презрительно сомкнуты тонкие губы, храня великую тайну острова. Здешние статуи отделаны более грубо, чем на наружном склоне горы, и, видимо, рождение их произошло в другие времена.

В обрывистых стенах лавовых карьеров и темных нишах, что служили когда-то мастерскими для неизвестных «каменных дел мастеров», около 80 изваяний в различной степени готовности. По свидетельству исследователей острова Пасхи, только на склонах вулкана Рано-Параку обнаружено 276 каменных великанов и примерно столько же лежит погребенных в земле и ждет своего освобождения. Каждая статуя занумерована белой краской — это сделал заботливый пастор Себастьян.

На этой бедной каменной земле вулканические озера — основные источники пресной воды. В восточной стороне кратера прорыт довольно широкий проход. Через него удобный выход на внешнюю сторону горы. Одни считают, что он сделан, чтобы туристам легче было проникнуть внутрь кратера. По сведениям других (что более вероятно), его прорыли как водоотвод из пресноводного кратерного озера. Обойдя озеро, через этот широкий проход вновь выходим на внешний склон вулкана, теперь уже восточный. На нем нет истуканов, но взору открывается новая величественная картина. Внизу расстилается черная, покрытая редкой мелкой зеленью неширокая равнинная полоса, отделяющая полуостров Поике от основной части острова. Она начинается от одного океанского берега и через три километра обрывается у противоположного. Здесь проходит тот самый знаменитый ров те-Хакирава, о происхождении которого так спорят исследователи и строят разные гипотезы. Хейердал считает, что он вырыт искусственно, как военное сооружение, жившими на Поике «длинноухими» для защиты от наступления «короткоухих». Геологи полагают, что это естественное образование тектонического происхождения — разлом коры как результат землетрясения. Видимо, это более правильно.

Снова с большим риском спускаемся еще ниже к подножию горы и продолжаем огибать ее, оставляя ров те-Хакирава и Поике слева. В конце своего кольцевого маршрута встречаем последнего истукана. Он резко отличен от всех других — это коленипоклоненная статуя. Ее откопал и установил Тур Хейердал.

И опять новая, еще не разгаданная загадка острова Пасхи: почему эта статуя такая и откуда она здесь? Истукан молчит и до сих пор еще не выдал тайны своего происхождения.

К сожалению, не удалось побывать на северо-восточном берегу в бухте Анакена, где высадились на остров первые полинезийцы, приплывшие сюда с востока. В этой бухте стоял на якоре корабль экспедиции Хейердала и отсюда начинал он свои поиски. Но шофер отказался везти туда, сославшись на плохую дорогу. Но он, оказывается, схитрил, этот черноволосый, смуглый и очень симпатичный парень. Одна из наших групп все же побывала в Анакене — их шофер, видимо, оказался более добросовестным.

Обратный путь держим по той же дороге.

Перед въездом в поселок Ханга-Роа — каменоломня Панапау. Здесь тоже были когда-то мастерские, но специализированные: из красного туфа вырубались цилиндры «цукао», которые возлагались на головы изготовленных истуканов то ли как головные уборы, то ли как волосяные парики. И сейчас в открытом каменном карьере беспорядочно лежат отдельные заготовки и готовые цилиндры, каждый также помечен белым номером. На острове Пасхи насчитывается 670 истуканов, и все они стоят или лежат с непокрытыми головами. Все, кроме одного. Мы совершили к нему пешеходную прогулку на западную окраину поселка.

Здесь, на обрывистом берегу океана, восстановлена погребальная терраса «аху-моаи». На каменной платформе стоят в ряд четыре статуи, а правее — еще две, причем одна из них с красным цилиндром на голове — единственная моаи, сохранившая свой головной убор. Но это ритуальное рапануанское сооружение не относится к древним постройкам первых полинезийских поколений. Его соорудили совсем недавно на окраине поселка, чтобы туристы без большого труда и затрат времени могли обозреть и фотографировать его.

Французский этнограф Мазьер, работавший здесь десять лет назад (семь лет спустя после Тура Хейердала), написал об острове Пасхи полные горечи и сострадания слова: «Остров Великанов родился в молчании и погиб в забвении». Действительно, никакой другой остров Полинезии не пережил такой трагической истории и кровавых событий, ни один из народов Океании не перенес столько страданий и бедствий, как жители этого восточного форпоста Полинезии.

Оторванный совсем недавно от всего мира, обращенный лицом к великому ледяному безмолвию Антарктики, окутанный легендами, небольшой остров начал довольно быстро приобщаться к цивилизации, оказавшись на пути воздушных трасс. Через остров Пасхи проходит авиалиния, связывающая Сантьяго с остро-

вом Таити, и каждую субботу на аэродром, построенный американцами за поселком, между окраиной Ханга-Роа и горным склоном, садится «Боинг-707» и высаживает очередную партию богатых туристов. В зимнее время, когда мы зашли на остров, туристов было мало, но летом отель заполнен. Жизнь в нем дорогая: один день проживания стоит от 60 до 100 долларов. По острову проложены хорошие дороги, жителей отеля возят в комфортабельном автобусе с мягкими сиденьями и эркондишеном. В бухте Анакена, куда привлекают туристов красивые виды и песчаный пляж, построено несколько домиков для различных увеселений и открытый дансинг.

Население острова сосредоточено преимущественно в одном поселке — Ханга-Роа. Здесь же резиденция губернатора острова и муниципалитет. Во время поездки по острову мы видели кое-где на равнине небольшие строения — жилища пастухов и сараи для дойки коров и стрижки овец. В поселке еще немало жалких лагуч без дверей и окон (дверь заменяет матерчатый занавес), но уже построено много уютных одноэтажных домиков — коттеджей, окрашенных в яркие цвета, что придает поселку живописный вид. По-прежнему центром поселка и самым высоким зданием является церковь. За ее оградой прибавилась мраморная плита — могила пастора Себастьяна. Он умер в 1970 году в США, куда поехал лечиться, но завещал похоронить себя на ставшей ему родной рапануанской земле. Многие домики окружены цветущими кустарниками бугенвиллии и зелеными деревьями «миро тахити», завезенными с острова Таити и поэтому очень чтимыми рапануанцами, считающими себя потомками таитян. Окраины деревни заняты плантациями бананов. Есть небольшие ананасовые плантации, кое-где возле домов встречаются одиночные экземпляры хлебного дерева, эвкалиптов и совсем редко кокосовые пальмы.

Поселок перестал быть резервацией для островитян, выход за границы которого ранее карался строгим наказанием — обычно трудовой повинностью. Сняты ограничения движения по острову. Жители, особенно молодежь, одеты в яркого цвета одежды. Большинство молодых женщин в модных брючных костюмах.

Вечером нам на судно нанес визит губернатор острова. Это средних лет, полный, весьма экспансивный и жизнерадостный чилиец. Он вступил на свой пост полгода назад. Губернатор поделился с нами некоторыми сведениями и планами. Значительно выросло население острова. Если во время захода «Оби» насчитывалось всего 900 жителей, то сейчас, как сообщил губернатор, здесь живет около 3000 человек, из них 40 % составляют коренные жители — рапануанцы. По-прежнему самой острой проблемой остается снабжение продовольствием, поэтому приток тури-

стов сейчас ограничен (30—35 человек в неделю). Но новый губернатор с оптимизмом смотрит в будущее острова и строит планы преобразований. Введено самоуправление, организован муниципалитет в составе семи человек. Работники муниципалитета заняты заботами об улучшении материального положения жителей, об их просвещении. Построена школа, расширена больница. Все еще остро стоит проблема питания населения, так как продовольствие в основном завозное. Надо было позаботиться об озеленении выросшей деревни, о расширении плантаций. Муниципалитет беспокоили вопросы трудоустройства населения, изыскание источников заработка. Был создан кооператив. Возрос спрос на предметы мастерства рапануанцев — изготовление сувениров из дерева, камня и ракушек. Они не только охотно покупались заезжими туристами и моряками (все еще большое место занимает натуральный обмен), но и отправлялись также для продажи в Сантьяго.

Большие перспективы для экономики острова сулило развитие туризма. Обслуживание туристов потребует много рабочих рук. Легенды и тайны, которыми окружен Рапа-Нуи, его загадочные каменные великаны, романтическая и трагическая история будут привлекать сюда, конечно, все больше и больше туристов.

Остров Пасхи продолжает привлекать новых исследователей. Мы встретили там американского археолога, но и ему пока не удалось за несколько месяцев работы проникнуть в тайны Рапа-Нуи дальше его предшественников.

К счастью, знаменитые каменные изваяния острова пока еще не пострадали от туристов, их еще не начали разбивать на сувениры. В самом ближайшем будущем потребуется их охрана, а пока истуканы еще стоят и лежат беззащитными на склонах вулкана Рано-Параку. Как рассказали нам, уже было несколько попыток хищения статуй под покровом ночной темноты, когда в уединенные бухты приплывали пираты наших дней в охоте за великими реликвиями древней цивилизации Полинезии. Поэтому на острове были введены строгие правила, и любому судну разрешается заходить только в бухту Ханга-Роа, где имеются таможенная, военная и полицейская охрана и есть даже офицеры Интерпола.

И вот наступил наш отъезд. Когда капитан дал команду сниматься с якоря, напротив судна на берегу, возле ритуальной платформы, загорелись и засверкали бенгальские огни, освещая неровными вспышками яркого света сумрачные каменные фигуры на окраине деревни. Это был прощальный салют властей и жителей острова советским людям, вновь уходящим надолго в океанские просторы. Снова вдали заблистали цепочки электрических огней на улицах и в домах Ханга-Роа, создавая опять видимость большого приморского города. Вечерний воздух огла-

сился басовитыми гудками «Дмитрия Менделеева» — три длинных и один короткий — ответный прощальный салют советских моряков и ученых одинокому острову, вступившему в новую эру своей истории.

Покидая остров, я записал в своем дневнике следующие слова: «Пророчество французского этнографа оказалось слишком мрачным. В беспросветную в прошлом жизнь острова Пасхи уже стали пробиваться светлые лучи. Остров Великанов, рожденный в молчании, не погиб. И хотя мы провели на нем всего один день, мы покинули его с надеждой и уверенностью, что впереди у него лучшее будущее».

Увы! Мой оптимистический прогноз пока не оправдался. Вскоре в Чили был совершен фашистский переворот, над страной нависла черная ночь, захватившая крылом также и остров Пасхи.

У нас нет сейчас исчерпывающей информации о современной жизни на острове Пасхи. Чилийские патриоты, живущие в Москве, рассказали, что фашистская хунта распустила муниципалитет, ликвидировала самоуправление и кооператив, произвела аресты коммунистов, отменила все прогрессивные преобразования, проведенные правительством Альенде. Но остров Пасхи не стал концлагерем, подобно другим чилийским островам. Причина этому — тот же туристский бизнес. Клика Пиночета решила превратить остров Пасхи в фешенебельный туристский центр и военную базу. С первой затеей ничего не получилось, не нашлось желающих вкладывать средства в эту рискованную затею. Другая решается, видимо, успешнее.

И все же мы уверены, что мрачные тучи, нависшие над островом Великанов, вновь рассеются, когда власть фашистской хунты в Чили будет свергнута и рапануанцы вновь обретут гражданские права и свободы.

В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ ТАСМАНИИ

Заход «Дмитрия Менделеева» в 1976 году в Хобарт был знаменательным: он оказался самым первым кораблем науки из флота Академии наук СССР, посетившим Тасманию: маршруты других академических судов до сих пор пролегли, как-то минуя порты Тасмании. Естественно, общественность столицы острова, пресса, радио и телевидение проявили большой интерес к нашей экспедиции. Репортажи по телевидению и радио, статьи в газетах были выдержаны в дружеских тонах, а контакты с учеными и местными жителями носили широкий характер. Постоянными и желанными гостями на судне были члены Тасманийского отделения общества «Австралия — СССР».

Трехдневной стоянки в Хобарте было, конечно, мало, чтобы должным образом ознакомиться с природой, экономикой, культурой, спецификой этого большого острова — штата Австралийского Союза. Поэтому в данной главе мы ограничимся в основном проблемой охраны природы и расскажем о поездке в один из национальных парков. Но сначала все же несколько общих сведений об острове Тасмания и его столице Хобарте.

Остров был открыт в 1642 году голландской экспедицией Абея Тасмана: она обнаружила его западный берег, а потом произвела высадку на восточном берегу. Тасман назвал открытую им сушу Землей Ван-Димена, в честь патрона своей экспедиции — губернатора голландской колонии Вест-Индия. Только 30 лет спустя французская экспедиция Мариона Дюфризна совершила там следующую высадку. После этого визиты кораблей на Землю Ван-Димена участились: дважды побывал Дж. Кук (1773 и 1777 гг.), капитан Блай на «Баунти» (1788 г.), вторично

на «Провиданс» (1792 г.) и третий раз уже как губернатор Нового Южного Уэльса на «Пурпойз» в 1809 году. В истории Земли Ван-Димена этих ранних лет записаны визиты и других кораблей.

Участники рейсов на этих судах открывали и описывали отдельные части острова, захватывали плодородные земли, доставляли поселенцев и создавали поселки. Первые посетители считали, что они высаживаются в Южную Австралию, но в 1798 году капитан С. Г. Басс на «Норфолке» открыл пролив, отделяющий Землю Ван-Димена от Австралии, и тем самым доказал, что она является островом, и увековечил свое имя в названии открытого им пролива. В 1820 году остров посетили корабли первой русской антарктической экспедиции, и Ф. Ф. Беллинсгаузен в своем отчете об экспедиции посвятил отдельный раздел краткому описанию Земли Ван-Димена. В 1856 году первый парламент этой английской колонии постановил отменить название Земля Ван-Димена и впредь именовать остров Тасмания.

История острова состоит из нескольких этапов. Первые 49 европейских поселенцев были доставлены на него в 1803 году в кандалах — это были каторжане. Затем, в последующие годы, остров служит местом ссылки и каторги и в то же время развивается как аграрный придаток Австралии: лучшие земли (в первую очередь на северо-востоке) осваиваются под зерновые посевы, животноводство, садоводство и овощеводство. С 1803 по 1825 год остров входил в состав колонии Новый Южный Уэльс, в 1825—1856 годах — отдельная колония, подчиненная Министерству колоний Англии, с 1856 по 1901 год остается британской колонией с некоторыми правами самоуправления и с собственным парламентом. В 1901 г. Тасмания была включена на статусе штата в состав Австралийского Союза — доминиона Великобритании.

Когда первые европейцы высадились в Тасмании, они обнаружили, что эта земля обитаема. Аборигенов Тасмании постигла общая участь народов Океании, даже еще более трагичная, приведшая к их полному уничтожению. В процессе колонизации их не только выгоняли с исконных земель, но и систематически уничтожали, особенно в 30-х и 40-х годах XIX столетия. Если в начале колонизации на острове насчитывалось 25 племенных групп аборигенов, то после переселения на три небольших острова близ Тасмании, в 1828—1847 годах, численность аборигенов резко сократилась, и к концу XIX века они насчитывались буквально единицами, а последний абориген умер в самом начале XX века. Тем временем Тасмания интенсивно заселялась европейцами, и уже к 1870 году ее население перевалило за 100 тыс. жителей, а в 1920 году составляло 209 тыс. жителей. Такой рост населения был вызван необходимостью притока рабочих рук для

освоения природных богатств острова. Еще с середины XIX столетия с открытием богатых рудных и угольных месторождений начинает развиваться горнорудная промышленность. Но коренные изменения в экономике штата произошли в 30-х годах нашего столетия, когда были разведаны новые минеральные месторождения и построены предприятия, работающие на базе дешевой гидроэнергии.

Ныне остров Тасмания — штат разведанных богатых природных ресурсов и высокоорганизованного производства. Занимая 0,9% территории страны и имея 3% ее населения, Тасмания дает 12% национального дохода *.

Экономика нынешней Тасмании характеризуется следующим образом: «Штат дает два процента добычи свинца, половину производства оловянных концентратов, здесь ведется вся добыча вольфрама и красной охры. Традиционное для Тасмании сельское хозяйство развивается по пути интенсификации и все больше специализируется на производстве ягод, фруктов, технических культур и смешанном животноводстве... Запасов леса для дальнейшего расширения лесной и деревообрабатывающей промышленности хватит на 40—50 лет» **. Такова основа экономики нынешней Тасмании.

Столица штата Хобарт (основан в 1804 г.) расположена по обоим берегам устья реки Деруэнт, переходящего южнее города в залив. Это сравнительно небольшой город с населением 155 тыс. жителей. Его главная улица Дэйвей-стрит с многоэтажными зданиями — деловой и торговый центр города. Но уже за один-два квартала от нее спокойный мир провинциальной жизни, где тихие улочки, застроенные одноэтажными домами в окружении цветущих кустарников и ярких цветников, сбегая по склону холмов к берегу реки или тянутся параллельно главной улице, упираясь в зеленые окраины. Несколько небольших парков и скверов украшают улицы Хобарта. Северо-восточные кварталы города примыкают к обширнейшему парку Королевы, его прибрежная часть превращена в ботанический сад. Поражает обилие церквей (их 18 в таком небольшом городе) и только три кинотеатра. Новой достопримечательностью города явилась 18-этажная восьмигранная башня отеля-казино с вертящимся рестораном на крыше, она построена на мысе Западный, выступающем далеко в залив Санди. Это светло-серая высотная башня первой бросается в глаза при подходе к Хобарту с моря, и выглядит она каким-то случайным объектом на фоне зеленого амфитеатра — склона горы, по которому словно чья-то рука густо рассыпала маленькие белые дома.

---

* Информационное сообщение Советского национального Тихоокеанского комитета АН СССР. Январь — март 1976 г., с. 30.

** Там же, с. 30.

Но Хобарт довольно крупный в масштабах Австралии научный и культурный центр. В нем расположены университет (основан в 1890 г.), Тасманийский музей с картинной галереей, Исторический музей Земли Ван-Димен, Музей морской истории, Государственная библиотека Тасмании, Почтовый музей и несколько мемориальных комплексов. Еще более скромные домики, но богаче одетые в зеленый и цветочный наряды — на другом берегу. Обе части города соединяет длинный арочный мост. Но с борта «Дмитрия Менделеева» мы увидели, что в мосту зияет большой просвет — нет центрального пролета. Как нам рассказали, этот пролет рухнул в воду, когда на мост с хода налетел большой пароход. Это происшествие сразу же использовали судовладельцы: была спешно создана частная фирма, которая организовала регулярное пассажирское сообщение между берегами реки Деруэнт на речных пароходиках. Бизнес всегда и всюду есть бизнес.

Хобарт вошел в историю как отправной пункт многих экспедиций в Антарктику, как самый южный порт Австралии.

Одно из первых знакомств состоялось с директором Тасманийского департамента национальных парков и охраны дикой природы мистером Маррелом — он приехал с визитом на наше судно. Это было важное знакомство, так как в ведении его департамента находятся не только национальные парки Тасмании, но и подчиненные Австралии острова в Антарктике. Этот департамент подчинен Министерству земель и общественных работ штата Тасмания. Маррел рассказал нам, какое важное значение придается в Австралии охране окружающей среды, как поставлена эта работа в Тасмании, и какова роль национальных парков.

В структуре хозяйственной и научной жизни Тасмании большое место занимают национальные парки и деятельность по охране природы. На ее территории в 6833 тыс. га национальные парки занимают площадь 392,7 тыс. га, кроме того, охраняемая зона почти 400 тыс. га; в общей сложности под ними занято около 12% территории острова. Это солидная доля.

В охраняемую зону включено 76 объектов (береговые морские и речные участки, речные зоны, важные геологические месторождения, гнездовья птиц, ботанические участки, места, ценные в научном отношении, исторические памятники, архитектурные сооружения и здания и др.) общей площадью около 400 тыс. га.

Охрана природы Тасмании регламентируется рядом законодательных актов парламента и правительства штата, а также общим законом об охране природы, принятом в 1970 году для всей Австралии. Кроме того, федеральным правительством Австралии в 1974 году был дополнительно принят закон о защите среды, регламентирующий строительство и развитие хозяйствен-

ных объектов и экономики без нанесения ущерба природе и определяющий методы контроля за использованием среды. Правительством предоставлены большие права директору Департамента национальных парков и охраны природы. На него возложено управление национальными парками, защита фауны и флоры, регулирование охоты; он имеет право налагать штраф в размере 500 австралийских долларов за нарушение правил, устанавливать размеры заповедных участков для охраны их природы. При директоре состоит совет из 12 членов, назначаемых губернатором штата. В обязанность совета входит следить за выполнением всех статей законов об охране среды, давать министерству и парламенту штата рекомендации по различным аспектам, касающимся охраны флоры и фауны, охоты, туризма, использования земель. Последнее имеет важное значение, если учесть, что 59 % площади Тасмании — собственность государства, из них 2 237 тыс. га, или 32,7 %, находятся под лесными угодьями.

Первые попытки установить в Тасмании заповедные зоны относятся к 80-м годам XIX столетия, но основная работа была проведена уже в нашем веке. Инициаторами этих мероприятий были Ассоциация тасманийских туристов и Тасманийское отделение Королевского общества, а с 1913 года к ним присоединилась Ассоциация национальных парков. 29 августа 1916 года в газетах было объявлено решение правительства штата о создании первых заповедников в Тасмании. В 1928 году был создан комитет из 9 членов для контроля за выполнением актов правительства о защите диких животных и птиц. Процесс создания заповедников и охранных зон шел медленно и с большими препятствиями ввиду сильного противодействия со стороны частных владельцев земель, которые стремились увеличить свои владения за счет покупки у государства новых земельных участков. С другой стороны, серьезное сопротивление созданию заповедных зон оказывали лесопромышленные и гидроэнергетические компании: деятельность последних вызвала большие изменения водного режима озер и затопление местности. Большой победой научной общественности страны явилось объявление в 1933 году заповедником острова Маккуори, находящегося в Антарктике в 1440 км от Тасмании. Длительная многолетняя борьба ученых и друзей природы завершилась только к началу 70-х годов принятием законов, утвердивших статут национальных парков и заповедных зон и правил охраны среды, действующих в настоящее время.

— Ныне,— завершил свой рассказ мистер Маррел,— национальные парки служат прекрасным местом для отдыха и научных исследований. Я очень рекомендую Вам посетить национальный парк. Вы не пожалеете. Я окажу вам полное содействие в этой поездке...

По его рекомендации на следующий день мы поехали в национальный парк Mount Field, находящийся в 75 км от Хобарта.

Выехали рано утром. Справа от шоссе — широкая лента главной реки Тасмании Деруэнт, текущей в низких зеленых берегах. Она то подходит к самой обочине шоссе, то петляет в сторону. Слева — полоса долины Деруэнт, окаймленная вдаль цепью низких холмов. У их подножия — фермы, окруженные садами и полевыми участками, между фермами — аллеи пирамидальных тополей. Весь видимый мир из окна автобуса залит щедрыми солнечными потоками. Невольно ловишь себя на мысли: может быть, мы не в Тасмании, а едем по широким просторам Южной Украины — так много общего в их ландшафтах, особенно когда глаза встречают аллеи пирамидальных тополей. Делюсь своими впечатлениями с сидящим рядом заместителем начальника экспедиции И. В. Ковановым — он кивает головой в знак согласия.

Проезжаем поросший камышом и осокой залив, образованный извилинами реки Деруэнт. По его тихой глади плавают несколько стай черных лебедей. Эти изящные птицы с гордо изогнутыми шеями не спеша кружат в тихой заводи, «переговариваясь» между собой, изредка опуская глубоко в воду свои головы в поисках пищи. Тасмания — родина черных лебедей, их здесь множество, эта птица даже является символом штата: на сувенирах, посуде, различных товарах, продаваемых здесь в магазинах, на этикетках пива и других напитков всегда можно увидеть эту эмблему — изображение черного лебедя.

После 75-го километра шоссе делает крутой поворот влево, река остается позади, и, проехав еще около километра, мы оказываемся перед въездом в национальный парк.

Дорогу преграждает узкая река Тьенна, спрятанная в обрывистые берега. На площадке возле реки стоянка для автомашин, лагерь для экскурсантов. Знакомимся с экспозицией (геология, флора, фауна), историей парка, его географией. Рассказ ведет дежурный научный работник. Он не скрывает своего удовлетворения по поводу приезда 25 советских гостей и с гордостью рассказывает о своем парке. В заключение он соглашается быть нашим гидом.

Маунт-Филд — старейший национальный парк Тасмании. Еще в 1885 году небольшая часть этой территории (1700 га) была объявлена заповедником, но только через 32 года состоялась официальная организация национального парка: он был торжественно открыт 13 октября 1917 года губернатором штата. Лектор с грустью упомянул, что в 1949 году один участок парка был отнят для лесоразработок, хотя на нем произрастали так называемые царственные эвкалипты — одно из самых высоких цветущих деревьев в мире, а взамен дали такой же участок, но смешанно-

го леса. Имена участников создания парка увековечены в названиях озер, горных вершин и участков парка, в установленных монументах. Сам же парк получил свое название в честь крупного общественного деятеля Тасмании и географа Бэррона Филда. Водопад Рассела, куда мы направились, был открыт в 1856 году поселенцем Браунингом и сначала носил его имя, но позже его переименовали в честь исследователя этого региона Рассела.

Знакомясь с картой парка, я обнаружил в его южной части гору Моусона высотой 1400 метров. Несколько лет назад, когда я готовил к печати книгу о жизни и деятельности этого прославленного исследователя Антарктики, на основании изучения многих публикаций нашел, что имя Дугласа Моусона увековечено на карте 10 раз. А вот, оказывается, есть еще один, одиннадцатый по счету, географический объект его имени. Моусон не раз бывал в Тасманий. Отсюда уходил он в Антарктику начальником экспедиции на борту «Авроры» в 1911 году и на «Дискавери» в 1930 году. Несколько раз посещал он Тасманию как ведущий геолог Австралии своего времени. Не случайно в национальном парке есть также гора Дейвиса, названная в честь спутника Моусона — капитана «Авроры» и «Дискавери» в экспедициях Д. Моусона.

Парк раскинул свои леса, озера, холмы и горы на площади 17 тыс. га. Прямо за рекой Тьенна начинается густой эвкалиптовый лес — перед нами стена из высоких гладких серо-бежевых стволов с лентами шелушащейся коры, их венчают раскидистые кроны, украшенные светло-зелеными крупными продолговатыми листьями. Это «эвкалипт царственный», одно из высочайших деревьев в мире — поясняет наш гид. Он тут же сообщает, что из 25 видов эвкалиптов, встречающихся в Австралии, 12 произрастают только на этом острове. Из них на более высоких горизонтах парка растут три вида: эвкалипт высокий, эвкалипт снежный и эвкалипт желтый — все они эндемики Тасмании.

Отправляемся в поход по парку. Группа молодежи во главе с неугомонным и шумным гидробиологом Никитой Кучеруком быстро отрывается и устремляется вперед по более длинному и сложному маршруту. Люди более солидного возраста и женщины идут вместе с гидом по основному маршруту через эвкалиптовый лес к водопадам. Мы шагаем по довольно широкой тропе, протоптанной многими тысячами ног, но и она достаточно сложна: приходится взбираться на крутые склоны, переходить через ручьи, перелезать через завалы деревьев. Среди эвкалиптов много древовидных папоротников, которые борются с ними за место под солнцем; проходим через заросли мирта — красивого невысокого дерева с черными стволами и плотными темно-зелеными листьями и просвирника мускусного с большими округлыми листьями с серебристым блеском на шелковистой поверхности их обратной стороны. На прогалинах растет кустарник с гладкой

корой и темно-красными веточками, листья его имеют жгучий вкус, отчего он получил название «тасманийский перец». Гид указывает нам на мятное дерево — оно средней высоты (до 6 м) и отличается супротивно расположенными на ветвях зубчатыми листьями длиной до 75 миллиметров. Деревья густо оплетены лианами. Красиво выглядит вьющийся ломонос, живописно спускающийся с кустарников и скал свои нарядные плети, украшенные кремовыми цветами. В гордом одиночестве высятся деревья местного лавра с темно-зелеными глянцевыми листьями на широко раскинувшихся ветвях. На опушках бросаются в глаза красочные пятна розового, красного и фиолетового цветов — это кусты смородины и других местных ягод. Март — осенний месяц в южном полушарии, и с ветвей кустарников свисают гроздья спелых ягод. Мы невольно останавливаемся, пораженные приятным цветочным ароматом: он доносится с невысокого дерева эвкрифии блестящей, ветви которого усеяны сильно пахнущими цветами.

Продолжаем наш маршрут. Стволы многих деревьев обвиты до высоты 8—9 метров плетями вьющейся эрики со свисающими с них темно-красными колокольчиками. Нижний ярус занят стелющимся вечнозеленым мелким кустарником с темно-зелеными листьями и гроздьями нежно-белых плодов — это эндемичный свежеегодник.

— А почему мы не встречаем животных? — задают вопрос гиды.

— В нашем парке много разных животных, — отвечает он, — но увидеть их трудно, они прячутся от человека, а многие выходят из нор только ночью.

Он перечисляет фауну парка: три вида опоссумов, сумчатый барсук, пафамелоны, валлабы Беннетта, вомбат, такие хищники, как «сумчатый дьявол» и сумчатая куница (в Австралии ее называют «тигровая кошка»), утконос, ехидна, четыре вида крыс...

— Когда-то здесь обитал и сумчатый волк, — говорит гид, — но он, к сожалению, уже вымер. Последнего поймали здесь в 1933 году и передали в зоопарк... Должен вас предупредить, — продолжает он, — не беспокойте змею, если встретите на пути. Здесь обитают три вида змей, они ядовиты, особенно крупные медноголовая и тигровая. Все змеи находятся под охраной.

— А птицы?

— Их здесь более пятидесяти видов, многие встречаются только в Тасмании. Но вот лирохвоста привезли из Австралии в 1934 году, и он здесь прочно обосновался в папоротниковых зарослях и влажных лесах. Может быть, мы услышим его крики. Многие птицы обитают в труднодоступных горных районах, а с наступлением зимних холодов спускаются в нижние леса.

Вот наконец и первая цель нашего похода: водопад Рассела. Он очень красив. Перед нами 40-метровый отвесный трехъярус-

ный обрыв в окаймлении зеленых папоротников, эвкалиптов и других густозеленых деревьев. С этой стены тремя широкими каскадами спадают потоки воды, причем пенистая вода, словно белой завесой, полностью закрывает самую нижнюю скалистую стену.

Через три километра другой горный водопад — Леди Бэррон. Он ниже первого, не имеет каскада, но также величествен.

Чтобы полностью осмотреть весь национальный парк, потребовалось бы несколько дней. Наш осмотр ограничился только одним, правда, очень интересным районом парка. Парк занимает весьма большую площадь на границе между южной и центральной зонами Тасмании. Начинается он в долине реки Деруэнт, поросшей эвкалиптовым и смешанным лесом, выше на склонах — альпийские луга, а всю центральную часть парка занимает обширная горная страна, расположенная на 1000 м выше уровня моря с несколькими горными вершинами, возвышающимися над плато в центре и на его периферии. Самый высокий пик Field West (1570 м) близ западной границы парка, а близ восточной — Field East (1390 м), а ближе к центру находятся горы под названиями Tyenna, Mawson, Monash, Waŕcher, Devis, Naturalis, Bridges и др. с высотами 1300—1500 м. Зимой горы и плато бывают покрыты снегом с июня по ноябрь, и в эти месяцы парк становится излюбленным местом для горнолыжников. Особой достопримечательностью парка является обилие высокогорных озер на плато. Самые большие озера в центре горной страны — на высотах 1100—1150 м. Из них вытекают несколько маленьких речушек и ручьев, впадающих в речки Тьенна и Брэд, несущих далее свои воды в главную водную артерию острова.

«Высокогорные районы национального парка представляют замечательный простор для лыжных прогулок и однодневных путешествий. Район Торн-шелф, склоны гор Филд-вест и Флорентин особенно рекомендуются из-за прекрасных видов замерших горных озер, панданусов и карандашной сосны, гнувшихся под снежными шапками» — так сказано о зимнем сезоне в проспекте парка Горы Филда.

Но особенно многолюдно в этом национальном парке весной и летом, когда деревья одеты зеленым нарядом, пышно распускаются цветы, лес заполняется гомоном птичьих голосов, а в спокойном зеркале горных озер отражаются чистое синее небо и зеленые ветви склонившихся над водой деревьев и от снежных шапок на вершинах гор с веселым журчаньем бегут по склонам бесчисленные ручьи.

Как и в других национальных парках, здесь установлены строгие правила охраны среды и поведения посетителей. Им строгойше запрещается появление с домашними животными и огнестрельным оружием, требуется соблюдать абсолютную чистоту,

сор и пищевые отбросы выбрасывать только в специальные контейнеры.

Сгущались вечерние сумерки, когда автобус катил по знакомому шоссе обратно на юг острова. Блестящая лента реки Дерунт уже находилась слева, а с правой стороны на фоне нежно-розовых красок вечерней зари отчетливо выступали стройные, как свечи, темные силуэты пирамидальных тополей, так напоминавших далекую Украину.

ОСТРОВА-КУРОРТЫ

В МОРЕ ТАСМАНА

В плане 16-й экспедиции на «Дмитрии Менделееве» первой значилась высадка на небольшой субтропический остров Лорд-Хау в Тасмановом море в 330 милях от Восточной Австралии. Мы знали, что это остров-заповедник, но в полном объеме познакомиться со строгими правилами охраны его природы могли только во время стоянки в Сиднее в конце декабря 1975 г. Начальнику экспедиции Л. А. Пономаревой и капитану А. С. Свитайло пришлось еще в Сиднее подтвердить, что эти правила будут строго соблюдаться участниками экспедиции при посещении острова.

Заход на остров Лорд-Хау был назначен на 28 декабря. Накануне капитан предупредил меня:

— Завтра на подходах к Лорд-Хау вы можете увидеть чудо природы. Не проспите только...

Надо ли говорить, что, едва забрезжили робкие проблески наступающего утра, многие участники рейса были уже на палубе. Море спокойно, легкие волны бегут навстречу кораблю, лицо обвеивает свежий ветерок. На горизонте с правого борта все ярче разливаются краски утренней зари, постепенно тает и расходится ночной мрак. И вот, когда просветлело небо на востоке и от горизонта до мачт корабля запылали на нем золотисто-оранжевые лучи, предвестники восходящего солнца, на этом сверкающем фоне возник темный силуэт высокой остроконечной пирамиды с узким основанием и необыкновенно крутыми склонами.

— Остров Боллс-Пирамид,— произнес капитан.— Нигде я не встречал такой высокой и крутой пирамиды. Красивое зрелище...

Видимо, из какой-то узкой трещины в подводном хребте мощные вулканические силы выплеснули высоко вверх фонтаны расплавленной магмы, и, застывая, она образовала этот маленький остров такой причудливой формы высотой 550 метров. Боллс-Пирамид, как и остров Лорд-Хау, образован древними вулканами, лежащими в западной части подводного хребта Лорд-Хау, протянувшегося по дну Тасманова моря.

Судно делает разворот и направляется к Лорд-Хау, лежащему в 12 милях от острова Боллс-Пирамид.

С моря Лорд-Хау похож на спину двугорбого верблюда, погрузившегося в воду. Такое впечатление создают две горные округлые вершины в южной части острова. Остров протянулся узкой, 20-километровой полосой с юга на север и разделяется на две резко отличных друг от друга половины: южную — гористую, высокую, с двумя горными вершинами (Коуз — 866 м и Лидгбэрд — 765 м) и более узкую северную — низменную и равнинную. Их разделяет узкий километровый перешеек, а в наиболее широкой своей части (в южной половине) поперечник острова три с половиной километра. Подходы к западному берегу ограждены гирляндой коралловых рифов, между ними и берегом в районе перешейка небольшая приглубая бухта Принца Уильяма Генри, а далее до северной оконечности острова обширная спокойная мелководная лагуна с несколькими крохотными островами на ее водной глади, широким песчаным пляжем, высокими стройными пальмами и живописной норфолкской сосной на всем протяжении ее берега. В лучах утреннего солнца остров сверкал как изумруд от обилия зеленых лесов, и лишь крутые базальтовые склоны его двух главных вершин обрывались в море с запада темно-серыми почти отвесными стенами.

Таким предстал перед нашими взорами остров Лорд-Хау, когда «Дмитрий Менделеев» подошел к его западному берегу и стал на якорь перед цепочкой коралловых рифов.

Впервые обнаружила этот остров французская экспедиция Сюрвиля на судне «Жан Баптист» в 1769 году, но следов на карте не оставила. Восемнадцать лет спустя другая французская экспедиция — знаменитого Лаперуза на судне «Буссоль» — обнаружила присутствие острова благодаря обилию морских птиц, окруживших корабль. Лаперуз определил его координаты и проследовал дальше, так и не увидев самого острова, скрытого густым туманом. Англичане приписывают открытие острова экспедиции лейтенанта Филиппа Кинга на судне «Сэплей» под командованием лейтенанта Болла. Они плыли из Сиднея на остров Норфолк и 17 февраля 1788 года обнаружили этот остров опять-таки по обилию морских птиц над кораблем и черепах, плавающих вокруг судна. Лейтенант Болл определил координаты острова и положил его на карту, так же как и соседний пирамидальный

островок, которому дали имя командира судна. Высадку произвели на обратном пути, и тогда Болл и его спутник Блекборн провели первое описание острова. Их особенно поразило изобилие черепах и огромное количество морских и сухопутных птиц. Птицы оказались настолько доверчивыми, что позволяли людям хватать себя руками и закалывать ножами.

С тех пор Лорд-Хау неоднократно посещали разные корабли, так как остров лежал на путях из Австралии в Новую Зеландию и Новую Каледонию. Каждая высадка на остров в различной степени уменьшала поголовье его обитателей — черепах и птиц. В 1820 году мимо острова проплыли корабли первой русской антарктической экспедиции — «Восток» и «Мирный». Русские мореплаватели не высаживались на остров, но Беллинсгаузен отметил в своих записках обилие акул вокруг острова и сделал их описание, а художник Михайлов запечатлел их в своих рисунках. Особо хищнически вели себя на острове китобои, посещавшие его в 30-х годах прошлого столетия. За ними — рубщики сандалового дерева, они за короткое время истребили леса этого ценного дерева.

Остров долго оставался необитаемым. На нем жили по несколько месяцев отдельные ученые, которые производили подробное и систематическое описание его фауны и флоры и добывали коллекции для Австралийского музея в Сиднее. Только в 1870 году на нем обосновались первые постоянные жители. Лорд-Хау явился настоящим кладом для зоологов и ботаников, и в течение второй половины XIX века и в нашем столетии на нем систематически работали различные экспедиции. Из последних экспедиций можем отметить совместную экспедицию 1972 года Национального географического общества США и Австралийского музея по изучению водной фауны острова. Участники этой экспедиции определили свыше 6000 рыб, относящихся к 300 видам, входящим в 100 семейств, причем было выявлено 186 новых видов. Ихтиологи зафиксировали, что в прибрежных водах Лорд-Хау водится около 400 видов рыб, из них 10% эндемики, и пришли к выводу, что фауна рыб Лорд-Хау сложилась из нескольких зоогеографических комплексов, в которых доминировала тропическая фауна. Советские экспедиции дважды посещали этот остров и собирали ботанические, зоологические и геологические коллекции: на «Витязе» — в 1970 году и на «Дмитрии Менделееве» — в 1971 году. Цель нашего захода — продолжить начатые ими исследования и сбор коллекций.

Ждать властей долго не пришлось. Вскоре к борту «Дмитрия Менделеева» подошел быстроходный катер с австралийским флагом над кормой, и на борт поднялись главный администратор острова Уард и член островного совета Уистлер. В каюте капитана состоялось короткое деловое совещание. Мистер Уард сказал:

— Вас уже информировали в Сиднее об условиях пребывания на нашем острове. Я коротко напомню о них: разрешается собирать образцы эндемичной флоры и фауны в ограниченных размерах и только необходимых для научных целей. Нельзя ломать деревья и кустарники и нарушать экосистемы, не разрешается вторгаться в частные владения, а также трогать растительность заповедника.

— Эти правила нам известны, и еще в Сиднее мы дали заверение, что не будем нарушать их,— ответила Л. А. Пономарева.

Через несколько минут от борта «Дмитрия Менделеева» отошли катер и бот с первыми участниками высадки. Научные работники, как обычно, были заранее распределены на рабочие группы, расписаны по шлюпкам и, не теряя времени, начали свои маршруты по побережью острова.

Мы высадились на берегу лагуны и углубились в прибрежный лес. Над нашими головами сомкнулись светло-зеленые кроны высоких пальм, трава была выше пояса. Тропа вывела нас на довольно широкую каменистую дорогу, проложенную в пальмовой роще. Едва мы свернули с нее на ответвление дороги, как перед нашими глазами возник живописный коттедж с клумбами роз и гортензий. Но дальше путь преградила надпись на столбе: «Private». Тут мы сразу вспомнили о записанном в правилах запрещении вторгаться в частные владения и возвратились на широкую дорогу. Она привела нас на противоположный, восточный берег острова. Подходы к пляжу были завалены крупными базальтовыми темно-серыми камнями, а по обе стороны от него возвышались обрывистые берега с бурыми обнажениями пород.

Мы совершили довольно большой пешеходный маршрут по дорогам и тропинкам низменной части острова. На пути оказался главный поселок острова: очень небольшой, с одноэтажными домами, с почтой, магазинами, баром, административным зданием. Было воскресенье, и все двери были плотно замкнуты, а на улице полное безлюдье.

Дорога окончилась у подножия довольно высокой горы, поросшей древовидным папоротником, густо оплетенным лианами. За нею виднелась одна из главных вершин острова, и отсюда казалось, что взобраться на нее можно, только имея альпинистское снаряжение. Повернули обратно.

Шумно и оживленно было на берегу лагуны и в воде. Сотни людей лежали на песке, купались в теплой лагуне, бродили по ближайшей роще. В тихой заводи мы увидели десятка полтора нарядных яхт, отстаивающихся на якоре, с прямыми и тонкими, как иглы, обнаженными мачтами. Их владельцы совершили сюда переход под парусами через Тасманово море из Австралии и Новой Зеландии.

Приход сюда большого советского корабля науки привлек внимание местных жителей и гостей острова. К судну подходило много катеров и шлюпок с людьми, желающими с близкого расстояния осмотреть «Дмитрий Менделеев». На берегу жители и туристы тепло приветствовали при встречах советских людей, вступали в беседы, интересовались задачами экспедиции. Отношение было самое дружелюбное.

Вечером перед отходом судна нас посетили снова Уард, Уистлер и гостящий на острове общественный деятель из Сиднея Уильсон. В беседе они рассказали много интересного об острове и сложных проблемах по охране его среды.

Частые визиты кораблей нанесли большой урон природе острова, особенно его фауне, многие эндемичные виды птиц исчезли безвозвратно. В прошлом веке на острове обитало 15 видов сухопутных птиц, десять из них исчезли совсем, а из числа оставшихся птиц насчитываются буквально единицы. Позже в одном из австралийских журналов я нашел статью, освещающую это печальное событие. Привожу из нее таблицу *:

Названия птиц	Когда уничтожены или осталось в настоящее время
1. Лесной петух	осталось 18—24 штуки
2. Белая султанка	уничтожены до 1844 г.
3. Голубь Лорд-Хау	» в период 1853—1870 гг.
4. Зеленокрылый голубь	есть в настоящее время
5. Lord-Howe Pigeon	уничтожены около 1870 г.
6. Сова иглоногая	уничтожены около 1919 г.
7. Зимородок священный	есть в настоящее время
8. Дрозд белый	уничтожены между 1919—1928 гг.
9. Певчая птица Лорд-Хау	»
10. Голубь турбастый	»
11. Золотая свистелка Лорд-Хау	есть в настоящее время
12. Белоглазка сильная	уничтожены между 1919—1938 гг.
13. Белоглазка Лорд-Хау	»
14. Скворец Лорд-Хау	»
15. Lord-Howe Currawong	осталось 30—50 штук

Мы добились, рассказывали дальше гости, что Департамент охраны среды штата в 1971—1972 годах провел опись эндемичных видов птиц. Особенно трудно было учесть остатки поголовья лесных петухов — ведь они обитают на самой вершине горы Гоуа, на высоте 852 метра. Для этого понадобилось привлечь биологов-альпинистов. Биологам удалось обнаружить и окольцевать 15

* «Australia Natural History» N 2. Sydney, vol. 8, VI 1974, p. 66.

взрослых птиц и трех цыплят. Сейчас место обитания этих птиц охраняется.

Меньше тревог вызывает охрана морских птиц, потому что они гнездятся на неприступных скалах Лорд-Хау, Боллс-Пирамид и нескольких скалах небольших соседних островов. Морские птицы — это богатство Лорд-Хау. Орнитологи учли, что 12 видов их постоянно живут на острове, а 18 видов посещают его пролетом. Например, колония черной крачки насчитывает сто тысяч птиц, из них половина гнездится на главном острове — Лорд-Хау.

Раньше на острове не было млекопитающих, они появились только в середине XIX века и вначале еще не оказывали заметного влияния на экосистему острова. Это козы, кошки, свиньи и др. Однако в наше время они стали настоящим бедствием для природы острова. Особенно после 1918 года, когда с одного из судов сбежали на остров крысы и быстро расплодились в большом числе. Особый урон они нанесли сухопутным птицам, так как поедали их яйца и птенцов, и именно крысы сыграли большую роль в полном уничтожении девяти видов птиц, упомянутых выше. Больше всего пострадали от крыс птицы, земноводные и змеи. К середине нашего столетия катастрофически выросло поголовье диких коз, свиней, кошек, а наносимый ими ущерб стал очень ощутимым. Так, козы обгладывают кору молодых деревьев и поедают растения; свиньи подкапывают корни молодых деревьев, эродируют почву; кошки охотятся за мелкими птицами, уничтожают змей.

С 1970 года начал действовать закон об охране природы острова Лорд-Хау. Разрешено уменьшить поголовье коз и свиней — их стали отстреливать, приняты меры по уничтожению крыс и кошек, запрещено вывозить с острова растения и рубить и использовать деревья для хозяйственных нужд и построек. Много трудных проблем внес развивающийся туризм. Местные власти озабочены тем, чтобы прекратить бесконтрольный ввоз на остров животных и растений, так как развитие туризма и завоз новых растений и животных может привести к изменению экосистемы и вызвать большие потери в природе. Закон принят — это уже большое достижение, но не менее важная проблема обеспечить его неукоснительное выполнение. И еще проблема урбанизации: население острова увеличивается. Департамент охраны природы штата принял предложение местных властей о разделении острова на три зоны: урбанизации — она занимает часть нижней половины острова и примыкает к лагуне, следом за ней узкая полоса буферной зоны, а все остальное — заповедник, национальный парк со строгой охраной среды.

— Наш остров является процветающим курортом, но у него особые трудности в сравнении с курортами на материке, так как

курортное развитие должно разумно сочетаться с охраной природной среды,— сказал в заключение мистер Уард.

С борта уходящего в океан корабля мы видели, как в сумерках наступившего вечера медленно погружается в море «двугорбый верблюд», оставляя над поверхностью воды две округлые возвышенности.

НА СТЫКЕ ТРЕХ МОРЕЙ

Остров Норфолк лежит к востоку от Австралии на стыке трех морей: Тасманова, Кораллового и Фиджи. Вот почему участники нашей экспедиции так заинтересованы сделать на нем высадку, чтобы собрать биологические и геологические коллекции. Путь от острова Лорд-Хау занял с работами четыре дня. Правда, один день выпал из работ: на этом маршруте мы проводили 1975-й и встречали наступающий 1976 год. В эту теплую и влажную новогоднюю ночь, когда за бортом тихо шумят невидимые ласковые океанские волны, а на темном небосводе над головой ослепительно ярко сияют незнакомые северянам звезды и созвездия южного полушария, с какой-то особой остротой ощущаешь кровные связи с Родиной, и перед мысленным взором неотступно стоит знакомая с детства картина: покрытая искрящимся белым снегом русская равнина.

Мистер Уард выполнил свое обещание — позвонил своему коллеге на остров Норфолк и дал самый положительный отзыв о пребывании участников экспедиции на острове Лорд-Хау. На Норфолке нас встретили очень благожелательно и быстро уладили все формальности, связанные с высадкой и сбором коллекций.

Остров имеет интересную историю. Он был открыт Дж. Куком в 1774 году и назван так в честь британского герцога Норфолкского. Тогда остров был необитаем. В последующем некоторые археологические находки указали, что еще до Кука этот остров посещался маорийцами с Новой Зеландии. В 1788 году губернатор Нового Южного Уэльса отправил из Австралии на судне «Сэплей» на Норфолк экспедицию лейтенанта Кинга с 23 каторжниками. Они построили на берегу поселок — его называли Кингстон. Центральное место в нем занимала тюрьма. С того времени остров Норфолк стал английской колонией и местом ссылки и каторги. В 1804 году там уже находилось 1100 человек. Вскоре каторжан перевели на остров Тасмания, и несколько лет Норфолк снова был необитаем, его иногда посещали китобои и британские военные корабли, чтобы запастись водой. В 1825 году Норфолк снова стал местом каторги. «Остров изобилует страшными следами прошлого, свидетельствующими о виселицах, жутких убийствах и отважных побегах» — так кратко написано об этом периоде в истории острова. В 1855 году каторга была упразднена,

всех заключенных вывезли на Тасманию. Но без жителей остров оставался всего лишь несколько месяцев. Новый период в его истории начался в 1856 году: сюда с острова Питкерн были насильственно переселены английскими властями потомки мятежного экипажа «Баунти»: 40 мужчин, 47 женщин и 107 детей. Часть поселенцев через несколько лет возвратилась на остров Питкерн, а оставшиеся смешались с пришлым населением из Австралии и других островов. В 1914 году Норфолк был включен на положении колониального владения в состав Австралийского Союза. Ныне Норфолк, как и Лорд-Хау,— курорт и туристический центр Австралии и одновременно заповедник.

«Дмитрий Менделеев» стал на якорь в полумиле от берега в спокойной бухте Сидней. Высадка производилась катерами. Мы причалили к пирсу, построенному возле старых толстых каменных стен без крыши,— когда-то здесь было большое солидное здание.

— Остатки бывшей каторжной тюрьмы,— пояснили нам.

Перед нами простиралась широкая панорама острова. От берега океана отходила ровная прибрежная долина с отдельными островками темно-зеленых рощиц и группами небольших домов — поселок Кингстон. За нею — несколько небольших холмов, которые вдаль переходили в пологий склон зеленой горы с двумя округлыми вершинами Питт и Бэйтс высотой около 315 метров. Только в бухте Сидней был ровный низкий песчаный берег, а справа и слева — крутые обрывистые берега. В глубине прибрежной равнины виден большой старинный дом в окружении отдельных высоких деревьев и цветущих кустарников — резиденция губернатора.

К пирсу подходит автомашина: губернатор острова приглашает к себе руководителей экспедиции. Едем в его резиденцию. Этот дом в английском викторианском стиле, построенный руками каторжан, многое видел на своем веку. Здесь творили суд и расправу начальники британской каторжной колонии, потом он стал административным центром, откуда английские, а затем австралийские губернаторы управляли островом.

Губернатор Чарльз Баффит рассказывает о Норфолке:

— Остров небольшой: длина его 5 миль, ширина 3 мили, живет на нем около двух с половиной тысяч жителей. Значительная часть территории острова, что вне жилых поселков, объявлена заповедником. Но в то же время это остров-курорт: в курортный сезон, как сейчас, сюда приезжает одновременно тысяча и более туристов. А за год посещают его 12—15 тысяч гостей. Это, конечно, осложняет охрану среды, но, к счастью, мы имеем мало случаев нарушений охраны природы...

Остров — родина высоких красивых хвойных деревьев — реликтовой норфолкской сосны. Правда, в последующем ее рассе-

лили и по другим островам, но родина ее — остров Норфолк. Поэтому она и называется так повсюду...

Губернатор интересуется, чем может помочь советским гостям, и, узнав, что мы хотим осмотреть остров и время наше ограничено, тут же дает распоряжение вызвать две легковые автомашины. Нашими гидами становятся жена губернатора Ванда Баффит и его помощник.

От резиденции губернатора шоссе идет постепенно вверх по склону вулкана и выводит на ровное плато. Останавливаемся на улице поселка Барнт-Пайн. Собственно, это только одна широкая улица вдоль шоссе, застроенная небольшими магазинами, уютными жилыми домиками и несколькими более крупными деловыми зданиями. Это деловой центр острова. Здесь находятся банк, почта, школа, больница, конторы проката автомашин, рестораны, даже магазин бытового обслуживания и много сувенирных лавок.

— Немалый доход приносит продажа почтовых марок, они очень ценятся филателистами,— объясняют наши гиды.

— А доходы жителей?

— Торговля, и прежде всего продажа сувениров. Также сфера обслуживания...

Конечно, мы покупаем на почте марки и заходим затем в соседний магазин, чтобы купить открытки с видами острова и его выпел. Флегматичный хозяин лавочки, пожилой высокий брюнет, оживает, когда узнает, что мы из Советского Союза.

— Известно ли в вашей стране о «Баунти»? — спрашивает он.

Заверяем его, что эта история неоднократно освещалась в советской печати.

— Так вот, вы видите перед собой живого потомка тех, кто поднял бунт на «Баунти» в 1790 году,— с довольным видом закончил он.— И многие жители нашего поселка тоже, как и я, имеют своими предками английских матросов и таитянок...

Наш путь лежит к вершине горы. Это потухший вулкан с пологим южным склоном, обжитым людьми. Его северный склон круто обрывается к океану. Дорога проложена через рощи норфолкской сосны. Эти очень стройные и высокие деревья с кистями длинных темно-зеленых игл на изящных ветвях действительно служат украшением острову. Макушка горы открытая, поросла травой, но чуть ниже уже идут густые заросли сосны. С вершины открывается чудесный вид на синие просторы океана, зеленые склоны и бурые обрывистые скалы вулкана, песчаный пляж у поселка Кингстон.

Обратно возвращаемся другим путем. В юго-западной части острова на ровном плато увидели здание аэровокзала.

— Теперь у нас свой аэропорт,— с гордостью сообщили наши спутники.— Недавно построили две взлетно-посадочные полосы, но только для небольших винтомоторных самолетов. Мы связаны

теперь воздушным сообщением с Сиднеем — это 930 миль — с промежуточной посадкой на Лорд-Хау, а также с Брисбеном и Оклендом.

— А как часто совершаются рейсы?

— В Австралию — три рейса в неделю, в Новую Зеландию — два.

Через несколько километров машина останавливается около внушительной красивой церкви.

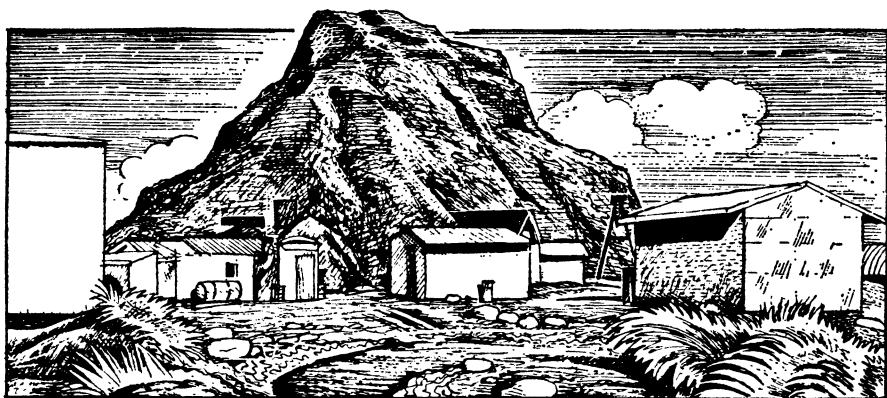
— Это наш кафедрал, — продолжают объяснять гиды. — Мемориальная церковь епископа Паттерсона. Построила его лет 80 назад Меланезийская миссия англиканской церкви. Правда, через несколько лет миссия переселилась на Соломоновы острова — здесь ведь не было туземного населения, а храм оставили в наследство норфолкцам.

Мы расстались с любезными хозяевами возле пирса и оставшееся время решили посвятить пешеходной экскурсии по прибрежной части и поселку Кингстон. Эта часть острова уже начинает приобретать типичный курортный вид. Здесь построено несколько гостиниц, правда небольших, рестораны и бары. Ровные зеленые площадки заняты гольфклубами и теннисными кортами.

В этот день на острове было многолюдно: многие прибыли сюда, чтобы провести здесь рождественские каникулы. Особенно много молодежи.

Вообще участники нашей экспедиции встретили здесь доброжелательное внимание. Местные жители и туристы охотно вступали в разговоры, предлагали быть гидами, задавали вопросы о советском судне и задачах экспедиции, интересовались профессиями научных работников, жизнью в нашей стране. К «Дмитрию Менделееву», стоявшему на якоре на рейде, подплывали катера и лодки, их пассажиры хотели попасть на судно и осмотреть его.

Но наша стоянка была ограничена только одним днем, поэтому от приема посетителей пришлось отказаться.

НА ПОРОГЕ АНТАРКТИКИ

НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ МАККУОРИ

Конец марта 1956 года. Флагман первой комплексной антарктической экспедиции Академии наук СССР дизель-электроход «Обь» покидает Антарктику. Позади высадка на ледяной материк первых советских людей, постройка первой советской научной станции Мирный. Месячный рейс «Оби» вдоль берегов Антарктиды по местам, не всегда отмеченным на карте. Капитан И. А. Ман проложил курс «Оби» от островов Баллени на север, к Новой Зеландии. На нашем маршруте в Тихоокеанском секторе Южного океана небольшой субантарктический остров Маккуори. Мы знаем, что там находится австралийская научная станция. Вполне естественно желание зайти на этот остров, тем более начальник экспедиции В. Г. Корт и капитан получили любезную радиogramму с приглашением от зимовщиков острова.

Постоянная научная станция была здесь создана в 1948 году. Она входит в систему АНАРЭ — Австралийской научной антарктической исследовательской экспедиции, подчиненной Антарктическому отделу МИД Австралии.

История острова Маккуори мало чем отличается от судьбы других субантарктических островов. Он был открыт в 1810 году капитаном зверобойного судна «Персеверанс» Фредериком Хасельборо, который назвал его так в честь губернатора Нового Южного Уэльса Л. Маккуори. Капитан высадил на остров для забоя морских котиков группу во главе со своим помощником Холдингом, а сам срочно направился в Сидней, чтобы лично до-

ложить главе зверобойной компании Кэмпбеллу об открытии им доселе неизвестного острова, густо заселенного морским зверем. Однако эта новость скоро перестала быть секретом, и к острову Маккуори устремились другие зверобойные суда. Уже в 1811 году команды только двух судов фирмы «Кэмпбелла» — «Персеверанс» и «Элизабет и Мэри» — забили около 57 тыс. морских котиков, а в 1913 году было добыто 180 тыс. котиковых шкурок. За котиками наступила очередь морских слонов: в 1826 и 1827 годах с острова было вывезено по тысяче тонн тюленьего жира. К 1834 году морские слоны тоже были почти истреблены, так же как и королевские пингины. Остров потерял промысловое значение и перестал посещаться зверобойными судами. Но так как он лежал на пути, ведущем из Австралии и Новой Зеландии в Антарктику, на него нередко заходили экспедиционные суда: в 1820 году — корабли первой русской антарктической экспедиции «Восток» и «Мирный», в 1834 году — «Пикок» и «Летающая рыба» антарктической экспедиции Ч. Уилкса (США), в 1901 году — экспедиция Р. Скотта, в 1909 году — Р. Шеклтона, в 1911 году — Д. Моусона.

Дуглас Моусон первым оценил важное стратегическое положение острова в центре Южного океана (он находится примерно в равном расстоянии от Новой Зеландии, острова Тасмания и побережья Антарктиды) и в декабре 1911 года организовал там первую в Антарктике станцию беспроволочного телеграфа и временную научную станцию, просуществовавшие до ноября 1913 года. Именно сотрудники экспедиции Моусона, прожившие два года на острове Маккуори, составили полное физико-географическое его описание и подробную карту. В 1933 году остров Маккуори был подчинен губернатору штата Тасмания и по инициативе Моусона объявлен заповедником.

У берегов густые заросли подводных лесов гигантских и необыкновенно прочных бурых и зеленых водорослей. Они грозят опутать винт катера. Никаких признаков причала или ковша нет. Высаживаться надо прямо на прибрежные камни. Прыгаем в набегающие волны. Наиболее счастливые попадают в воду только до колен. Стоя по пояс в воде, нам помогают матросы Сафронов и Акимьин. С ними рядом также по пояс в воде австралиец в сером форменном костюме. Первое знакомство с ним происходит... в воде. Это начальник антарктической станции и всего острова Жан Адамс.

Он сразу же приглашает приступить к осмотру станции. Начинаем с научных павильонов. Перед входом в геомагнитный павильон мы оставляем на пороге фотоаппараты, ножи и другие металлические вещи. Дальше — ионосферная станция, павильон сейсмологии, обширное помещение аэрометеорологов. В каждом павильоне нас приветливо встречают специалисты, показывают

работу приборов, дают пояснения. Коллектив станции состоит преимущественно из молодежи. Отпущенные бороды не всегда придают им солидность. Адамс — среднего роста, худощавый, с быстрыми и энергичными движениями, с густой щеткой непокорных черных волос на голове, пожалуй, самый старший и единственный безбородый среди персонала. Ему тридцать лет.

Заходим на радиостанцию. Навстречу поднимается, широко улыбаясь, радист Джон Скотт. Мы на мгновение застываем в изумлении: такой необыкновенной густой и черной бороды, пожалуй, еще ни разу в жизни не видели.

На электростанции встречаем высокого и тоже чернобородого с застенчивой улыбкой инженера Гарри Прайса. В продовольственном складе Адамс, лукаво улыбаясь, достает с полки банку консервов. Мы видим на ней знакомую этикетку рыбных консервов с Камчатки. Адамс доволен произведенным эффектом.

В заключение — осмотр кают-компаний. Едва переступаем порог, включается радиола, комната наполняется чудесными звуками вальса из балета «Лебединое озеро». На лицах австралийцев расплываются довольные улыбки. Подхожу к радиоле. Судя по заигранному виду пластинок, музыка П. И. Чайковского пользуется здесь популярностью.

Над островом спустилась темнота. Ветер с шумом пронесся над крышей дома, порывами бил в окна. Наш капитан Ман пошел на берег и, вернувшись, только покачал головой: в такую погоду посадка на катер опасна. Австралийцы радушно предложили остаться переночевать. Меня с товарищами поместили в комнате радистов, где на нас не только со стен, но и с высоты потолка смотрели с больших фотографий ослепительно красивые кинозвезды.

Туманное утро. За нами подходит катер. Не доходя до берега, он отдает якорь. Но мощный прибой продолжает нести катер к берегу. Полным ходом назад работает мотор, якорь волочится по каменистому грунту. Вот уже выброшен катер на прибрежные камни, волны безжалостно бьют его, заливают водой. Мотор чихнул и остановился. В воду бросаются наши моряки и австралийцы. Впереди Адамс. Прибой накрывает людей с головой, но они самоотверженно борются за спасение катера. Инженер Гарри Прайс быстро приводит со станции небольшой трактор-бульдозер и берет катер на буксир. Несколько раз рвутся толстые манильские канаты. Снова уходит на станцию трактор и привозит длинную цепь.

Мы дружно тянем за канаты, и вскоре катер закачался на волнах и вельбот отводит его на буксире к «Оби».

На «Обь» направляются также Адамс с биологом Кейтом и физиком Макдональдом. Первая наша забота по прибытии на судно — переодеться в сухую одежду. Мы, можно сказать, дома,

а промокшим насквозь гостям необходима срочная помощь. В просторной каюте стармеха Белова гости переодеваются в чистое белье, сухие костюмы. Особое удовольствие доставляют им валенки — австралийцы увидели их впервые и сразу же оценили по достоинству. К радости гостей эти валенки были им подарены. Австралийские ученые осматривают корабль, знакомятся с его устройством, посещают лаборатории — всюду их встречают внимательно и предупредительно. На память им дарят книги, советские почтовые марки. Адамс и его товарищи тронуты проявлением дружеских чувств, и, когда от борта корабля отходит вельбот, они поднимаются во весь рост, и до нас доносится, перекрывая шум мотора, их громкое троекратное «гип-гип-ура!!!».

«Обь» отходила от острова Маккуори уже в темноте. Лишь несколько огоньков приветливо мигали из домиков антарктической научной станции.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Январь 1976 года. Я на палубе современного корабля науки «Дмитрий Менделеев». Держим курс к острову Маккуори. Январь — середина лета в южном полушарии, но океан непрерывно штормит, и уже много дней над нами клубятся серые тучи и ни единого просвета голубого неба.

— Шторм восемь баллов, — вот уже несколько дней подряд каждое утро сообщает капитан А. С. Свитайло.

— А какие перспективы на улучшение погоды?

— Надежды мало. Вот видите на синоптической карте эту цепочку циклонов? Они двигаются один за другим вокруг Антарктиды с запада на восток и захватывают район работ нашей экспедиции. Единственная возможность — использовать момент кратковременного затишья.

Таким удобным моментом стало утро 22 января, когда над северной частью острова оказался гребень более высокого атмосферного давления между двумя областями низкого давления и сила шторма стихла до 5 баллов.

— Будем высаживаться под прикрытием острова в бухте Баклс на восточный берег узкого перешейка, — решили начальник экспедиции Л. А. Пономарева и капитан А. С. Свитайло.

«Дмитрий Менделеев» вошел в бухту Баклс рано утром и стал на якорь в полумиле от берега. С борта судна в бинокль было видно, что на берегу у поселка научной станции подняты государственные флаги СССР и Австралии, но у берега не было видно ни пирса, ни катера.

С понятным чувством волнения рассматриваю знакомую картину: слева — уходящая за горизонт гористая громада острова, прямо — узкий перешеек отделяет его от холма Уайрлесс-хилл с

торчащими тоненькими радиомачтами, а еще правее — два небольших скалистых островка Джодж и Клерк в нескольких милях от северной оконечности острова. На борту «Дмитрия Менделеева» сейчас находятся три ветерана первой антарктической экспедиции на «Оби»: член-корреспондент АН СССР ихтиолог А. П. Андрияшев, доктор географических наук геоморфолог А. В. Живаго и автор этих строк.

Мы подошли на катере и остановились метрах в 20 от берега, и, хотя длинные плети гигантских бурых и зеленых водорослей гасили силу волн прибоя, дальнейший подход к берегу был уже опасен: катер могло выбросить на мелководье. Быстро спущен за борт резиновый плотик, на него переходят первые пять человек во главе с капитаном. Сильный бросок на берег буксирного конца — и стоящие на берегу австралийцы подхватывают его и, перебирая руками, подтягивают на галечный пляж наш спасательный плотик.

Тут же на берегу дружеские рукопожатия, первое знакомство. Нас встречает начальник станции Питер Маккензи с коллегами. А по склону холма и каменистому берегу уже спешат к месту высадки новые обитатели острова.

Приступаем к осмотру станции и ее окрестностей. Я отмечаю большие перемены, происшедшие здесь за 20 лет. Поселок станции вырос, вернее, сейчас он состоит уже из двух частей. На низкой ровной поверхности узкого перешейка, покрытой галькой и отдельными зелеными островками травы туссек, расположены здания нескольких лабораторий, радиобюро, почта, служебные помещения, топливная база (склад сжиженного газа), хозяйственные склады, мастерские. Все эти службы размещены в сборных щитовых домах, состоящих из трех-четырёх комнат.

Начальник станции Питер Маккензи, высокий представительный средних лет мужчина с небольшой темной бородой, знакомит нас со станцией и рассказывает о ее деятельности.

— Сколько человек находится сейчас на острове? — задаем ему вопрос.

— На сегодня здесь 28 человек, — отвечает он. — В постоянном зимовочном составе 18 и в сезонной летней партии 10 человек.

Научные работники станции оказались гостеприимными хозяевами. Руководитель геофизической лаборатории Питер Годлей весьма обстоятельно ознакомил группу наших геофизиков во главе с А. М. Городницким с научным оснащением своей обсерватории, рассказал о комплексе проводимых работ по измерению космической активности, сейсмике, ионосферным наблюдениям и геомагнитным измерениям. Полезную экскурсию вдоль восточного берега провели геологи во главе с А. В. Живаго. По их мнению, низменный берег в районе станции представляет собой на-

носную перемышку из песчано-галечного материала, соединившую два отдельных высоких острова. Наиболее обширные исследования провели биологи — это понятно, ведь наша экспедиция в основном биологическая. Они провели интересные сборы литоральной фауны. Биологи местной станции Тони Балкок и Джео Копсон помогли советским коллегам в сборе коллекций, показали биологическую лабораторию станции, познакомили со своими работами. Копсон, например, занят здесь проблемой охраны среды. Когда-то сюда была завезена пара кроликов. Они быстро расплодились, одичали и расселились по всему острову. И вот биологам экспедиции поручено изучить их влияние на экологию острова.

Если за истекшие 20 лет значительно изменилась и расширилась деятельность человека-исследователя на острове, то совсем не было заметно изменений ни в ландшафте острова, ни в его животном и пернатом населении. Мы совершили экскурсии по гористой и равнинной частям острова и увидели, что скалы Уайрлесс-хилл еще гуще усеяны колониями пингвинов «роккхopper», что стаи королевских пингвинов на пляжах еще многочисленнее и что возлежающие среди кочковатых зарослей туссека стада морских слонов встречаются чаще.

Видовой состав фауны острова остался тот же, но благодаря тому что остров является заповедником и что животные и птицы находятся под охраной человека, численность их не падает, а возрастает.

Возвращались мы на судно вместе с группой австралийцев. Посадку на катер также совершали только с помощью спасательного резинового плотика. Наши гости не скрывали своего восхищения кораблем и его оснащением — они впервые попали на такой большой корабль науки — плавучий институт.

Отправив гостей обратно на берег и дождавшись возвращения катера, капитан подал команду «Вира якорь», и вскоре над притихшей в белесых летних полярных сумерках бухтой Баклс прозвучали три прощальных гудка «Дмитрия Менделеева». Судно направилось в район работ, на желоб Маккуори. Утром следующего, 23 января снова бушевал вокруг нас восьмибалльный шторм, напominвший нам, что «неистовые пятидесятые» даже в разгар лета не оставляют океан в покое.

В ЗАЛИВЕ ПЕРСЕВЕРАНС

Остров Кэмпбелл, так же как и острова Маккуори, входит в единую геологическую структуру. Еще в Москве, когда составлялся план 16-й экспедиции на «Дмитрии Менделеева», в него включили посещение острова Кэмпбелл — об этом единодушно про-

силы и биологи и геологи. Но как потом оказалось, получить разрешение властей Новой Зеландии на этот заход оказалось совсем не просто, так как остров является заповедником со строгой охраной его природы.

Когда наше судно стояло в порту столицы Новой Зеландии Веллингтоне, к начальнику экспедиции явился уполномоченный МИДа этой страны профессор Харли, чтобы выяснить программу работ советских ученых на этом острове. На следующий день профессор приехал вновь и положил на стол документ на четырех листах для подписи начальником экспедиции. В нем содержался перечень условий, которые должны были соблюдать посетители острова-заповедника Кэмпбелл по охране его природы. Вот его основные положения:

- капитан должен дать гарантию, что на судне нет грызунов и что судно не будет пришвартовываться к берегу;

- высадка разрешается только у научной станции;

- при посадке на шлюпки все вещи и оснащение должны быть проверены, чтобы убедиться в отсутствии грызунов;

- запрещается брать с собой на остров собак, кошек, птиц, насекомых, не разрешается заносить на остров никаких растений или семян; перед тем как сесть в шлюпку, каждый должен тщательно вычистить одежду и обувь, особо уделить внимание манжетам брюк, карманам, носкам, подошве обуви, сумкам, чтобы убедиться в отсутствии семян. Эти меры необходимы для предотвращения угрозы флоре и фауне острова.

Для нашей экспедиции было сделано следующее исключение: разрешалось взять для научных целей образцы литоральной фауны, наземных моллюсков и насекомых, геологические образцы при условии, чтобы эти сборы не наносили ущерба растительным и животным сообществам, а геологические образцы брать только с поверхности и руками, причем так, чтобы не повредить растительности, почвы и торфа. При этом запрещалось собирать образцы в местах гнездовий птиц и даже входить в них.

Только после того как начальником экспедиции Л. А. Пономаревой были подписаны все эти условия, экспедиция получила разрешение на высадку и работы на острове Кэмпбелл. Перед отходом из Веллингтона у нас появился новый пассажир: молодой научный работник местного Института океанографии Кен Грейндж. Он оказался весьма общительным и трудолюбивым, и, поскольку был биологом-специалистом по моллюскам, его включили в отряд бентоса.

Субантарктический остров Кэмпбелл расположен в Южном океане на 55-м градусе южной широты. Он был открыт в том же 1810 году, как и остров Маккуори, тем же капитаном Хассельборо на зверобойной шхуне «Персеверанс» и был назван им так в честь главы сиднейской промышленной фирмы Дж. Кэмпбелла.

Благодаря хорошо защищенному заливу Персеверанс остров стал одной из излюбленных баз китобойных и зверобойных судов — там они находились под надежной защитой даже в самые свирепые штормы. Относительно теплый климат и сильно увлажненная почва способствовали тому, что поверхность острова покрыта вечнозеленой растительностью даже на большой высоте. Деревьев, правда, нет, но есть обширные заросли кустарников. Однако остров скоро потерял промысловое значение (морские слоны и тюлени были там быстро выбиты), и его в 1895 году оккупировали овцы. В 1969 году их еще насчитывалось 3000 голов. В 1970 году большинство овец было забито, но и поныне на острове пасется около тысячи овец. В результате хищнического овцеводства экосистеме острова был нанесен большой урон: ценные сорта трав уничтожены, почва в значительной степени эродирована. Чтобы предотвратить гибель природы острова, правительство Новой Зеландии в 1959 году объявило его заповедником строгой охраны фауны и флоры.

Вот какие краткие сведения по истории острова Кэмпбелл удалось получить нам, пока мы находились в Новой Зеландии. Теперь предстояло ступить на землю этого острова и увидеть все своими глазами. До сих пор еще ни одно советское экспедиционное судно не посещало его. Мы — первые.

Январь 1976 года. Экспедиция работает в Тихоокеанском секторе Южного океана. Непрерывно штормит. Но вот и долгожданный остров Кэмпбелл. Пока он виден только на экране локатора, хотя уже близко: густой туман закрывает его. Наше судно подошло к острову ночью и легло в дрейф. В пять утра следующих суток, едва забрезжил ранний рассвет, запущена машина, и «Дмитрий Менделеев» начал тихо продвигаться к входу в залив. Видимости почти никакой. Свинцово-серые волны сердито бьются о стальную борт корабля. Капитан Свитайло ведет судно по локатору.

Вот наконец и желанный залив Персеверанс, и едва мы вошли в него, как обстановка резко изменилась. Волны только слегка рябили водную поверхность залива, туман рассеялся. Залив глубоко врзается в остров, берега его отвесны и неприступны и поэтому имеют хотя и живописный, но суровый вид. Прошло еще добрых два часа, пока мы дошли до траверза обсерватории на северо-западной части залива и стали на якорь в миле от берега.

Нашего прихода уже ждали. В бинокль можно было видеть оживленное движение на берегу. Видно было, как от пирса отошел катер, и вскоре на борт «Дмитрия Менделеева» поднялся начальник обсерватории, он же главный администратор острова Питер Эдди. Вскоре все формальности были быстро улажены, составлен план экскурсий, и началась высадка.

Нашу группу ведет энтомолог и морской биолог Питер Джонс, преподаватель биологии в университете Кристчерна.

Идти довольно трудно. Узкая тропинка вьется в чащах густого кустарника. По мере подъема кустарник редет и с высоты 150 м над уровнем моря уступает место обширным травянистым зарослям. Торфянистая рыхлая почва насквозь пропитана влагой, вода хлюпает под ногами. Тропинка выводит нас к длинной проволоочной изгороди.

— Остров перегорожен пополам этой сеткой,— поясняет Джонс,— чтобы не пускать овец из южной части в северную.

Действительно, к югу от изгороди в зеленых ложбинах мы видим небольшие отары пасущихся овец.

— Овцы — бич острова,— продолжает Джонс.— Мы добиваемся, чтобы их здесь не было совсем.

Еще перед началом экскурсий начальник станции Питер Эдди рассказал:

— На нашем острове созданы уникальные условия для гнездовий морских птиц, и мы тщательно охраняем их колонии.

— Какие же птицы гнездятся здесь?

— Прежде всего странствующие альбатросы — их здесь больше четырех тысяч пар. Несколько меньше южных королевских альбатросов. Здесь есть также колонии антарктических поморников, гигантских буревестников, чернобровых и дымчатых альбатросов, более мелких буревестников, как китовая птичка и капский голубь. На побережье гнездятся белоголовые бакланы — это местный эндемичный вид.

— А морские звери?

— Их сравнительно меньше, чем на других субантарктических островах: здесь мало пляжей, они находятся лишь в вершинах бухт. Больше всего у нас морских слонов и морских котиков, заплывают сюда и морские львы и морские леопарды. Я забыл упомянуть еще о пингвинах — их здесь четыре вида. Вся эта фауна находится под охраной закона,— заключает Эдди.

— Нелегко такому маленькому коллективу обеспечить охрану природы всего острова,— замечает П. В. Кованов.

— Больше всего тревог нам доставляют заходы в залив китобойных судов,— отвечает Эдди.— Их экипажи не считаются ни с какими законами об охране среды. К счастью, сейчас такие заходы становятся реже, и по каждому случаю нарушений мы подаем официальный протест через МИД нашей страны.

Питер Джонс ведет нашу группу к лежбищу морских слонов и гнездовьям пингвинов. Совершаем подъем на вершину невысокой сопки, спускаемся вниз и оказываемся на низменном берегу небольшой бухты — ответвлении залива Персеверанс.

На илистом пляже возлегают два стада морских слонов — в каждом десятка по два животных. В одном — самки, в другом —

молодняк. В центре каждой группы повелитель стада — самец. Еще два самца лежат с краю и, видимо, несут сторожевую службу. Наш приход несколько не потревожил их, только оба стража открыли глаза, приподняли головы, угрожающе хрюкнули и снова погрузились в дремоту. Несколько поодаль от лежища слонов разгуливала стая пингвинов. Увидев пришельцев, они пришли в легкое смятение, захлопали крыльями, погоготали — видимо, обменялись мнениями на своем птичьем языке — и быстро успокоились, застыв в своих горделивых позах перед несколькими фотообъективами.

— Теперь я поведу вас в центральную часть острова к гнездовьям гигантских буревестников, — пообещал Питер и показал рукой в сторону высоких горных хребтов.

Это был длинный и утомительный путь вверх по склонам и по торфянистым долинам, когда порою приходилось чуть ли не силком пробираться через непроходимые заросли жестких колючих ветвей кустарника или перепрыгивать с кочки на кочку, чтобы не шлепать по колена в лужах стоячей воды. И вот когда взят очередной подъем и, казалось, уже израсходованы последние силы, Питер Джонс остановился, предостерегающе поднял руку и приложил палец к губам.

Среди кочек темно-зеленой жесткой травы мы увидели несколько больших белых птичьих голов — это буревестники сидели в гнездах на яйцах, высидевшие птенцов. Они с некоторым удивлением глядели на неожиданных гостей, не проявляя никакого беспокойства и даже не делая попытки взлететь, когда наш гид подошел к гнезду совсем близко. Действительно, край непуганых птиц, а вернее, они каким-то инстинктом чувствуют, что здесь человек для них не враг.

Возвращаясь обратно, миновали несколько запущенных, полуразрушенных домиков.

— Здесь во время войны была военная метеостанция, — пояснил Питер.

Нынешняя обсерватория имеет весьма солидный вид. В отличие от острова Маккуори, где все строения и научные павильоны расположены на ровном месте, здесь обсерватория обосновалась на склоне большого холма, разбросав свои домики и научные павильоны в живописном беспорядке в зелени высоких кустов.

— На острове Кэмпбелл действует многолетняя комплексная экспедиция, — рассказывает Питер Эдди, — летом здесь работает до 29 человек, которые входят в три группы: биологическую, метеорологическую и геолого-геофизическую. Продолжительность летних комплексных исследований 4—5 месяцев. На зиму здесь остается 11 человек — синоптики, радисты, техники, повар. Сейчас нас здесь сравнительно мало. — И Питер указал на группу

своих коллег.— Многие улетели отсюда, чтобы провести дома рождественские каникулы.

Хозяева острова познакомили нас с работами обсерватории, показали лаборатории, радиостанцию, жилье. Руководитель геофизической лаборатории Касс Ройер рассказал нашим геофизикам о проводимых геомагнитных, сейсмических и ионосферных наблюдениях, провел с ними отбор образцов изверженных пород для последующего палеомагнитного анализа. Геологи прошли маршрутом по берегу вокруг вершины бухты Персеверанс, собрали коллекции горных пород.

— Что вы скажете о геологическом строении острова? — спросил я Живаго.

— По нашему мнению, — ответил Александр Васильевич, — это мощный вулканический массив куполовидной формы, но уже в сильной стадии разрушения с центром в окрестностях бухты Персеверанс. Склоны его подвержены сильной эрозии и выветриванию. Геологическое строение острова во многом сходно со строением Новой Зеландии и острова Маккуори.

Ну а биологи, самый многочисленный отряд в коллективе экспедиции, обошли побережье бухты, собрали богатые коллекции литоральной фауны и гербарии эндемичной флоры, обследовали места гнездовий буревестников и альбатросов. Их гидом был эколог Колин Мерк, студент-дипломник университета в Дандине.

По заведенной традиции в конце дня на борту судна был организован ответный прием для гостеприимных обитателей острова Кэмпбелл. Как принято указывать в таких случаях в протоколе, прием прошел в теплой и дружеской обстановке. Сначала гостей ознакомили с лабораториями, а потом все собрались в кают-компании.

Гостем лаборатории биохимии был Колин Мерк. Начальник этого отряда Эдуард Светайло и научный сотрудник Марина Чеботарева с особой теплотой приняли своего гостя, когда узнали, что сегодня день его рождения, и преподнесли ему подарки. Уже после выхода в море радист принес им такую радиограмму от Мерка: «Мы стали друзьями, и после вашего отплытия я особенно остро ощущаю Ваше отсутствие и не могу даже найти нужных слов. Передайте, пожалуйста, мою прочувствованную благодарность всем моим друзьям, которые были такими щедрыми, и я сохраню в своей памяти как сокровище сердечность Вашего коллектива».

Покидая вечером корабль, новозеландские ученые выразили большое удовлетворение от встречи с советскими коллегами и пожелали, чтобы такие встречи были возможно чаще. Заходите к нам чаще...

Катер с новозеландцами отошел от борта корабля и помчал-

ся к берегу, и через несколько минут до нас донесся дружный хор голосов: «Привет! Привет!..»

«Дмитрий Менделеев» ответил тремя прощальными гудками и направился к выходу из залива Персеверанс. Участники экспедиции приступили к своей повседневной работе в лабораториях и на палубе.

В лабораторию бентоса вошел сияющий Грейндж.

— Кен, вы довольны сегодняшним днем?

— О, еще бы! — воскликнул Кен. — Я желаю, чтобы наши встречи и контакты всегда были бы проникнуты таким духом дружбы...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы совершили широтный маршрут по нескольким островам Тихого океана от северной границы тропической зоны до Антарктики. Побывали на «процветающих» островах — Гавайских и Таити, где могли убедиться, что их внешнее процветание происходит во имя обогащения заокеанских компаний, а не в интересах коренного населения. На островах Маркизских и острове Пасхи мы могли видеть безрадостные и бесперспективные судьбы их коренных жителей. Познакомились мы с двумя островами-курортами, посетили остров Тасмания — здесь наше внимание привлекли прежде всего меры по охране дикой природы. Свое путешествие завершили на двух субантарктических островах, где нет постоянных жителей, а проживает только временный персонал научных станций. Здесь мы имели возможность познакомиться с этими островами как островами-заповедниками и научными форпостами.

Судьба тихоокеанских островов различна. Иные превращены в военные базы или полигоны для испытаний новых видов разрушительного оружия. Другие попали в сферу бизнеса. На третьих ведется интенсивная разработка минеральных богатств для вывоза на материк. Наконец, жители некоторых островов стали независимыми и пытаются обрести национальную самостоятельность.

Таким образом, жизнь на островах Тихого океана полна политических и социальных противоречий: с одной стороны, жажда колониальных держав укреплять свое господство, не стесняясь в методах, захват монополиями в свои руки экономики и устремления проникнуть в новые сферы, подавление основных прав человека у остатков коренного населения — настоящих хозяев этих островов; с другой стороны, усиление борьбы за национальную независимость, приведшее к разрыву нескольких звеньев в цепи колониальной системы, появление и рост новых суверенных государств. И чем сильнее нарастают противоречия, тем более коварными и жестокими способами действует империализм на островах Тихого океана. Неоколониализм не гнушается ничем, чтобы закрепить и усилить свои позиции, а силы прогресса еще недостаточно сильны и организованны, чтобы дать ему решительный от-

пор. В главах этой книги читатели могли видеть, какие пагубные последствия вызывает проникновение колониализма и монополий в традиционную, сложившуюся веками, социальную систему островитян и на экосистемы островов Тихого океана.

На протяжении последних десятилетий делалось и делается много попыток как в масштабах всей Тихоокеанской области, так и в более узких региональных и национальных рамках, чтобы предотвратить хищническое отношение к природным богатствам островов Тихого океана, упорядочить их использование, охранять природу, способствовать развитию экономики и культуры в интересах населения островов.

К этому направлена деятельность такой крупнейшей международной организации, как Тихоокеанская научная ассоциация, организованная в 1925 году. Ее членами являются 80 стран (они представлены своими ведущими научными учреждениями), расположенных в Тихоокеанской области или граничащих с ней. В уставе Ассоциации так сформулированы ее основные цели:

«1) проявлять инициативу и способствовать сотрудничеству в деле изучения научных проблем, относящихся к Тихоокеанской области, особенно тех, которые касаются роста благосостояния и процветания народов Тихоокеанского региона;

2) укреплять мирные связи между народами, населяющими Тихоокеанскую область, содействуя развитию чувства братства между учеными всех стран Тихоокеанской области».

Наша страна представлена в Ассоциации Академией наук СССР, при которой создан постоянно действующий Национальный комитет Ассоциации. Советские ученые принимают активное участие в деятельности Ассоциации. Очередной XIV Тихоокеанский научный конгресс прошел впервые в нашей стране (в августе — сентябре 1979 года в Хабаровске), подготовка конгресса была возложена на Академию наук СССР. Девизом XIV конгресса провозглашена гуманная идея: использовать природные ресурсы Тихоокеанской области на благо мирного развития человечества.

Конечно, Ассоциация не в состоянии решить все острые проблемы Тихоокеанской области, несмотря на такую полную представительство, ибо она выносит только рекомендации правительствам стран по проведению тех или иных мероприятий. Но голос ее достаточно авторитетен. Ассоциация сыграла и продолжает играть положительную роль в объединении ученых в постановке решений ряда актуальных проблем, в создании духа сотрудничества, в укреплении и расширении связей между ее членами, в развитии ряда научных учреждений в Тихоокеанской области. В программе XIV Тихоокеанского научного конгресса, как и в предыдущих, большое место занимали насущные проблемы островов Тихого океана.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

РОЖДЕННЫЕ ВУЛКАНАМИ

9

АЛОХА

9

НА ОСТРОВЕ ОРХИДЕЙ И ВУЛКАНОВ

26

В БЫВШЕЙ СТРАНЕ СВЕТА

51

ЖЕМЧУЖИНА ПОЛИНЕЗИИ

62

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

62

ТАИТИ В НАСТОЯЩЕМ

83

ДЕНЬ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

96

В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ ТАСМАНИИ

108

ОСТРОВА-КУРОРТЫ

118

В МОРЕ ТАСМАНА

118

НА СТЫКЕ ТРЕХ МОРЕЙ

124

НА ПОРОГЕ АНТАРКТИКИ

128

НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ МАККУОРИ

128

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

131

В ЗАЛИВЕ ПЕРСЕВЕРАНС

133

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

140

Сузюмов Е. М.

С 80 Тихоокеанским маршрутом.— М.: Мысль, 1980.— 142 с., карт., 4 л. ил.
50 к.

Книга участника экспедиций АН СССР на научно-исследовательских судах в Тихом океане знакомит читателя с природой ряда островов, историей их заселения, современным состоянием их природных ресурсов, экономикой, культурой и бытом населения. Большое внимание автор уделяет деятельности человека на островах, вопросам охраны их уникальной природы.

С $\frac{20901-035}{004 (01)-80}$ 166-80

91 (И9)

СУЗЮМОВ ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВИЧ
ТИХООКЕАНСКИМ
МАРШРУТОМ

ИБ № 1502

Заведующий редакцией *О. Д. Катагощин*
Редактор *С. Я. Проходцева*
Редактор карт *Л. М. Гусева*
Младший редактор *Л. И. Васильева*
Художественный редактор *Е. А. Якубович*
Технический редактор *Л. П. Гришина*
Корректор *Н. С. Приставка*

Сдано в набор 27.07.79. Подписано в печать 25.01.80. А02013. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Высокая печать. Литературн. гарн. Усл. печатных
листов 8,83 (с вкл.). Учетно-издательских листов 9,59 (с вкл.). Тираж 70 000 экз.
Заказ № 415. Цена 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Воровская, 28

50 коп.

